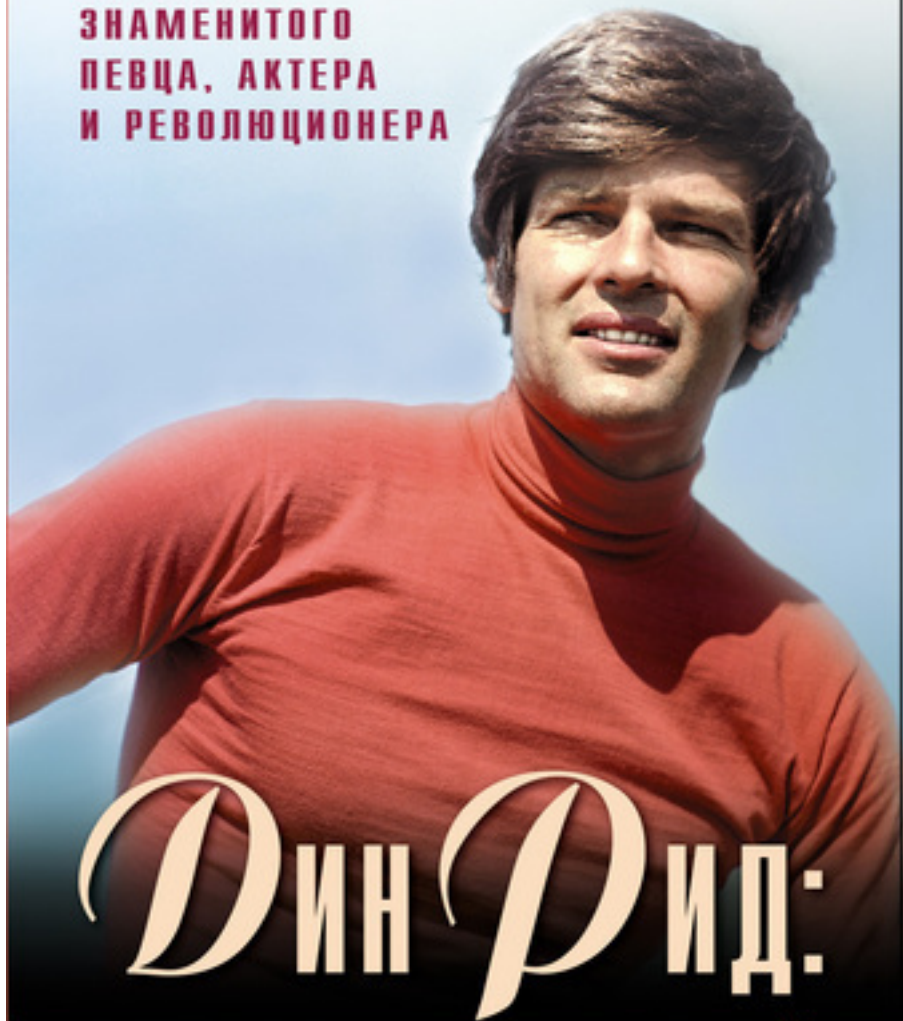


Ф. Раззаков

САМАЯ ПОЛНАЯ
БИОГРАФИЯ
ЗНАМЕНИТОГО
ПЕВЦА, АКТЕРА
И РЕВОЛЮЦИОНЕРА



Дин Рид:

трагедия красного ковбоя

Федор Раззаков

**Дин Рид: трагедия
красного ковбоя**

«ЭКСМО»

2006

Раззаков Ф. И.

Дин Рид: трагедия красного ковбоя / Ф. И. Раззаков — «Эксмо», 2006

Дин Рид – поэт, музыкант, певец, актер, красавец, любимец женщин. У него были все данные, чтобы стать суперзвездой и проводить жизнь в роскоши, почивая на лаврах. Но он выбрал иной путь – бунтаря и революционера, став самым ярким противником буржуазного строя, изгоем в своей стране, приверженцем социализма, преданным другом Советского Союза. Его легендарная жизнь насыщена такими яркими событиями, что ему могли бы позавидовать многие исторические личности, а его трагическая смерть до сих пор окутана завесой домыслов. Он публично издевался над американским флагом и ездил с концертами по всему миру. Он выступал против политики Пиночета, за что был посажен в тюрьму, и снимался в десятках кинофильмов. Он вступал в полемику с Солженицыным и дружил с Че Геварой. Это был человек Мира, променявший сытый покой на бесконечную борьбу...

© Раззаков Ф. И., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Часть вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Федор Раззаков

Дин Рид. Трагедия красного ковбоя

Предисловие

Говорят, что Дин Рид – персонаж на сегодня несовременный. Дескать, он был популярен в далекие теперь 70-е, когда и жизнь у нас была другой, и мы были другими. Но это заблуждение. Дин Рид сегодня не менее актуален, чем тот же Че Гевара, о котором пишут книги и сняли несколько десятков документальных и художественных фильмов. Между прочим, оба этих человека были лично знакомы, и команданте Че однажды останавливался в аргентинском доме Дина. Вообще у них масса общего: начиная от безграничной любви к Латинской Америке и заканчивая безудержной верой в торжество справедливости во всем мире. Наконец, оба закончили жизнь трагически: Че убили в боливийских джунглях, а Дин нашел трагическую смерть в социалистической Германии. Правда, есть одно «но»: если с гибелью первого все вроде бы ясно, то уход Дина до сих пор окутан плотной завесой слухов и домыслов. Впрочем, такой же плотной завесой окутана вся его жизнь – короткая, но весьма насыщенная событиями, которым могут позавидовать даже самые известные исторические личности.

Книга о Дине Риде должна была появиться в России давно. Ведь это несправедливо, когда такие книги выходят в Англии (в 1994 году), Германии (в 2004), США (в 2005), а в стране, которую Дин искренне любил и с которой был тесно связан на протяжении 21 года (из своих 47 лет), о нем напрочь забыли. Единственная книга о нем появилась в СССР в 1984 году, да и то это была перепечатка с небольшого (карманного формата) издания, выпущенного в ГДР. Настало время эту несправедливость устранить. Эта книга – дань памяти прекрасному человеку и артисту, имя которого каких-нибудь двадцать лет назад в нашей стране было на слуху у каждого – от взрослого до ребенка.

Часть первая

Из поп-звезд в революционеры

Дин Рид родился **22 сентября 1938 года** в небольшом американском городке Уит-Ридж (штат Колорадо), который в те годы был пригородом Денвера (сейчас он входит в состав этого города). Местечко было захолустное, провинциальное, где даже светофоров на улицах не было, поскольку жители городка предпочитали передвигаться по улицам пешком либо на лошадях. Отцу Дина, преподавателю математики и истории Сирилу Риду, в ту пору шел 35-й год, матери (она была дочерью датских эмигрантов) Рут Анне Браун – 25-й. В их семье уже был один ребенок, причем это тоже был мальчик – Дэйл, который родился в 1935 году. Спустя пять лет после рождения Дина его родители решили завести еще одного ребенка, очень надеясь на то, что у них родится девочка. Но, увы, судьба снова послала им мальчика – Вернона.

Дин рос весьма подвижным и дружелюбным мальчиком, целиком оправдывая свой астрологический знак – он родился в год Тигра, который на Востоке считается жизнелюбивым и бунтарским знаком. Еще будучи школьником, Дин всерьез увлекался спортом: занимался легкой атлетикой, баскетболом. Однако больше всего ему хотелось научиться верховой езде, чтобы стать таким же сильным и ловким, как тогдашний кумир миллионов американских мальчишек актер Джон Уэйн, воплощавший на экране исключительно положительных героев – либо храбрых кавалеристов, либо лихих ковбоев. В конце 40-х этим актером бредила не только Америка, но и весь мир, поскольку фильмы с его участием шли во многих странах (в том числе и в Советском Союзе, где сразу после войны был показан первый (и, увы, единственный) фильм с Джоном Уэйном в главной роли – «Путешествие будет опасным», или «Дилижанс»).

Дин боготворил Уэйна, подражая ему во всем: как в его киношных пристрастиях, так и во взглядах, которые этот талантливый актер разделял в повседневной жизни. А в ней Уэйн слыл ярым антикоммунистом. Впрочем, для 10-летнего Дина та антикоммунистическая кампания, которая началась в США в **июле 1948 года** с выступления в Конгрессе провокатора Элизабет Бентли (будучи агентом ФБР, она специально вступила в ряды компартии США, чтобы затем стать ее разоблачителем), а потом была продолжена сенатором Джоозефом Маккарти, была, конечно, делом десятым, если не двадцатым. Однако если бы Дина в ту пору спросили, кого он больше всего не любит, он бы не задумываясь сказал: коммунистов. Тем более что и его отец был ярим маккартистом и не считал зазорным, чтобы и его дети с младых ногтей впитывали в себя ненависть ко всему коммунистическому. Вот такой получается парадокс: будучи одним из самых знаменитых американцев, проповедовавших коммунизм, Дин Рид в детстве разделял диаметрально противоположные убеждения.

Место, где родился и жил Дин, являло собой классическое место американского Дальнего Запада. Для миллионов неамериканцев эти места стали известны благодаря фильмам Джона Форда (именно у него снимался Джон Уэйн), который практически все свои знаменитые кинополотна снимал в одном месте – в Моньюмент-Вэли (Долина Монументов) в штате Юта. А этот штат был соседним с Колорадо, где рос наш герой. Кроме того, Колорадо славился своими лесами и соседством со знаменитым Гранд-каньоном (штат Аризона), посмотреть который в Америку приезжали тысячи туристов со всего мира. Дин бывал возле каньона много раз, но еще больше он обожал величественный лес, где подолгу пропадал во время летних каникул. По его же словам, первые поэтические вдохновения пришли к нему именно там – в чащобах колорадского леса.

Поскольку ковбойская жизнь была немыслима без лошадей, Дин чуть ли не с младенчества мечтал завести себе скакуна. Отец, видя эту страсть, поощрял ее и, забирая сына на ранчо, потихоньку приобщал его к обращению с лошадьми. Однако в отдаленном будущем средний

сын виделся Сирилу Риду не фермером, а военным. Поэтому, когда Дину исполнилось десять лет, отец отдал его учиться в кадетскую школу. И как Дин ни сопротивлялся и ни умолял родителей не делать этого, тот был непреклонен: «Ты будешь офицером, и точка!» Мать Дина тоже была против такого решения, однако ее голос в семье значил не больше голоса сыновей.

С первых же дней пребывания в кадетской школе Дин окончательно убедился, что военная служба – не его стезя. Все эти ранние подъемы, муштра, обучение военным наукам казались ему настолько бессмысленным делом, что он не особенно это и скрывал от своих начальников. За что неоднократно бывал наказан. Однако чем больше его наказывали, тем сильнее в нем разгорался огонь непослушания. Это были первые сильные всплески его неукротимого нрава, который можно охарактеризовать одной фразой: «Я всегда все делал по-своему» (именно так будет называться одна из самых знаменитых песен Дина Рида). Видимо, всплески были настолько мощными, что даже заставили задуматься отца Дина. В итоге спустя год после поступления Дина в кадетскую школу отец забрал его оттуда. Чуть позже люди будут судачить, что Сирил просто испугался того, что средний сын может наложить на себя руки: Дин неоднократно грозился отцу сделать это, как только тот брался за ремень и пытался проучить сына за какую-нибудь провинность. Много позже эти заявления люди припомнят снова, после того как Дин уйдет из жизни при весьма загадочных обстоятельствах. Однако не будем забегать вперед.

Между тем пребывание в стенах «кадетки» оставило у Дина не только плохие впечатления. Именно там его безумная любовь к лошадям получила дополнительный импульс – Дин приобрел навыки настоящей верховой езды. И, вернувшись в семью, он поставил перед собой цель – в ближайшем же будущем занять личного скакуна. И хотя лошадь стоила 150 долларов, а у Дина отродясь таких денег не было (отец давал ему всего по несколько центов на карманные расходы), однако он был уверен, что поставленной цели обязательно достигнет. Так выковывалась еще одна черта его характера: ставить перед собой сложные задачи и обязательно их решать. И Дин начал самостоятельно зарабатывать деньги. В летние каникулы он нанимается к соседям стричь их газон за пару долларов в неделю, а зимой, когда в Колорадо выпадает много снега, этот же газон расчищает. Кроме этого, вместе со своими братьями он мастерит дома подставки для рождественских елок и самолично продает их накануне праздника. Так, цент к центу, Дин за год накопил около ста долларов. Не хватало еще пятидесяти, но тут на помощь сыну пришел его отец. Сирил Рид продал часть кур с фермы и вырученные деньги отдал Дину. В итоге вскоре мальчик стал обладателем своей первой в жизни собственной лошади – буланого жеребца с гривой и хвостом песочного цвета. Звали скакуна Блонди.

С этого момента ближе и роднее друга у Дина не стало. Будучи в школе, он думает только о Блонди, а когда возвращается домой, проводит со скакуном все свободное время. Родителям такое увлечение сына не очень нравится, поскольку эта любовь идет в ущерб учебе. Однако каждый раз, видя, с какой лаской Дин общается с Блонди, как они сливаются в единое целое во время скачки, их сердца все более смягчаются. И родители разрешают сыну всерьез заняться конным спортом. В летние каникулы Дин нанимается на фермы, специально созданные в окрестностях Денвера для привлечения туристов, и вскоре начинает участвовать в родео в стиле времен Дикого Запада. Он также сопровождает богачей, приезжающих в Колорадо на «дьюд ренчс» («ранчо для снобов») из Нью-Йорка или Чикаго. Дин учит этих снобов заскакать в седло как заправские ковбои и скакать по кругу. Снобы поначалу относятся с недоверием к парнишке, но когда видят, как лихо он смотрится в шляпе «стэтсон» и ковбойских полуштанках «чапсах» и, главное, как ловко управляет с лошадьми, их недоверие моментально улетучивается. А когда узнают, что Дин на своем скакуне Блонди уже участвует в родео и даже выигрывает там призы, их доверие к несовершеннолетнему учителю становится безграничным.

Еще одним увлечением Дина в те годы стала музыка. В основном это песни в стиле кантри (сельская музыка), которая была очень распространена на американских фермах. Дин с удо-

вольствием поет эти песни, поражая родителей и знакомых неплохими вокальными данными. Под впечатлением от этих вокальных партий отец Дина покупает ему гитару. Дину в ту пору было всего 12 лет. Но уже через полгода упорных занятий он научился настолько виртуозно обращаться с музыкальным инструментом, что это не осталось незамеченным. И отныне ни один школьный вечер не обходится без того, чтобы Дина не попросили: «Сыграй что-нибудь, Дин!» И он играл, тем более что песни в его исполнении больше всего нравились девушкам, которые занимали в мыслях Дина такое же место, как лошади и музыка. Кстати, не будь последней, Дин вряд ли смог бы пользоваться таким бешеным успехом у представительниц слабого пола. Внешне он был очень симпатичным мальчиком, но из-за своей худобы (друзья даже называли его «тощий Рид») и непропорционально больших ушей у него развился комплекс – ему казалось, что все девушки в душе над ним смеются. Но когда он брал в руки гитару и начинал петь, все эти страхи тут же улетучивались и Дин уже не сомневался – лучше его парня нет.

Именно любовь подвигла Дина на первые композиторские опыты. В 16 лет он влюбился в свою сверстницу Линду Мейерс и, плененный ее красотой, посвятил ей свою первую собственноручно написанную песню – «Не разрешай ей уходить».

Начав свою певческую карьеру с ближней аудитории (родителей и школьных товарищей), Дин постепенно расширяет круг своих слушателей. Вскоре он начинает петь и для туристов, которых обучает верховой езде на ранчо. А после того, как и их реакция оказывается положительной, доходит до того, что выступает в ресторанах перед тамошними посетителями. Эти выступления несут двойную выгоду: и душу греют, и кошелек пополняют. Стоит отметить, что песни в стиле кантри в те годы переживали очередной бум, вызванный появлением рок-н-ролла. Американская пропаганда приняла рок в штывки, отнеся его... к проискам коммунистов (дескать, это они придумали этот стиль, чтобы сбить с правильного пути американскую молодежь). Поэтому народные песни в стиле кантри всячески поощрялись, и певцы, которые их исполняли, были особенно привлекательны пропагандой. Что касается Дина Рида, то он к рок-н-роллу относился положительно, хотя поначалу и не исполнял песни в этом стиле. Зато, как и большинство американских юношей, был в восторге от зачинателя рока Билла Хэйли и фильма «Blackboard Jungle» (1955), где звучала его знаменитая песня «Rock Around the Clock». С неменьшим пиететом Дин потом относился и к Элвису Пресли.

В 1956 году Дин заканчивает школу и идет по стопам своего старшего брата, который учится в Валуэне, в Колорадском университете на факультете метеорологии, мечтая в будущем стать ведущим прогноза погоды на телевидении. В свободное от учебы время Дин продолжает зарабатывать деньги: поет в ресторанчиках, а в каникулы работает на ранчо.

Летом того же года имя Дина Рида впервые попадает на страницы американской печати. Причем печатают о нем не в какой-нибудь дешевой местной газетенке, а в популярном журнале «Ньюсуик». Однако поводом к этому стали отнюдь не его успехи на музыкальном поприще (до них еще несколько лет). Все было гораздо прозаичнее: Дин стал знаменит благодаря спору со своим коллегой-ковбоем по работе на туристском ранчо, что находится в 55 милях от города Ганнисона.

Ковбоя звали Билл Смит, и с Дином они были друзьями. Оба любили лошадей, однако когда на родео в Ганнисоне между ними зашел спор о физических возможностях лошади и человека, Смит был целиком на стороне животного, а вот Дин взял сторону человека. Вот уже несколько лет Дин занимался легкой атлетикой, в свое время был чемпионом школы по марафонскому бегу и был уверен, что сумеет победить лошадь. Когда Смит это услышал, он долго смеялся над своим коллегой, уверенный, что тот либо сумасшедший, либо отъявленный хвостун. Последнее определение Дин воспринял чуть ли не как оскорбление и предложил Биллу разрешить их спор немедленно. «Давай проведем состязание. Ты преодолеешь путь на ранчо и обратно до родео на лошади и будешь ехать шагом, а я преодолею этот путь на своих двоих». «С превеликим удовольствием!» – ответил Билл, который был не просто уверен, а буквально

убежден в своей правоте. Мул не может быть слабее человека, даже если будет идти шагом! И на его месте ни один настоящий ковбой не упустил бы шанса проучить заносчивого мальчишку, который думает иначе.

Сию же минуту были обговорены все условия предстоящего спора. В первую очередь была названа сумма (чисто символическая, поскольку дело было не в деньгах, а в принципе), которая должна была достаться победителю, – 25 центов. Поскольку маршрут был длинным (путь на ранчо и обратно насчитывал 177 километров), необходимо было позаботиться о пропитании. Брать с собой провиант было невыгодно (лишний груз), поэтому спорщики решили привлечь к этому делу повара с ранчо, который должен был на грузовике ехать в арьергарде и по мере надобности подкармливать соревнующихся. Также были оговорены и другие условия. Например, спорщики договорились, что если Билл доедет на муле до заранее отмеченного места отдыха на несколько минут раньше, то и в путь он должен будет отправиться с таким же минутным опережением.

Спорщики стартовали ранним июльским утром. Билл взгромоздился на своего любимого мула Спида, а Дин отправился в путь на своих двоих, облаченный только в шорты и легкие теннисные тапочки. Следом тронулся на грузовике повар с провиантом. Какое-то время лошадь и человек шли чуть ли не вровень, но потом животное вырвалось вперед и почти весь путь (а он занял 47 часов) не позволяло себя догнать. Хотя, может быть, это был тактический ход со стороны Дина – он таким образом мог усыплять бдительность своего оппонента. И ему это удалось.

Когда состязание подходило к концу и до арены родео оставалось всего 9 миль, Дин перешел с марафонского шага на бег. Сделать это ему было трудно, поскольку к этому моменту ноги его покрывали волдыри и буквально каждый шаг причинял Дину дикую боль. Но когда он сорвался с места и побежал, боль мгновенно куда-то ушла и вместо нее пришло жгучее желание победить. Это желание и без того было сильным, но теперь, на последнем отрезке пути, оно стало просто безудержным. К тому же Дин не любил и не умел проигрывать, а в этом споре он не мог себе позволить этого и подавно – слишком большое количество людей (все обитатели ранчо и родео) были вовлечены в него. И в случае своего поражения Дин просто не смог бы продолжать работать на прежнем месте. Короче, на карту было поставлено все. Видимо, именно это и придало дополнительные силы 18-летнему парню. Он рванул к финишу с такой скоростью, что шансов победить у лошади, которая тоже была не из железа и успела заметно подустать, просто не осталось.

Дин опередил своих соперников ровно на три минуты. Он первым вбежал на арену родео и, добежав до центра, рухнул на песок как подкошенный. Как потом подсчитали очевидцы, чистое время пробега заняло 22 часа, что составляло в среднем 5 миль в час. Это был фантастический рекорд, который не мог остаться незамеченным со стороны прессы. **6 августа 1956 года** в «Ньюсуик» была опубликована та самая заметка, в которой в подробностях описывались перипетии этого уникального пробега. Называлась заметка просто, но по существу – «Человек победил».

Между тем учеба на метеоролога доставляла Дину все меньше радости. Да это и неудивительно, если учитывать тот факт, что будущую профессию Дин выбирал себе не сам, а с помощью отца. Сирил Рид считал метеорологию весьма перспективной и всегда востребованной профессией и настоял на том, чтобы оба его старших сына посвятили ей свою жизнь. Младшему сыну Вернону тоже была уготована та же судьба, но пока, в конце 50-х, он был еще школьником.

Дин отучился всего лишь один курс, когда окончательно убедился в том, что метеорология – не его стезя. Повторялась та же история, что и в кадетской школе. Однако если в том случае на стороне Дина выступила его мать (что и позволило ему прервать учебу), то на этот раз Рут Анна была категорически против, чтобы Дин уходил из университета. И он остался

в нем, хотя все мечты и помыслы его были совсем в иных сферах – он мечтает стать певцом. Хотя никто из его близких и друзей всерьез не верит в его перспективы на этом поприще. Нет, все они с удовольствием слушают песни в его исполнении, некоторыми даже восторгаются, но, когда речь заходит о более серьезной перспективе стать музыкантом, дружно уверяют Дина, что это дело зряшное. «Тебе туда не пробиться», – вот стандартная реакция друзей на мечты Дина. А родители его любимой девушки идут еще дальше: когда Дин надоел им своими разговорами о карьере певца, они попросту запрещают дочери с ним встречаться. И девушка не смеет ослушаться родителей. О чем очень скоро горько пожалеет, но будет уже поздно.

Переломным в судьбе Дина стало лето **1958 года**. Закончив очередной курс в университете, он отправляется на каникулы к своим родителям, которые теперь живут в Аризоне. Это первое появление Дина в новом родительском доме после долгого перерыва. Однако там ничего не изменилось: мама так же, как и раньше, великолепно печет его любимые пирожки с тыквой, а отец не расстается с книгами и спорит о политике. Он был членом ультраправой организации «Общество Джона Бэрча» и ярким сторонником политики нынешнего президента страны Дуайта Эйзенхауэра. А вот государственного секретаря Джона Фостера Даллеса отец Рида недолюбливал и вечно критиковал. Как и миллионы американцев, он считал его виновным в том, что из-за его неразумной политики подорванными оказались взаимоотношения США даже с наиболее последовательными и верными союзниками и партнерами в Западной Европе. И это в тот момент, когда Советский Союз наращивал свою военную мощь и привлекал на свою сторону все больше сторонников.

Увы, Дин не мог выступить перед отцом в роли достойного оппонента в его диспутах на политические темы. В те годы наш герой был чужд политике и если интересовался ею, то весьма поверхностно. Его больше интересовали музыка, лошади и девушки, чем взаимоотношения США с союзниками и перспективы СССР в ракетной области. К тому же Эйзенхауэр был генералом, а военные всегда меньше всего нравились Дину. Хотя объективности ради стоит отметить – жизнь при президенте-генерале в Америке была неплохой: если предыдущий президент Трумэн оставил после себя долгов на 9,4 миллиарда долларов, то Эйзенхауэру не только удалось сократить дефицит, но в 1956–1957 годах и вовсе свести бюджет с превышением доходов над расходами. Много позже американские экономисты с тоской будут вспоминать эти времена, когда сбалансированный бюджет в их стране был реальностью. А в те годы, в середине 50-х, эта ситуация воспринималась как вполне закономерное явление.

Короче, в те годы Дин был далек от политики, и все его мысли были посвящены одному: тем летом он надумал ехать в Голливуд, чтобы попытаться наконец счастья – попробовать осуществить свою мечту стать артистом. Правда, родителям он об этом ничего не сказал, поскольку заранее знал их негативную реакцию на это.

Ранним августовским утром **1958 года** (в последнюю неделю каникул) Дин покинул родительский дом, чтобы на подержанном белом «Шевроле Импала» с откидным верхом отправиться из Аризоны в Калифорнию. Путь был неблизкий, но Дина это не пугало: он верил, что впереди его ждут исключительно успех и слава. Как ни странно, но именно так все и вышло.

До Калифорнии оставалось несколько десятков миль, и Дин мчал своего «железного коня», что называется, во весь опор – стрелка спидометра иногда подскакивала до ста миль в час. Прямое, как стрела, шоссе буквально плавилось от горячего солнца, и быстрая езда была единственным спасением от этого удушающего зноя. За окном автомобиля простиралась одна и та же унылая картина: обломки скал чередовались с вечнозелеными кактусами. Настроив волну радиоприемника на любимую радиостанцию, Дин крутанул ручку громкости до максимальной отметки и врубил музыку на полную мощь. В тот же миг салон автомобиля наполнился дивными звуками – пела модная перуанская певица Има Сумак, обладавшая потрясающе широким диапазоном голоса. Едва она допела свою песню, как эстафету от нее принял рокер Бадди Холли со своим прошлогодним шлягером «That will be the day». Кроме этого,

Бадди спел еще пару песен, где причудливо переплетались мотивы техасского и мексиканского фольклора, так уместные в тот момент, когда наш герой мчал свой автомобиль мимо канделяброобразных кактусов.

До Калифорнии оставалось всего-то ничего, когда на пустынном шоссе Дин заметил длинноволосого парня, голосовавшего на обочине. Парень выглядел не ахти: в стареньких джинсах, линиялой ковбойке и стоптанных башмаках. Через плечо у него была перекинута сумка, похожая на ту, в какой спортсмены обычно носят свою униформу. Дин спокойно мог проехать мимо, не утруждая себя лишним поводом напрягаться. У многих американцев все еще свежи были в памяти события полугодовой давности, когда в соседнем с Колорадо штате Небраска объявился маньяк Чарли Старквевер, который на пару со своей подружкой Кэрол Энн отправил на тот свет 11 человек. Среди жертв этой безумной парочки оказались влюбленные, которые по доброте своей посадили их в свой автомобиль, когда те голосовали на дороге. Три месяца назад – **5 мая 1959 года** – Старквевера посадили на электрический стул, а его подружку приговорили к длительному тюремному заключению. Дин, как и все американцы, внимательно следил за этим процессом и с тех пор дал себе зарок не подсаживать к себе в автомобиль незнакомцев. Однако, как это часто бывает, по прошествии какого-то времени зарок обычно забывается и все возвращается на круги своя. Короче, Дин тормознул свой автомобиль на обочине и взял попутчика.

Парень сел на переднее сиденье, а свою сумку бросил на заднее. При этом сумка упала рядом с гитарой, которую Дин всегда возил с собой. Увидев музыкальный инструмент, парень спросил:

– Играешь?

– Играю, – кивнул Дин.

– Молодец, я тоже когда-то баловался этим делом и даже держал собственный джаз.

Увидев косой взгляд Дина, обращенный на его стоптанные донельзя башмаки, парень засмеялся:

– Ты прав, сегодня я больше похож на бродягу, чем на руководителя джаза. Но когда-то на мне был костюм, а в руках саксофон. Мы играли вестерн-свинг и даже пару раз выступали в одних концертах с Бобом Уиллисом и его «Техасскими плейбоями». А ты какую музыку предпочитаешь?

– Разную, – уклончиво ответил Дин, подозревая, что его музыкальные познания рядом с познаниями этого бродяги могут выглядеть бледно.

– Разную – значит, никакую, – немедленно отреагировал собеседник. – К примеру, кто сейчас поет в радиоприемнике?

Дин узрел в словах парня издевку, поскольку по радио надрывался Джин Винсент, исполнявший свой шлягер 56-го года «We Вор a Lula», который знали даже его родители, весьма далекие от популярной музыки люди. Поэтому Дин не стал называть исполнителя, а только обронил:

– Ты что, издеваешься?

Тогда парень крутанул ручку приемника и поймал другую песню.

– А это кто? – вновь спросил он.

– Это «Too Young» Нэта Кинга Коула, – практически с ходу ответил Дин.

– Ты забыл добавить – покойного, – уточнил парень.

Покойным популярный певец-негр стал недавно: в 1956 году Нэт Кинг Коул был убит в своем родном штате Алабама группой белых американцев, которые таким образом выражали свой протест против того, что негр стал звездой.

– А ты молодец, разбираешься, – после некоторого молчания вновь нарушил тишину попутчик. – Тогда, может быть, ты мне споешь что-нибудь?

– Что, прямо сейчас? – удивился Дин.

– А что нам мешает? Тормозни вон у того дерева и спой свою самую любимую песню. А то музыка в приемнике надоела.

Собственно, Дин и сам давно хотел сделать привал и подкрепиться пирожками с тыквой перед последним автомобильным рывком. Поэтому предложение остановиться он встретил с одобрением и свернул на обочину. После чего спросил:

– Может, сначала перекусим?

– Ни в коем случае! – ответил парень. – Ты разве не знаешь, что петь, так же как и заниматься сексом, надо натошак?

– Почему?

– Голод стимулирует рвение.

Дин не стал спорить с этим утверждением и молча взял в руки гитару. В течение нескольких секунд он перебирал струны, прикидывая в уме, что лучше исполнить. Репертуар у него был богатый, в нем даже значились несколько песен собственного сочинения. Одну из них Дин и решил спеть своему попутчику. Это была его самая первая песня – «Не разрешай ей уходить».

Когда песня была исполнена, в салоне повисла тишина. Она длилась всего несколько секунд, после чего парень сказал:

– А что, недурно. Только я не помню, из чьего репертуара эта вещичка?

– Из моего, – усмехнулся Дин.

– Все понял, – всплеснул руками парень. – Ты универсал: сам пишешь, сам играешь, сам поешь. Скажу прямо: песня средненькая, но вот голос у тебя перспективный. Да и внешность тоже: ты чертовски похож на Бобби Ви. Короче, шанс стать артистом у тебя есть.

– А почему ты думаешь, что я хочу стать артистом? – спросил Дин, укладывая гитару на прежнее место.

– Я не думаю – я убежден. Иначе зачем тебе ехать в Калифорнию в конце летних каникул?

– Да мало ли зачем. Я вообще-то на синоптика учусь.

– Из тебя такой же синоптик, как из меня сенатор. Ты должен идти в артисты и улаживать народ своими сладкоголосым пением. Тем более что от рок-н-ролла народ сейчас устал. Лови момент.

– Легко сказать, лови. У меня ни связей, ни друзей в Голливуде.

– А вот это, брат, судьба. Ты мог промчаться по этому шоссе три или четыре часа назад и влетел бы в Голливуд, не обремененный никакими случайными знакомствами. Но судьба сделала так, что ты проехал именно сейчас и встретил именно меня. Человека, у которого по части этих самых связей кое-что имеется.

– Ты шутишь? – Дин от неожиданности даже повернулся к попутчику всем телом.

– Да, я – шутник, алкоголик и бабник, – с серьезным выражением лица ответил парень. – Но сейчас не тот момент, чтобы козырять этим. Я в глубоком дерьме, и у меня нет даже пары долларов, чтобы оплатить номер в самом задрипанном мотеле. Но я чувствую, что у тебя эта пара долларов есть.

– То есть я должен заплатить за тебя, а ты в свою очередь...

– Совершенно верно, – не дал договорить Дину парень. – Я сведу тебя с людьми, которые занимают не последнее место в музыкальной индустрии. В этой клоаке, где тебя ждут слава, деньги и толпы готовых на все девиц. Так что решай.

– Я уже решил, – Дин вновь взялся за руль и крутанул ключ в замке зажигания.

– А как же перекусить? – удивился парень.

– Возьми в моей сумке на заднем сиденье пирожки с тыквой, а я как-нибудь перебыюсь.

Тем более ты сам говорил, что голод стимулирует рвение.

Попутчик не обманул Дина. Он привез его в Лос-Анджелес, прямиком к офису крупнейшей фирмы грамзаписи «Кэпитол Рекордз». Эта компания появилась на свет в **1942** году благодаря стараниям двух человек: Джонни Мерсера и Бадди Де Силва. В **январе 55-го** большую

часть акций «Кэпитол» купила крупнейшая английская фирма звукозаписи «ЕМІ», после чего дела компании заметно пошли на лад. Под крышей «Кэпитол» на тот момент работали Нат Кинг Коул, Дин Мартин, Пегги Ли, Лес Пол, Мэри Форд, Джо Стаффорд. А совсем недавно под крыло «Кэпитол» перешел сам Фрэнк Синатра.

Попутчик познакомил Дина с одним из менеджеров компании. Последний выглядел уставшим, злым и при иных обстоятельствах не стал бы тратить на какого-то студентика свое драгоценное время. К нему каждый день приходят либо звонят сотни таких же вот парней и девчонок, мечтающих стать звездами типа Элвиса Пресли или Бадди Холли, однако настоящих талантов среди них раз-два и обчелся. И этот длинноногий парень, кажется, тоже из их числа. Однако он пришел не один, а с давним приятелем менеджера, которому он многим обязан, поэтому прогнать гостя никак не получалось. «Ну хорошо, я его послушаю», – вяло сказал менеджер. Они прошли в студию, где Дин на одном дыхании спел несколько песен: как своих, так и уже известных. Впечатление он произвел так себе, однако менеджер уловил в его манере исполнения какую-то изюминку. «Что-то в этом парне есть, – подумал про себя менеджер, глядя на то, как ловко Дин обращается с гитарой и как ладно сидят на нем брюки, рубашка и ковбойский „стэтсон“ на голове. – Да и голос у него вроде тоже неплохой».

Когда Дин закончил петь, менеджер подозвал его к себе и провозгласил:

– Вот что, парень. Приходи к нам после выходных, в понедельник, и мы сделаем пробную запись. Мне лично ты понравился, но этого, сам понимаешь, мало: надо, чтобы тебя оценили наши боссы.

Окрыленный этими словами, Дин выбежал на улицу. Он хотел от всей души поблагодарить своего попутчика, предпочеvшего дожидаться его в автомобиле, но, увы, салон «железного коня» оказался пуст. Случайный попутчик, которого Дину подбросила сама судьба и имени которого он так и не узнал, бесследно исчез, чтобы больше никогда не объявиться в жизни нашего героя. И единственное, что грело душу Дина, было то, что шесть долларов за номер в отеле он незнакомцу все-таки отдал успел.

На выходные Дин снял номер в дешевом мотеле и провел эти дни в нервном ожидании. Ему до сих пор не верилось, что все случившееся с ним – правда. И даже когда утром в понедельник он вновь переступил порог студии, все происходящее казалось ему каким-то наваждением. К действительности его вернул все тот же менеджер. Он объявил Дину, что требуется записать на пленку несколько песен, которые потом будут показаны боссам. Дин покорно встал к микрофону. Запись длилась примерно около часа, из которого Дин помнил разве что начало и конец – все остальное было как в тумане. Потом ему сказали, что за ответом надо прийти завтра. И опять Дин провел эти часы в нервном ожидании.

На следующий день Дин снова был в студии. Тот же менеджер вышел к нему улыбающийся и сообщил, что боссам запись понравилась. «Но завтра тебе надо прийти снова. Босс студии лично хочет с тобой познакомиться и окончательно решит твою судьбу». Радоваться этому сообщению у Дина уже не было сил. Единственное, что он тогда подумал: «О боже, сколько же можно?!» Но делать было нечего.

Президентом фирмы «Кэпитол» в ту пору был Уойл Гилмор. Он прекрасно разбирался в конъюнктуре музыкального рынка и, когда ему сообщили, что на горизонте объявился талантливый парень, который не только хорошо поет, но и прекрасно выглядит, он взял это на заметку. Прослушав запись, Гилмор отметил про себя, что его не обманули – голос у парня действительно был неплохой, а манера исполнения вполне могла прийтись по душе как домохозяйкам, так и девочкам-тинейджерам. Однако личное знакомство с парнем рассеяло последние сомнения Гилмора – Дин ему понравился с первого же взгляда. Он увидел высокого, русоволосого, красивого ковбоя в шляпе «стэтсон», будто сошедшего с придорожного плаката. Расспросив Дина о его жите-бытье, Гилмор поинтересовался:

– Если мы подпишем с вами договор, то ваша учеба полетит к черту. Вы готовы к этому?

– Конечно, готов! – ответил Дин, у которого от предчувствия близкого успеха пересохло в горле. – Как сказал мне один хороший человек несколько дней назад, синоптик из меня никудышный.

О том, как отреагируют на этот его поступок родители, Дин в тот момент даже не подумал. Впрочем, даже если бы эта мысль пришла к нему тогда в голову, это бы мало что изменило – желание стать звездой перевесило бы все аргументы.

В тот же день с Дином был подписан контракт, из которого следовало, что в течение семи лет он будет являться артистом фирмы «Кэпитол». Надо ли объяснять, на каком небе от счастья оказался наш герой! Не менее довольными были и представители «Кэпитол», которые увидели в Дине весьма перспективного артиста именно того направления, которое становилось все более востребованным в музыкальной индустрии. Дело в том, что за последних четыре года слушатель вдоволь наслушался рок-н-ролла, о чем наглядно говорили цифры продаж роковых пластинок – они снизились. Спад интереса к року начался еще в **марте 1957 года**, когда в первую десятку хитов попали лишь два представителя этого направления в музыке – Элвис Пресли и Фэтс Домино. Зато огромным спросом стали пользоваться пластинки с песнями в стиле кантри и лирическими балладами. Короче, на рубеже десятилетий в Америке на смену бунтарскому рок-н-роллу приходила сладкоголосая попса. Вот почему появление на горизонте «Кэпитол» такого исполнителя, как Дин Рид, было расценено боссами фирмы как несомненная удача: ведь Дин одинаково талантливо исполнял как кантри-песни, так и лирические баллады.

Спустя пару дней после заключения контракта Дин уже был в Денвере, чтобы утрясти все вопросы, связанные с его уходом из университета. Эта проблема заняла не так много времени, поскольку уговаривать Дина остаться никто не собирался. Гораздо большую проблему для Дина представляло объяснение с родителями, но он решил перенести это хлопотное дело на потом, благо родители жили недалеко и до следующей встречи с ними еще было время. «В крайнем случае, – подумал Дин, – можно написать им письмо. Лично не придется объясняться».

Вернувшись в Калифорнию, Дин с головой окунулся в проблемы музыкального шоу-бизнеса. Поскольку он был новичком в этом мире, помогать ему взялся его личный импресарио мистер Эберхард. За эту помощь последнему полагалось 25 процентов будущих гонораров Дина. Это была стандартная доля: например, ровно столько забирал у Элвиса Пресли его импресарио. Еще 10 процентов Дин должен был отдавать своему агенту, по 5 процентов полагалось рекламному агенту и бизнес-менеджеру. В итоге на руках у Дина по контракту должна была оставаться половина той суммы, которую он заработал. Но Дина это мало волновало, поскольку к деньгам у него всегда было довольно легкомысленное отношение: есть – хорошо, нет – и не надо.

Покорение Дином музыкального Олимпа началось по схеме, которую стали внедрять в Америке аккуратно в конце 50-х. Схема была достаточно проста. Под определенного исполнителя писалась пара-тройка песен, которые потом записывались на студии, прокручивались на радио и показывались по телевидению в передачах типа калифорнийской «American Bandstand» (именно благодаря этой передаче обрел свою известность твист – песню с таким названием исполнил негритянский певец Чабби Чеккер). И только потом, когда публика запомнила имя исполнителя, он выпускал синглы или «сорокапятки» (диски-миньоны на 45 оборотов с двумя песнями – по одной на каждой стороне, фирма «Кэпитол» перешла на выпуск таких пластинок весной **58-го**). Дин был включен в такую же схему и, по задумке своих боссов из «Кэпитол», должен был за короткие сроки не только отработать вложенные в него деньги, но и принести прибыль.

Между тем настало время, когда Дин сообщил своим родителям о крутых переменах в своей судьбе. Сказать, что они испытали шок, значит ничего не сказать. Особенно сильно переживал отец, который слыл человеком крайне консервативным и мечтал, чтобы его дети

получили серьезное образование и приносили пользу обществу. А какую пользу можно приносить, будучи эстрадным певцом, Сирил Рид даже не мог себе представить. Нет, он и сам любил музыку, особенно песни в исполнении Дорис Дэй и Фрэнка Синатры. Но разве можно было сравнить этих исполнителей с теми, кто пришел им на смену? С этими вертлявыми и распушенными певцами типа Элвиса Пресли или Литтла Ричарда? И хотя Дин всячески уверял отца, что его манера пения и поведение на сцене не потрафляют низменным вкусам, Сирила это не убеждало. Он никак не мог смириться с тем, что его сын сменил такую серьезную профессию, как метеорология, на профессию эстрадного певца. Что касается матери, то она пережила этот поворот гораздо менее драматично, поскольку сильно любила среднего сына (она называла его ласково – Дино) и всегда считалась с его мнением, каким бы необычным оно ни было. К тому же в ней самой до сих пор жила артистка (в юности Рут Анна занималась балетом).

Тем временем к началу **1959 года** Дин наконец дорос до первых «сорокапятков». В том году их у Дина вышло сразу три. На первой звучали песни: «The Search», «Annabelle», на второй – «I kissed a Queen», «A pair of Scissors», на третьей – «Our summer romance», «I ain't got you». Первые две пластинки особенным успехом у слушателей не пользовались, о чем наглядно говорит такой факт: песня «The Search» в **феврале 1959 года** заняла всего лишь 96-е место в хит-параде «Hot 100 charts» журнала «Биллборд». И только с третьей пластинки к Дину Риду пришел успех. Песня собственного сочинения «Our summer romance» («Наш летний романс») **4 октября 1959 года** заняла 2-е (!) место в «Top 50» США. И хотя этот хит-лист принадлежал радиостанции Денвера, однако для молодого певца и такой успех был сродни подвигу. Кроме того, за полтора месяца до этого, в **августе**, Дин дебютировал на телевидении: в передаче «Bachelor Father show» он исполнил песню «Twirly twirly».

В целом обстановка, царившая в музыкальном шоу-бизнесе, и то положение, какое Дин в нем занимал, его вполне удовлетворяли. Он зарабатывал пусть не самые большие, но достаточно хорошие деньги, его узнавали на улицах, ему признавались в любви. Последнее для Дина было немаловажно, поскольку он всегда питал слабость к женскому полу. А тут для его неутомимой сексуальной энергии было настоящее раздолье: девушек можно было менять хоть ежедневно. И хотя Дин не стремился сравняться с другими эстрадными певцами по части любовных побед, однако и в числе отстающих тоже не состоял. В поп-тусовке у него появились друзья – Фил и Дон Эверли, составлявшие легендарный дуэт «Братья Эверли», ставший с 1957 года, с песни «Bye bye love», фаворитом американских хит-парадов. С братьями Дин познакомился в актерской школе «Уорнер Бразерс», где они вместе обучались азам актерского мастерства.

В эту школу Дин попал не случайно. Когда потерпели неудачу его первые пластинки, он впервые всерьез задумался о том, правильную ли дорогу выбрал. Нет, он не собирался возвращаться к прежнему, в метеорологию, однако и его доселе радушные представления о карьере певца дали первую трещину. И когда это произошло, Дин решил подстраховаться. Он задумал пойти по актерской стезе еще дальше и получить профессию драматического артиста. Его теперь влек к себе Голливуд с его не менее большими возможностями, чем музыкальный шоу-бизнес. В итоге по совету одного из своих коллег Дин поступил в ту самую голливудскую школу актерского мастерства кинокомпании «Уорнер Бразерс», которой руководил Патон Прайс. Этот человек был хорошо известен в театральных кругах как приверженец системы К. С. Станиславского. И хотя выдающихся учеников из-под его крыла не выходило, однако в его друзьях состоял сам Кирк Дуглас (они учились в одной театральной студии), а из учеников можно назвать звезд американского ТВ Роджера Смита, Боба Конрада, а также театральную звезду Дона Мюррея (его звездная роль – главный герой в пьесе Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше»).

Несмотря на большую разницу в возрасте (более тридцати лет), Прайс стал для Дина настоящим другом и даже приютил его у себя в доме (Дин проживет в его нью-йоркской квартире два года). Это было не случайно, поскольку по своему духовному посылу они были очень

похожи. В Прайсе Дин нашел те качества, которые отсутствовали в его собственном отце: мудрость, тактичность, терпимость к человеческим слабостям. И даже то, что Прайс, в свои уже немолодые годы, был еще охоч до слабого пола, тоже дико нравилось Дину. Вдвоем они частенько устраивали походы по значным местам Нью-Йорка, что вызывало удивление у всех, кто знал про эти походы. Кстати, когда мать Дина спросит о том, какое влияние Прайс оказывал на ее сына, она ответит коротко: «Сексуальное». Это, конечно, было не так.

Поскольку Прайс был настоящим фанатом театра, он на многое открыл Дину глаза. Например, на русскую театральную школу. Для Дина это было настоящим открытием, поскольку до этого он относился ко всему русскому, а вернее, советскому, весьма предвзято (чему немало способствовал его отец – поклонник организации крайне правого толка «Общество Джона Бэрча»). Как и большинство американцев, Дин считал Советский Союз самой отсталой и несвободной страной в мире, где по улицам городов бродят дикие медведи (американская пресса писала об этом на полном серьезе). Поэтому, когда в **сентябре 1959 года** Америку посетил Никита Хрущев (один день он посвятил посещению Голливуда), Дин внимательно следил за этим визитом, но сказать, что он был воодушевлен этим событием, было бы явным преувеличением. Хрущев не произвел на него особого впечатления, напомнив внешне какого-нибудь фермера из Аризоны. И вдруг от своего учителя Прайса Дин узнает, что в этой отсталой стране – лучшая театральная школа!

– Система Станиславского – лучшая в мире, – говорил своим ученикам Прайс. – А знаете почему? Потому что в противовес театру ремесла, который у нас практикуют на каждом углу, он был за театр переживания. Актер должен пропускать страдания своего героя через собственное сердце – только тогда он может называться настоящим актером.

Когда же один из учеников напомнил Прайсу, что систему Станиславского многие считают устаревшей, тот взвился так, как будто дело коснулось его личной чести.

– Чуть! – заявил Прайс. – Если вы верите этим заявлениям, тогда вы должны признать устаревшим и многое другое. Например, законы Ньютона, Эйнштейна, Дарвина. Ведь они тоже были открыты многие десятилетия назад. Но вы же так не считаете. Вот и система Станиславского не только благополучно дожила до наших дней, но сегодня еще более актуальна, чем при жизни ее создателя. Например, законы Кеплера о движении небесных тел были непонятны его современникам-ученым, но сегодня они легко и просто укладываются даже в сознании школьников. То же и с системой Станиславского. Наша жизнь сегодня стала еще жестче, прагматичнее, даже циничнее, и поэтому современное искусство должно не скрести по коже подобно двухцентовой расческе, а вонзаться острой иглой в самое сердце, в душу. Но для того, чтобы это случилось, актеру необходимо трудиться как каторжнику. Именно к этому и призывает система Станиславского.

Много позже Дин так охарактеризует свои чувства к этому человеку: «Патон заставил меня понять, чего же мне не хватает, а именно – зрелости. И дело совсем не в том, что по возрасту он мог быть мне отцом, зрелость отнюдь не возрастное понятие.

Патон обучил меня, как нужно вести себя перед камерой и перед микрофоном, он посвятил меня в тонкости этого ремесла. Но это было не самое главное в его науке. Свою главную задачу он видел в том, чтобы воспитать в своих учениках понимание гуманизма профессии киноактера. И хотя Прайс отлично понимал, насколько подвержено коррупции искусство в Соединенных Штатах, он не уставал повторять: «Как же можно строить дом, не имея фундамента? Как ты собираешься пробудить в аудитории чувства, которых не испытываешь сам? Как ты смеешь говорить правду, если ты сам не веришь в нее, как можно утвердить правду, оставаясь лжецом?» Символ веры Патона Прайса был неколебим: «Человек не способен создать что-либо истинно ценное, если он сам несовершенен»...»

Между тем Прайс открыл Дину глаза не только на театр. Он слыл пацифистом и сумел привить свои взгляды по этому поводу и своему ученику. И хотя Дин так и не смог понять и

принять одного поступка Прайса (в годы войны он отказался идти служить в американскую армию, которая вступила в войну с фашизмом, за что угодил за решетку), однако во всем остальном он поддерживал своего учителя беспрекословно. Даже на многие события американской истории Прайс заставил Дина взглянуть по-новому. Однажды, когда они коротали вечер за неспешным разговором, а по телевизору диктор сообщил, что военный бюджет США в **1959 году** превысил 42 миллиарда долларов, Прайс заметил:

– Наша страна, которая была рождена революцией и слыла на протяжении полутора столетий светочем свободы, сегодня превратилась в сильнейший оплот реакции и готова свергнуть любое правительство, если оно может ударить по американским капиталовложениям и политическому влиянию.

– И в чем причина, учитель? – поинтересовался Дин.

– В наших исторических корнях, мой друг. Мы строили свою страну с таким упоением и злостью одновременно, что оба этих чувства слились в нас воедино. Но если наши предки истребляли индейцев и линчевали негров, но сумели сохранить остатки человечности благодаря религии, то сегодня все иначе. Двадцатый век принес с собой отказ от викторианской стыдливости и решимость не скрывать более свои низменные инстинкты. Наша страна взяла на себя роль мирового жандарма, и большинство наших соотечественников этому рады. Как же, ведь мы – лучшие в мире! Этому учат нас наши учебники истории.

– А разве мы не лучшие в мире? – спросил Дин, который в те годы еще верил в те истины, которые проповедовались в американских учебниках.

– Запомни, Дин, раз и навсегда: хороших или плохих народов не бывает. Когда-нибудь ты это поймешь, но для этого тебе надо поехать по миру. Надеюсь, выбранная тобой профессия тебе в этом деле поможет.

Как покажет будущее, Прайс оказался прав.

Тем временем закончились 50-е. В американской музыкальной индустрии это время было отмечено громким скандалом. По требованию администрации США, которая видела в рок-н-ролле рассадник порока, законодательная власть в конце **1959 года** затеяла целый ряд судебных процессов против нескольких десятков радиостанций на предмет коррупции среди диск-жокеев. Последние обвинялись в том, что брали взятки от рок- и поп-менеджеров, после чего продвигали их исполнителей на первые места в хит-парадах и без конца крутили их песни. Эта «публичная порка» была настолько масштабной, что в Сенате США была даже создана специальная подкомиссия по этому делу. Под каток репрессий угодили многие знаменитые менеджеры, в том числе и «Король биг-бита» Алан Фрид, которого суд упек за решетку на несколько лет (неволя подорвет здоровье Фрида, и, освободившись из тюрьмы, он вскоре умрет в возрасте 42 лет).

Нашего героя эта кампания несколько не коснулась, поскольку его хиты продвигать в массы с помощью взяток никто не собирался. Да и хитов-то было немного – всего один («Наш летний романс»). Остальные песни Дина Рида американская публика принимала более спокойно. Когда это стало окончательно ясно, боссы «Кэпитол» решили «окутить» соседние с США территории, в частности Латинскую Америку (Чили, Аргентину, Бразилию, Перу). Как итог в **1960 году** свет увидели еще четыре «сорокапятки» Дина Рида, две из которых были предназначены для родного слушателя – американцев, а две другие – для соседей. На пластинках для соотечественников звучали следующие песни: на первой – «Don't let her go», «No wonder», на второй – «Hummingbird», «Pistolero». Для «соседей» Дин напел свои прежние вещи на испанском языке. Это были: на первой пластинке – «Nuestro amor veraniego» («Our summer romance»), «No te tengo» («I ain't got you»), на второй – «No la dejes irse» («Don't let her go»), «No te extranes» («No wonder»).

Прошло всего лишь несколько недель с момента, когда синглы Дина оказались в Латинской Америке, как вдруг случилась сенсация: в «Кэпитол» пришла информация, что пластинки

пользуются там большим успехом. Дело дошло до того, что во многих магазинах их спрашивали гораздо чаще, чем пластинки Фрэнка Синатры и Элвиса Пресли, несмотря на то, что именно в те дни оба этих выдающихся певца объединили свои усилия: в **мае 1960** года Синатра и Пресли спели дуэтом в телепрограмме Синатры, причем Пресли впервые нарядился в смокинг, представ перед телезрителями уже не как бунтарь с всклокоченными волосами, а вполне respectable исполнителем поп-музыки. Успех пластинок Дина Рида был мало прогнозируем, но он состоялся. И теперь требовалось развить его и поиметь с этого максимальную прибыль. В итоге боссы «Кэпитол» взяли срочное организовывать турне Дина по Латинской Америке. Оно должно было состояться в начале **1961 года**. Но прежде чем отправиться в это турне, Дин принял участие в другом важном мероприятии – выборах 35-го президента США.

Как мы помним, в 50-е годы Америкой правил бравый генерал Дуайт Эйзенхауэр (он преbывал в Белом доме два срока). Когда он в первый раз избирался на пост президента, нашему герою было 14 лет и политика его мало интересовала. Но по мере взросления отношение Дина к тому, что происходило в его стране, стало меняться. Несмотря на то что Эйзенхауэр нравился его отцу, сам Дин был невысокого мнения о генерале. Он еще со времен своего короткого пребывания в кадетской школе понял, что военные – не те люди, которые могут ему импонировать, и что лучше всего держаться от них подальше. Поэтому к президенту-генералу Дин относился без особого пиетета, впрочем, как и большинство его соотечественников, которые оказались разочарованными политикой Эйзенхауэра во время второго срока его правления. На рубеже десятилетий Америке хотелось другого президента, и она с нетерпением ждала новых выборов. И вот это время настало.

Главными кандидатами на пост президента стали выдвиженец республиканцев (к этой партии принадлежал и Эйзенхауэр) Ричард Никсон и демократ Джон Кеннеди. Симпатии Дина целиком были отданы последнему: тот нравился ему и чисто внешне, и по взглядам, наконец, он был на четыре года моложе своего оппонента. Впрочем, Дин здесь был не исключением – практически вся молодая Америка симпатизировала Кеннеди. А вот учитель нашего героя Патон Прайс был более сдержан в своих чувствах. Будучи пацифистом, он даже в Кеннеди видел продолжателя милитаристских настроений. А когда Дин попытался было с ним поспорить на эту тему, аргументированно ему доказал свою правоту.

– Когда в Белом доме демократы – жди войны, – заявил Прайс. – Если ты хорошо знаешь историю, Дин, то и сам в этом легко убедишься. Вспомни, при ком мы овладели Средним и Крайним Западом, купили Луизиану, провозгласили доктрину Монро, аннексировали Техас? Именно демократы заняли Юго-Восток и Калифорнию. При Рузвельте мы участвовали в войне против фашизма, и хотя эта война справедливая, однако факт есть факт: мы опять воевали. Что касается Трумэна, то его деяния ты и сам хорошо помнишь: холодная война и война в Корее. Так что я не удивлюсь, если и Кеннеди захочет провести какую-нибудь пусть маленькую, но победоносную войну.

Дину нечем было возразить своему учителю, хотя на его тогдашнее отношение к Кеннеди этот спор не повлиял. Ему тогда казалось, что у этого человека все-таки хватит ума не следовать традициям своих предшественников. Впрочем, так думали многие американцы.

Между тем в предвыборной гонке оба кандидата долгое время шли, что называется, ноздря в ноздю, пока наконец в **сентябре-октябре 1960 года** не состоялись их телевизионные дебаты. Именно они и выявили победителя – Джона Кеннеди (49 % избирателей впоследствии признали, что именно дебаты на ТВ оказали определенное или решающее влияние на их решение, за кого голосовать). Ситуацию пытался спасти Эйзенхауэр, который за неделю до выборов выступил в ряде крупнейших городов востока страны и призвал голосовать за Никсона: дескать, только он может спасти мир и предотвратить инфляцию. Кеннеди генерал назвал «молодым гением», но отметил, что ему недостает качеств, необходимых для президента Соединенных Штатов. Но это выступление не смогло изменить ситуацию: Кеннеди побе-

дил, хотя и не разгромно – он получил 34,2 миллиона голосов, всего на 113 тысяч голосов, или на одну десятую процента голосов, больше, чем Никсон (такого незначительного разрыва в голосах американская история не знала с 1880 года).

Инаугурация нового президента состоялась **20 января 1961 года**. Как и большинство американцев, Дин наблюдал ее по телевизору. А спустя полтора месяца – в самом начале марта – Дин отправился на свои первые зарубежные гастроли, в Чили. Здесь следует совершить небольшой экскурс в историю.

Чили была страной, которой в стратегических планах США отводилось особое место. Причем отводилось достаточно давно – с конца Первой мировой войны, когда американцы сумели значительно оттеснить в Чили англичан (зато позиции Англии оставались сильными в соседних Аргентине, Бразилии и Уругвае). В итоге на протяжении последующих сорока лет Чили являлись активным союзником США, особенно в экономике: на долю американских компаний приходилось 80 % добычи меди – ведущей отрасли чилийской экономики, 90 % добычи йода и селитры, 60 % – железной руды. Однако после того, как в 1959 году на Кубе произошла революция, в Латинской Америке начались необратимые процессы, которые придали новый импульс тем силам, которые были заинтересованы в том, чтобы в их странах гегемония США прекратилась. И Чили здесь не были исключением.

Американцы прекрасно это понимали, боялись этого и поэтому делали все возможное, чтобы не дать вытеснить себя. Вот почему с начала президентства Джона Кеннеди (**осени 1960 года**) американизация Чили сначала проходила с удвоенной энергией. Например, если взять соседнюю Аргентину, то там этот процесс проходил с большей натугой, поскольку этому противились сами власти страны. Взять ту же культуру. Так, президент Перон издал специальный указ, обязывающий местные радиостанции отводить минимум 50 % эфирного времени музыкальным передачам, где должны звучать произведения аргентинских композиторов или фольклорная музыка. В Чили все было иначе. Поскольку подобных законов там не было, то большую часть своего эфира тамошние диджеи отдавали американской музыке, а родной чилийской – меньшую часть. Как итог: под влиянием моды многие популярные чилийские певцы вынуждены были взять себе американские псевдонимы, поскольку только это могло обратить на них внимание публики. Поэтому певец Патрисио Энрикес стал Пэтом Генри, а братья Карраско – «близнецами Карр». Как писали в те дни чилийские газеты, заезжим звездам из США достаточно было быть белокурами и выглядеть настоящими янки, и мгновенный успех у чилийцев им был обеспечен. Дин Рид хоть и не был белокур, но во всем остальном был типичным янки: он был молод, высок, красив и пел на чистом английском душещипательные песни про любовь.

Когда Дину сообщили об успехе его пластинок в Латинской Америке и предложили совершить турне по ней, он хоть и согласился, но в душе сомневался – ему казалось, что этот успех может быть случайным. Публику ведь не поймешь: сначала она с удовольствием раскупает твои пластинки, а едва на горизонте появляется новая звезда, тут же про тебя забывает. Но Дин зря сомневался, его визит (как и визиты других американских звезд эстрады) занимал в планах политиков большое место, и денег на его рекламную раскрутку не жалели. Это турне должно было показать: в США – все самое лучшее, и этим лучшим американцы не скупятся делиться со своими соседями.

Уже первые же часы пребывания Дина в Чили заставили его приятно удивиться. В аэропорту города Сантьяго ему был оказан такой прием, какой никогда не был оказан у него на родине. Его встречали как VIP-персону не только носильщики, но и работники таможни и чиновники службы паспортного контроля. А когда Дин вышел на улицу, там его встретила... многотысячная восторженная толпа, в основном состоявшая из девушек. Толпу с трудом сдерживал кордон из полицейских, которые, взявшись за руки, образовали живую цепь. Девушки визжали, размахивали над головой огромными постерами с изображением Дина и кричали: «I love you, Dean!» Тут же сновали репортеры различных изданий и телевизионщики, которые

вели прямую трансляцию этого визита. Но это еще не все. Едва автомобиль с Дином покинул аэропорт и въехал в город, как такие же толпы восторженных людей высыпали на тротуары, а другие свесились с балконов своих домов. Короче, такого феерического приема Дин еще ни разу не встречал. А ведь перед самым приездом сюда, в офисе «Кэпитол», когда ему сообщили, что успех его песен в Чили превзошел успех хитов Пресли и Синатры, он искренне посмеялся над человеком, сообщившим ему это, сочтя его слова неуместной шуткой. И вот теперь Дин воочию убедился, насколько тот человек был прав.

Лимузин мчался по улицам чилийской столицы к центру города, к гостинице, а Дин смотрел из окна на людей и не переставал удивляться. Он никак не мог взять в толк, за что его так любят. Неужели за те две-три песни, которые незадолго до этого стали продаваться в здешних магазинах? А за что эти же люди любят тех же Пресли и Синатру? Все за то же – за песни. А еще за тот образ, который сами же люди придумывают в своем воображении. Людям нужны кумиры, они сами их выдумывают, сами возводят их на пьедестал, сами им поклоняются, а потом сами же их оттуда и свергают. И так вышло, что год назад таким кумиром здесь был Пресли, а теперь люди избрали другого – Дина Рида.

Между тем чудеса продолжают. Гостиница, которую выделили Дину – лучшая в городе. Она расположена прямо напротив президентского дворца Ла Монеда. Лимузин въезжает на площадь перед дворцом... и Дин видит такую же тысячную толпу, как и в аэропорту. Завидев автомобиль, люди бросаются к нему, сметая полицейский кордон и рискуя оказаться под колесами лимузина. Дин закрывает свое окно, поскольку десятки рук лезут к нему в салон и готовы буквально разорвать его на части. Так длится несколько минут, пока наконец полицейским не удастся оттеснить людей (это опять в основном девушки) от автомобиля и создать живой коридор перед входом в гостиницу. Дин стремительно открывает дверцу авто и чуть ли не бегом направляется внутрь здания. За ним следом семенит его импресарио, который подталкивает его в спину каждый раз, когда Дин хочет остановиться и пожать чью-то тянущуюся к нему руку.

В номере гостиницы Дин обессиленно падает на широкую кровать. А импресарио выходит на балкон и спустя какое-то время зовет к себе Дина: «Ты должен выйти к народу, иначе они тебе этого не простят». Дин вынужден подчиниться. За те несколько лет, что он варится в котле шоу-бизнеса, он прекрасно уяснил, что лучше следовать законам этого бизнеса, чем их игнорировать. Он выходит на балкон, и многотысячная толпа тут же взрывается визгом и громом аплодисментов. Дин машет ей рукой и улыбается. Он знает, что завтра эти кадры украсят все центральные газеты.

На следующее утро Дину предстояла первая запись на студии грамзаписи. Как выяснилось, студия расположена всего лишь в нескольких кварталах и добираться до нее на автомобиле всего-то ничего – пять минут. Однако этот путь растянулся на полчаса, поскольку вечерняя история повторилась – толпы восторженных жителей Сантьяго обступили лимузин, и тому с трудом удавалось пробивать себе дорогу. После этого случая Дин сообщил своему импресарио, что он отказывается от услуг водителя и будет добираться до студии пешком – так быстрее. «Быстрее? – удивился импресарио. – Да тебя разорвут на части эти ополоумевшие девицы!» «А вот это уже твои проблемы: как сделать так, чтобы я добрался до студии в целостности и сохранности», – ответил Дин.

Импресарио эту проблему решил. Он обратился за помощью к руководству студии, которое, в свою очередь, дало знать об этом в полицию. И на следующий день Дин действительно добирался до студии пешком, но в плотном кольце стражей порядка. Их было так много, что Дин даже сбился со счета. Он потом уточнил у импресарио их число и, когда тот назвал его, даже присвистнул: полицейских было 58 человек. У самого Элвиса Пресли их было всего на десять больше, когда он приезжал с гастролями в Канаду. Впрочем, Дина это уже не удивляет. В тех же чилийских газетах, начиная от солидной «Эль Меркурио» и заканчивая утренней

«Кларин», его имя ставится в один ряд с именами того же Пресли, Пола Анки, Рэя Чарльза, Фрэнка Синатры и молодой британской звезды Клиффа Ричарда.

В Чили Дин пробыл почти две недели и практически все это время посвятил работе. Утром он обычно записывался на студии, днем репетировал или выступал на радио, а вечером давал концерт. На последних были сплошь одни аншлаги. Лишние билеты спрашивали за километр от концертного зала, и достать их удавалось единицам, поскольку желающих остаться дома в такой вечер практически не было. Дин отработывал каждый концерт на полную катушку, варьируя репертуар в угоду публике: чередовал лирические баллады с забойными рок-н-роллами. Где-то в середине гастролей у него выдался выходной день, однако использовать его так, как ему хотелось – спокойно погулять по городу и полюбоваться его красотами, – Дин так и не сумел: импресарио отговорил его делать это, предвещая неминуемое столпотворение. И почти весь день Дин провел в гостинице, часть дня посвятив сну, а вторую – просмотру телевизора и чтению газет. Одна из заметок его поразила больше всего. В ней сообщалось, что на днях чилийские рабочие избили его земляка, американца, управляющего филиалом одной американской компании. При этом они кричали американцу: «Янки, убирайся домой!» Дин был поражен таким отношением к своему земляку: «Я ведь тоже американец, но мне никто здесь не кричит: „Янки, убирайся!“ В чем дело?» Он обратился за ответом к своему импресарио, который был намного старше его, но тот только похлопал Дина по плечу и многозначительно изрек: «Не забивай себе голову всякой чепухой. Это политика, Дин, а с ней нашему брату лучше не связываться».

Нельзя сказать, что Дин был наивен в вопросах политики. Все-таки дружба с Патеном Прайсом на многое открыла ему глаза. Однако время серьезных размышлений на этот счет для Дина еще не наступило. Поэтому в те годы Дин был типичным среднестатистическим американцем, слепо любившим свою страну и не задумывавшимся о том, почему другие народы эту страну активно не любят. И первый серьезный всплеск размышлений на эту тему произошел в его сознании именно в Чили. Однако этот всплеск тогда длился недолго – гастрольная круговерть уже на следующий день вновь закрутила Дина.

Между тем в последний день пребывания Дина в Чили он был приглашен на раут. Его давал в американском посольстве посол США в Чили Коул. Посещение подобных светских вечеринок было обязательным для Дина, поскольку на них всегда можно было завести полезные знакомства не только с представителями шоу-бизнеса, но и с политиками, бизнесменами и прочими людьми из разряда нужных. Не стал исключением и этот раут: в тот вечер в посольское здание на улице Агустинас, что в 100 метрах от президентского дворца Ла Монеда, съехалось порядка пяти десятков человек, представляющих если не весь цвет, то половину точно истеблишмента Сантьяго. Естественно, никого из них Дин не знал, зато они все его знали, и чуть ли не каждый из них считал за честь подойти к нему и выразить свое восхищение его талантом. Впрочем, Дин не был до конца уверен, что все они были искренни в своих комплиментах: лица некоторых из них источали улыбки, но вот глаза оставались холодными. Хотя были и приятные встречи. Одна из них произошла в самом начале раута, когда к Дину подошла пожилая супружеская чета: усатый мужчина в строгом костюме и миловидная женщина в длинном блестящем платье. Дин мучительно вспоминал, где видел этих людей, но где их встречал, так вспомнить и не смог.

Мужчина протянул Дину руку для приветствия и представился:

– Сальвадор Гонсалес Альенде, а это моя супруга Ортенсия Бусси де Альенде.

Дин пожал руку мужчине, тут же вспомнив, где слышал его имя: в одной из чилийских газет он читал статью про деятельность Альенде на посту министра здравоохранения в конце 40-х годов, когда тот создал в Чили первый страховой фонд для рабочих. Альенде был одним из создателей социалистической партии в Чили и являлся весьма влиятельным сенатором. Знакомство с ним, как выражался импресарио Дина, было из разряда «нужных».

– Мы были на вашем последнем концерте, мистер Рид, и получили массу удовольствия, – произнес Альенде.

Вот тут Дин наконец вспомнил, где он видел этих людей, – на своем концерте в Сантьяго. Чета восседала в первых рядах, однако за кулисы к нему так и не пришла. И вот теперь, видимо, решила познакомиться поближе.

– Мне очень приятно, сеньор Альенде, что мое творчество вам небезразлично, – улыбнулся Дин.

– Да, концерт нам понравился, хотя у меня лично есть и претензии. – По лицу Альенде пробежала лукавая улыбка.

Дин напрягся, поскольку претензий ему в этот вечер еще никто не высказывал. А его собеседник тем временем продолжил:

– Вам следует больше петь чилийских песен, мистер Рид. У нас ведь очень богатая музыкальная культура.

– Я постараюсь учесть ваше замечание, сеньор Альенде, – ответил Дин.

В этот миг в разговор вмешалась жена Альенде, которая положила свою ладонь на запястье Дина и сказала:

– Мой муж в пору своей учебы в медицинском институте сам увлекался пением и с тех пор очень любит фольклорную музыку. Я же к ней равнодушна и предпочитаю традиционную эстраду. Так что мое мнение: ваш репертуар, мистер Рид, вполне изыскан.

Дин в благодарность за эти слова поцеловал собеседницу руку. На этом их короткая встреча закончилась.

Между тем раут продолжался. Всю его официальную часть Дин простоял со своим импресарио в глубине зала, потягивая прекрасное божоле из глубокого бокала. В отличие от Дина, который место своей дислокации не менял, импресарио периодически куда-то убегал, потом снова возвращался и рассказывал Дину о том, с кем ему посчастливилось познакомиться. В один из таких моментов, когда импресарио в очередной раз испарился, к Дину подошел элегантный господин в смокинге и на чистом английском, правда, с небольшим акцентом, сказал:

– Я думал, что уроженцы Колорадо предпочитают божоле виски.

– Видимо, я не типичный колорадец, – улыбнулся Дин.

– В таком случае я не типичный немец: пиву я предпочитаю армянский коньяк.

Дин оценил шутку и в знак этого поднял руку с бокалом. После чего незнакомец представился:

– Генрих Вайс из Мюнхена. Большой поклонник вашего таланта, мистер Рид. Еще большим поклонником ваших песен является моя супруга, но она, увы, сегодня здесь не присутствует – лежит с температурой дома.

– Передайте ей от меня большой привет, – улыбнулся Дин.

– Мне кажется, что привет – не самый лучший подарок. Было бы лучше, если бы вы черкнули ей свой автограф.

– С удовольствием. – Дин достал из кармана перьевую ручку и размашисто расписался на чистом листе блокнота, который ему протянул его визави.

В это мгновение к Дину вернулся импресарио, и Генрих Вайс, любезно раскланявшись, удалился.

– Кто этот человек? – поинтересовался у Дина импресарио.

– Немец Генрих Вайс. Это все, что мне удалось о нем узнать.

– Ничего, это поправимо, – ответил импресарио и подозвал к себе второго посла, чтобы выяснить у него подробности биографии немца. Но посол ограничился только краткими сведениями, сообщив, что Генрих Вайс – представитель профсоюзного Фонда Фридриха Эберта в Чили. Этот фонд в ближайшем будущем собирается открывать свою миссию в Сантьяго, и Вайс направлен сюда, чтобы прозондировать почву.

– Я думаю, этот человек нам не очень пригодится, – потягивая виски, произнес импресарио. – Хотя кто знает, кто знает...

Тем временем гастроли Дина продолжаются. После Чили он отправился в Бразилию, затем побывал в Перу и Аргентине. И в этих странах его принимали не менее восторженно, чем в Чили. Опять толпы восторженных поклонниц не давали ему прохода, перекрывая все пути к гостинице и концертным залам.

В Бразилии Дин выступал в нескольких городах, в том числе и в новой столице страны городе Бразилиа. Строительство этого города началось в 1957 году, а его торжественное открытие состоялось всего год назад – в **апреле 60-го**. С этого момента Рио-де-Жанейро утратил свой статус столицы, которой был с 1763 года, еще с колониальных времен. Новая столица Дину понравилась – это был вполне современный город, построенный на берегу живописного водохранилища. И вообще эта самая крупная страна Латинской Америки его здорово впечатлила. Во время своей недолгой учебы в Колорадском университете с ним учился один бразилец, Лусио, который всегда с восторгом отзывался о своей родине и говорил, что лучшего места на земле не существует. На что Дин отвечал: «Лучшее место на земле – это город Денвер». После этого они чуть ли не до хрипоты спорили с Лусио: тот вспоминал про ландшафты своей страны, Дин – про леса вокруг Денвера. Победителей в этих спорах никогда не было, да и не могло быть, ибо каждая местность на земле хороша по-своему. И вот теперь, попав в Бразилию, Дин должен был согласиться, что во многом, расхваливая свою страну, Лусио был прав. А еще он купил себе красочный буклет, из которого узнал, что эта страна, раскинувшаяся на территории в 8,5 миллиона квадратных километров, богата золотом, ураном, бокситами, железом и занимает седьмое место в капиталистическом мире по валовому национальному продукту.

Однако по мере пребывания в Бразилии впечатления от этой страны у Дина начали меняться. Нет, они не становились хуже, но кое-какие сомнения насчет этого «райского уголка» в его душу закрадывались. Например, в одной из газет он вычитал, что нынешний президент страны Куадрос поддерживает Кубу. Ту самую Кубу, которая официально признана США врагом № 1 и которую большинство стран региона бойкотируют. Дальше – больше. Однажды, во время одной из репетиций, Дин познакомился с двумя музыкантами из местного оркестра, которые оказались уроженцами северо-восточной области Бразилии. По их словам, это были самые неблагополучные районы Бразилии. Собственно, эти двое музыкантов и уехали оттуда, потому что найти приличную работу там невозможно. Средняя продолжительность жизни там всего 50 лет, безработица составляет почти 30 процентов, столько же и безграмотных. Плюс два миллиона беспризорных детей. Дин был потрясен этими сведениями. Он тогда еще подумал про себя: «Знай я об этом три года назад, я бы нашел способ обуздать этого хвастуна Лусио».

После Бразилии гастрольный маршрут Дина пролегал в Перу и Аргентину. В столице последней, в Буэнос-Айресе, Дин улучил момент и отправился осматривать город в одиночку. Своего импресарио он решил не брать, поскольку тот ему уже изрядно надоел, плюс к тому же у того на уме были сплошь одни женщины. Дин и сам был отнюдь не монахом, однако, когда об этом говорят сутки напролет, надоест любому.

Дин поймал такси и попросил водителя, пожилого мужчину по имени Алехандро, который достаточно сносно объяснялся по-английски, устроить ему экскурсию по городу. Тот, узнав, что везет американца, да еще артиста (к удивлению Дина, его фамилии таксист не знал, поскольку музыкой вообще не интересовался), с удовольствием согласился показать гостю красоты своего города. Они катались больше часа, и за это время таксист не только показал ему многие здешние достопримечательности, но и рассказал о них. Так, Дин узнал, что испанские конкистадоры явно ошиблись с выбором места строительства города, поставив его слишком далеко от реки. Да и сам берег оставлял желать лучшего – сплошное мелководье. Поэтому долгое время пассажиры, прибывавшие в город на судах, вынуждены были добираться до берега

сначала на баркасах, а потом пересаживаться в кареты с огромными колесами и ехать по мелководью. И только потом, со строительством канала, эта проблема была решена.

Среди достопримечательностей, которые поразили воображение Дина, оказались Розовый дворец президента, здание Национального конгресса, улица 9 июля, шире которой Дин никогда еще не видел – почти 150 метров в ширину! – и 72-метровая колонна-пирамида, воздвигнутая посреди улицы 9 июля. Хотя насчет последней таксист был иного мнения:

– Это позор нашего города!

– Почему? – удивился Дин.

– А вы что, сами не видите: нелепая пирамида посреди самой величественной улицы в мире. Ведь наш город называют «Парижем Южной Америки», но французский Париж украшает Эйфелева башня, а у нас – вот эта уродина.

Дину сравнение с Парижем понравилось, и он подумал: «Если мне когда-нибудь придется выбирать новое место жительства, я, пожалуй, выбрал бы этот „Париж“. Он еще не знает, что до осуществления этой мечты осталось совсем немного времени.

Когда они объехали весь центр города и прилегающие к нему окрестности, Дин внезапно спросил: «А бедные кварталы в вашем „Париже“ есть?» При этом от него не укрылось то, как округлились глаза таксиста в зеркале заднего обзора. После секундной паузы Алехандро ответил:

– Вы первый иностранец, который просит меня отвезти его в наши трущобы. У нас есть поселок нищеты Вилья Мисериа, но я вас туда не повезу – не хочу вам портить настроение. А вот самый достойный бедняцкий район покажу, благо ехать туда не так далеко.

Бедный квартал Буэнос-Айреса назывался Ла-Бока. Он размещался на южной окраине города на берегу реки Риочуэло. Когда они приехали туда, Дин понял смысл тех слов, которые произнес Алехандро, когда согласился привезти его сюда. Ла-Бока действительно выглядел бедно – убогие двухэтажные дома из досок, сверху обшитые рифленным железом. Но поскольку все эти дома были выкрашены в разные цвета, создавалось впечатление, что квартал выглядит как мозаичная картинка.

– Кто же додумался покрасить дома? – спросил у своего собеседника Дин.

– Как кто – сами же обитатели. Ведь здесь в основном живут моряки и корабелы. Они красили свои суденышки, а остатки краски пускали на свои дома. А кто это сделал первый, теперь уже не узнаешь.

На родину Дин вернулся буквально переполненный впечатлениями. Тот прием, который ему устроили во всех посещаемых им странах, окрылил его настолько, что он решил всерьез заняться изучением испанского языка. Уже тогда ему казалось, что именно с этим континентом будет связано его ближайшее будущее. С другой стороны, Дин впервые осознал, что мир – это не только его родные Штаты, которые он до этого считал чуть ли не пупом Земли. Есть и другие страны, где жизнь не менее интересна и разнообразна и где люди не всегда хорошо относятся к его родине. Как будет вспоминать позднее сам Дин:

«Я впервые увидел, в каких униженных условиях вынуждены жить люди. Я хорошо помню, как во время поездки по побережью наш автомобиль некоторое время ехал мимо бесконечного ряда жалких хибарок, так называемых сламов. В этих районах царила ужасающая нищета. По песку бродили дети, босые, в лохмотьях, с раздувшимися животами – безошибочным признаком плохого питания. Раньше мне были знакомы эти картины разве что из фото-репортажей об Африке. А теперь я увидел это буквально под боком у своей родины. Старички, такие же оборванные, как и дети, с безучастным видом сидели на корточках. Дети играли в автомобиль: они собирали его из ржавых консервных банок и досок от ящиков, которые были обвязаны шпагатом.

И все это в каких-нибудь двух-трех километрах от нарядных центральных улиц. Но тут-то я вспомнил, что и на этих улицах уже видел плохо одетых людей с угрюмыми лицами, с без-

радостными взглядами. Это были чистильщики обуви, продавцы лотерейных билетов, уличные торговцы. Под сияющей неоновой рекламой жевательной резинки «Ригли» какой-то бедолага продавал по одной пачечке резинки. Что он мог заработать на этом? Горсть медных монет. А в сейфы концерна текли миллионы: «Ригли» – марка, известная во всем мире...»

Тем временем в **декабре** случилось невероятное: песня Дина Рида «Наш летний романс» вышла на 1-е место в латиноамериканском хит-параде. Когда Дин узнал об этом, он был на седьмом небе от счастья. Не меньшую радость испытывали и в «Кэпитол», хотя подобный итог там прогнозировался: слишком внушительные силы и средства были брошены на раскрутку певца. Правда, средства средствами, но и талант самого Дина Рида со счетов сбрасывать было нельзя: будь он «пустышкой», ему вряд ли помогли бы и многотысячные долларовые вливания.

Между тем на волне этого успеха Дин внезапно решает отправиться... в джунгли Амазонки. Это решение пришло к нему спонтанно. Он давал концерты в бразильском городе Сан-Паулу, в «Рекорд-театре», после чего у него появилось «окно» в две недели. Это время он решил провести в городке Текивас – весьма экзотическом местечке. Город насчитывал всего лишь 200 тысяч жителей, но имел одну особенность – многие его общественные учреждения и увеселительные заведения стояли... на воде. Объяснялся сей факт весьма просто: налоги в городе взимались только с земельных участков.

Дин поселился в лучшей гостинице городка, где случайно познакомился с тремя своими земляками-американцами: Джоном, Диком и Биллом. Это были документалисты, которые снимали для телекомпании NBC и Музея Нью-Йорка фильм о своих путешествиях по Амазонии. В Текивас они прибыли проездом, чтобы затем отправиться в самую глушь джунглей для встречи с племенем, живущим вдали от цивилизации. Когда Дин узнал об этом, ему жуть как захотелось отправиться вместе с земляками и воочию увидеть, как живут люди, которые даже не знают, что такое телефон или телевизор. К тому же это было в духе Дина: разного рода приключения он не просто любил, он их обожал. Чуть позже он узнает, что у его напарников была еще одна цель, меркантильная: они хотели исследовать те места на предмет нахождения там «желтого дьявола» – золота. Со времен испанского конкистадора Франциско Орельяна (он прошел Амазонку в 1541–1542 годах) сотни авантюристов искали здесь золото, однако мало кто из них разбогател, поскольку все их находки измерялись даже не килограммами, а граммами. Но, несмотря на это, легенда об Эльдорадо продолжала кружить головы следующим поколениям золотоискателей, в число которых попали и напарники Дина.

Бразильская Амазония занимает порядка 5 миллионов квадратных километров, причем на большую часть этого пространства нога человека еще не ступала. Ни в одном другом месте планеты нет такого обилия и разнообразия жизни, как в Амазонии: 2500 видов рыб, 50 тысяч видов растений. Во времена Франциско Орельяна здесь проживало 3 миллиона индейцев, но за 400 лет активного вмешательства в их жизнь белого человека коренного населения осталось всего 160 тысяч. И теперь индейцев можно было разделить на три категории – тех, кто прозябает в нищете в полуразрушенных фавелах (деревнях), тех, кто живет в городе, и тех, кто сумел сохранить свою самобытность и остался жить в сельве. Последних, естественно, меньшинство, но они еще остались. Из этого меньшинства самыми самобытными являются яномани – они до сих пор ходят в набедренных повязках, воюют с помощью луков, практикуют людоедство. Именно к одному из таких племен, живущих глубоко в сельве, и отправились путешественники.

На гидросамолете ВВС Бразилии они добрались до миссии Тапурагуара, что на Черной реке, где обитало 240 индейских семей. Однако путешественников интересовал только один человек – бразилец Антонио Гоис, который много лет жил с индейцами и вызвался быть проводником в джунглях. Когда Дин увидел этого человека, он был поражен: то был рослый мужчина с длиннющей бородой (как выяснилось, он не брил ее вот уже 12 лет!). К их приезду Антонио уже приготовил три каноэ, и на них они отправились в путешествие. Плыли в течение

пяти дней по реке Маравиа. Тяжелее всех в этом походе приходилось Дину, который раньше ни в чем подобном не участвовал. Он был сугубо городской житель и до этого видел Амазонию разве что по телевизору. А теперь ему приходилось плыть по реке в каноэ на жутком солнце-пеке, спасаться от крокодилов и большущих змей, нести тяжелую поклажу. На ночь путешественники устраивались спать в гамаках, подвешенных на деревьях, что для Дина было настоящей пыткой. Он никогда не спал в подобных условиях и к утру был единственным, кто вставал разбитым бессонницей.

На пятый день пути путешественники наконец увидели первых индейцев: это была семья, плывущая на каноэ. Все были полностью обнажены, что для Дина было диковинкой – он-то думал, что местные индейцы носят хотя бы набедренные повязки. Эта семья проводила их до деревни. Но это был еще не конечный пункт путешествия – от этой деревни надо было шагать еще несколько дней по сельве до нужного племени. Однако это путешествие проходило уже без Антонио, который подхватил тропическую малярию и вынужден был остаться в деревне. Поэтому в качестве проводников с путешественниками отправились одиннадцать индейцев из деревни.

Первые впечатления Дина от сельвы были не из приятных. В сельве есть места, куда солнце никогда не проникает и где стоит «вечная ночь». Идти по этим местам можно только с фонарями, но невыносимо не это, а та удушающая жара, которая наваливается на тебя со всех сторон. Сами индейцы называют эти места «зеленым адом», что вполне соответствует действительности. Однако и в более светлых местах не лучше. Там нет удушающей жары, но опасности подстерегают буквально на каждом шагу. Например, в виде змей, которые прячутся под листьями, или ягуаров, которые подкрадываются так тихо, что и не услышишь. А еще у здешних индейцев существует легенда, что в сельве обитает гигантская змея, в желудке которой может уместиться целый человек. И хотя ее еще никто не видел, однако в ее реальность верят даже белые – сама сельва к этому располагает. Дину тоже рассказали про эту змею накануне путешествия, что, естественно, не прибавило ему оптимизма. Поэтому по сельве он шел как по минному полю, шарахаясь буквально от каждого звука. А однажды даже присел, как от разрыва снаряда, когда услышал где-то в стороне оглушительный рев, от которого задрожали листья на деревьях.

– Кто это? – только и успел он спросить у одного из компаньонов, Джона.

– Думаете, ягуар? Нет, всего лишь обезьяна, – ответил тот.

– Какая обезьяна?

– Не шимпанзе, конечно же, – гуариба-ревун.

На вторые сутки Дин освоился в сельве, и никакие ревуны ему уже были не страшны. Он видел, как хладнокровно ведут себя его компаньоны, и ему стало просто неудобно перед ними. Больше всего он боялся сравнений с изнеженными поп-звездами и не хотел, чтобы в газетах его потом называли «маменькиным сынком». Поэтому все тяготы и невзгоды этого похода он делил с остальными поровну.

Путешественники шли налегке, прихватив с собой только по рюкзаку, где у них лежали личные вещи. Еще два рюкзака несли проводники – в них находились консервы и разные безделушки, которые они собирались раздать индейцам. А у Дина к тому же была с собой и гитара, которую он прихватил по настоянию боссов с «Кэпитол» – ему предстояло запечатлеться с ней на фото в окружении аборигенов. По задумке продюсеров, такие снимки должны были привлечь небывалый интерес к Дину после его возвращения на материк.

Между тем путешественники продвигались в глубь сельвы, и если они питались консервами, то проводники-индейцы предпочитали доставать пищу прямо здесь, в сельве. Например, на одной из встреченных ими речушек они устроили рыбалку и поймали двух здоровых рыбин – сурубин. Дин попробовал их мясо, и ему понравилось – ничего подобного он до этого еще не едал. Также ему пришлось по вкусу и огромные бананы, кои в родных Штатах весили

несколько сот граммов, а здесь – больше килограмма. Короче, умереть с голоду в сельве мог разве что ленивый.

Поход длился почти двое суток, пока путешественники не вышли к селению того самого племени, которое искали. Когда они вошли в него, поглазеть на них выбежали практически все жители. Чтобы показать индейцам, что они пришли с миссией дружбы, один из путешественников, Джон, протянул вождю подарок – настоящий охотничий нож. Когда нож переключал в руки вождя, он пригласил их в свою хижину – деревянное строение с соломенной крышей. Кроме путешественников и вождя туда вошли еще несколько мужчин племени, а все остальные остались за порогом, горячо обсуждая между собой визит чужеземцев.

В хижине все расселись на полу, устланном все той же соломой, и путешественники, Джон и Дик, принялись объяснять индейцам цель своего визита. Поскольку язык тукано, на котором изъясняются большинство индейцев Амазонии, они знали сносно, помощь проводников не понадобилась. Пока шел разговор, Дин молча сидел рядом со своими компаньонами и внимательно разглядывал индейцев. До этого он видел только их североамериканских братьев, которые разительно отличались от амазонских – «северные» выглядели куда более эффектно в своих одеждах и с орлиными опереньями на головах. Их амазонские собратья ходили практически голыми и из одежды имели только набедренную повязку – тангу.

Дин сидел ближе к углу хижины и когда перевел взгляд в этот угол, то заметил сквозь неплотно подогнанное дерево чумазию физиономию маленького индейца лет трех-четырех. Мальчишка сидел на корточках и буквально буравил его своими глазами-бусинками. В этот миг Дин внезапно вспомнил, что в кармане его ковбойки лежит початая пачка жвачки. Осторожно, чтобы не привлечь к себе внимания сидящих напротив него взрослых индейцев, Дин достал эту пачку, вытащил из нее одну пластинку и украдкой протянул мальчишке. И тут же пожалел об этом. Едва экзотический предмет оказался в его руках, как мальчуган тут же зачихнул ее себе в рот... прямо с оберткой. И пока он интенсивно двигал своими маленькими челюстями, Дин с ужасом смотрел на него и мечтал только об одном – чтобы с пацаном ничего не случилось. Как ни странно, все обошлось. Более того, мальчишка протянул руку за новой порцией чуингама. Но Дин счел за благо отказать парнишке и демонстративно спрятал пачку обратно в карман.

После беседы, которая продолжалась около получаса, вождь распорядился, чтобы гостям принесли поесть. Вскоре в хижину внесли два огромных блюда, на которых дымилось мясо. Запах от него исходил ароматный, но Дин есть не хотел – за пару часов до этого он высосал целую банку сгущенки. Однако сидевший рядом с ним Джон его предупредил:

– Отказываться нельзя – обидятся.

И Дин покорно съел достаточно большой кусок. И ему понравилось – мясо было мягкое и без жира. После чего он поинтересовался у Джона, что это за деликатес.

– Это дикая свинья – кейшада, – последовал короткий ответ.

«Слава богу, что не человечина», – подумал про себя Дин, достаточно наслышанный о нравах, царящих в сельве среди здешних племен.

Так началась жизнь путешественников в индейском племени. В отличие от компаньонов Дина, которые практически ежедневно уходили с индейцами в сельву (истинную цель своей миссии – поиски золота – они Дину не открывали), наш герой весь день проводил в деревне, в основном со стариками, женщинами и детьми. Особенно к нему привязался тот мальчишка, которого Дин угостил жвачкой. Парнишку звали Уге, и первое, что сделал Дин, – научил его употреблять чуингам без обертки. После чего отщелкал на фотоаппарате целую пленку, запечатлев на нее не только Уге, но и остальных обитателей деревни. Правда, вождь племени и шаман сниматься категорически отказались, объяснив Дину через Джона, что фотографироваться боятся: они считали, что чужеземец таким образом крадет у них души. Но Джон посо-

ветовал Дину предложить обоим за снимки по куску пахучего земляничного мыла, и, когда тот это сделал, вождь и шаман разрешили себя сфотографировать.

Кроме этого Дин провел и собственную фотосессию для «Кэпитол». Он упросил того же Джона взять фотоаппарат и запечатлеть его с гитарой в кругу индейцев. Кадры получились впечатляющие: Дин поет индейцам, а те, обступив его полукругом, внимательно слушают.

Наблюдая со стороны за индейцами, Дин не переставал удивляться их житью-бытью. Им не нужна была никакая цивилизация с ее прогрессом – они вели точно такую же жизнь, какую вели их предки сотни лет назад. Они так же охотились на диких зверей с помощью луков, так же воевали с соседними племенами, воровали жен у соседей и т. д. Все традиции и ритуалы, завещанные предками, соблюдались неукоснительно. Взять, к примеру, похороны. Умерших индейцы уносили подальше от деревни, заворачивали в плотные прутья и подвешивали на дерево. Через какое-то время, когда тело сгнивало до костей, эти останки приносились обратно в деревню и сжигались. Потом пепел смешивался с соком сахарного тростника, и этот напиток выпивался жителями деревни. Индейцы считали, что таким образом жизнь умершего возвращалась в их собственные тела.

Таким же древним был и ритуал рождения детей. Он проходил следующим образом. Незадолго перед схватками роженицы уходили в лес вместе со своими мужьями. Когда ребенок рождался, его приносили обратно в деревню в специальной корзинке, которую женщина вешала себе на спину. Если родители возвращались назад без ребенка, это означало, что роды прошли плохо – родился либо калека, либо больной младенец. Таких обычно родители (это делал отец) убивали и оставляли в лесу.

А однажды Дину и его компаньонам разрешили присутствовать при ссоре между двумя мужчинами деревни. Зрелище это оказалось не для слабонервных. Индеец, оскорбивший соплеменника, должен был стоять неподвижно, а его визави брал в руки увесистую палку и бил ею его по голове. Если после этого удара индеец не падал, палка переходила в его руки и удар наносил уже он. Так они и били друг друга, пока кто-то из них не валился на землю, обливаясь кровью. После этого проигравший лишался всего – не только жены, но и своего честного имени и всех положенных ему прав. Как заметил Дин, почти у всех мужчин племени головы были покрыты многочисленными шрамами.

Прожив в племени около недели, путешественники наконец собрались в обратную дорогу. Честно говоря, Дин в отличие от своих компаньонов ждал этого момента с огромным нетерпением. Как бы ни были гостеприимны индейцы, однако жизнь вдали от цивилизации ему порядком надоела. Больше всего он мечтал о горячей ванне и... сексе. Впрочем, последний мог быть и здесь, в деревне, но Дин так и не сумел преодолеть свою брезгливость и сойтись в любовном экстазе с какой-нибудь молодой туземкой.

Провожать гостей в обратный путь высыпали все жители селения. Прикипевший к Дину всей душой Уге на прощание крепко обнял его и горячо зашептал ему на ухо на смеси английского и местного наречия: «Дин, я тебя люблю».

Между тем возвращение назад, в деревню, оказалось куда более опасным, чем предполагалось. Где-то на полпути они вышли к какому-то индейскому поселению, чтобы передохнуть. Там один из путешественников решил обменять кое-что из своих вещей на индейские безделушки и во время этого обмена умудрился нечаянно оскорбить жителя поселения. Вспыхнула потасовка, которая привела к тому, что путешественникам пришлось спасаться оттуда бегством. Однако обиженный индеец и часть его соплеменников бросились в погоню. К счастью, у путешественников были с собой ружья, иначе им пришлось бы туго, поскольку их проводники-индейцы, перепуганные не меньше их, в защитники явно не годились. Поскольку убивать своих преследователей никто из путешественников не хотел, их держали на почтительном расстоянии, стреляя из ружей в небо. Однако долго выдерживать такую осаду было невозможно: индейцы могли под покровом темноты подобраться к ним слишком близко и расстрелять стре-

лами с отравленными наконечниками. Поэтому был избран самый простой способ: путешественники бросились бежать и бежали без остановки несколько часов. Даже Дину, который был чемпионом по марафону, во время этого пробега приходилось несладко – все-таки бег по сельве нельзя было сравнить с бегом по шоссе и грунтовке.

Когда путешественники вернулись в деревню, там их встретил Антонио. Он выглядел обеспокоенным, поскольку все сроки, отведенные путешественникам для возвращения, уже вышли. Поэтому в миссию Тапурагуара даже прибыли пятеро солдат с офицером с целью разыскать путешественников. Но они, к счастью, вернулись сами.

Спустя несколько дней путешественники достигли материка, где их пути разошлись: Джон, Билл и Дик остались в Бразилии, а Дин отправился в Буэнос-Айрес, где ему был уготован торжественный прием. По задумке боссов «Кэпитол» певец должен был вернуться триумфатором под вспышки фотоаппаратов и стрекот кинокамер. Поэтому, когда Дин спустился по трапу самолета на бетонную полосу столичного аэропорта Эссейса, там его встречала многотысячная толпа журналистов и поклонниц. Три десятка полицейских обступили Дина плотным кольцом, чтобы не дать толпе растерзать своего кумира. Вопросы сыпались на Дина со всех сторон: «Как вам жилось на Амазонке? Почему вы не подавали никаких признаков жизни? Вы не боялись дикарей-каннибалов?» Дин отвечал коротко, чтобы не рассказывать всего до пресс-конференции, которая должна была пройти в зале аэропорта. И когда она наконец началась, удовлетворил любопытство всех страждущих. Дин рассказал, что чувствовал себя в сельве Амазонки вполне комфортно, поскольку прием, который им уготовили индейцы, был по-настоящему теплый.

– Это очень дружелюбные люди, – сообщил Дин собравшимся. – Они живут в ладу с природой и, если вы не выказываете к ним враждебности, принимают вас как своих соплеменников. Я многое понял и переоценил в себе, находясь у них. Мы здесь постоянно находимся в погоне за чем-то: за деньгами, за славой, за положением в обществе. Там всего этого нет, поэтому жизнь в сельве мне показалась более разумной.

– Однако же вы предпочли вернуться из этого рая в наш безумный мир, – с нескрываемой насмешкой произнес один из журналистов с первого ряда.

– Увы, увы, увы, – развел руками Дин. – Я дитя этого мира и изменить себя столь радикально уже не смогу. Единственное, на что я способен: взглянуть на многие вещи другими глазами.

– Например? – раздался чей-то голос с заднего ряда.

– Например, только в девственных лесах Амазонки я не увидел плакатов с надписью: «Янки, убирайтесь домой!» Мы, американцы, в глазах тамошних индейцев обычные люди. Мы не навязывали им свой образ жизни и не стремились завлечь в лоно цивилизации.

Здесь Дин слукавил. Незадолго до конца путешествия он узнал истинную цель прихода в сельву своих компаньонов: они искали золото. К счастью индейцев, такового в их краях не оказалось. Иначе им было бы не избежать участи их североамериканских братьев: их массовое истребление тоже началось с поисков «желтого дьявола». Однако рассказывать об этом на пресс-конференции Дин счел неуместным. Впрочем, его боссы и без того оказались довольны его выступлением. Когда Дин очутился в гостинице, к нему в номер пришел один из менеджеров «Кэпитол», который чуть ли не с порога заявил:

– Дин, какого черта ты полез в политику? При чем здесь плакаты про американцев? Твоя цель – реклама будущих пластинок. А своими экскурсами в политику ты просто распугаешь часть публики.

– Зато останется другая часть – наиболее умная, – ответил Дин.

– Дин, так бизнес не делается, – голос менеджера становился все более раздраженным. – Мы работаем в одной упряжке, поэтому изволь выполнять те обязательства, которые ты обещал исполнять. Мы же свои обязательства перед тобой выполняем.

– Чего вы конкретно от меня хотите?

– Чтобы ты помогал нам в рекламной кампании. Блюдо должно подаваться горячим, а холодным оно никому не нравится. Тебе что, трудно было рассказать пару-тройку ужасных историй про этих чертовых аборигенов? Например, как тебя в сельве едва не съели людоеды или как в тебя влюбились все тамошние девки?

– Но этого не было!

– Да плевать, что не было! Кто это проверит, в конце концов? Мы создали тебе все условия: послали в джунгли, специально все эти месяцы не давали никаких сведений о твоём пребывании там, надеясь, что после твоего возвращения вдоволь потопчемся на этой теме. А ты вздумал завести речи про то, как индейцы хранят свою самобытность. Ты кто: поп-звезда или представитель Географического общества? Поэтому давай договоримся наперед: в этих стенах ты можешь говорить все, что тебе заблагорассудится, но на людях изволь, пожалуйста, говорить то, что выгодно нам. Уяснил?

Дин взял секундную паузу, после чего сказал:

– Я подумую.

– Что значит подумую? – взвился менеджер.

– Это значит, что я хоть и поп-звезда, но не попугай. И заученно повторять те слова, которые вы мне начиркаете на бумажке, не собираюсь. Я и так долго позволял вам пренебрегать моим мнением и делать из меня такого же болванчика, каких в нашем шоу-бизнесе пруд пруди. Больше этого не будет.

Пораженный таким ответом менеджер еще какое-то время потоптался в номере, после чего резко повернулся и вышел прочь. И в тот же день об этом разговоре было доложено в головной офис компании. Как ни странно, но там это заявление Дина было встречено куда более спокойно. А директор даже заявил: «А что, это даже оригинально – умная поп-звезда. В конце концов на фоне остальных пустышек появление подобного экземпляра может принести гораздо большие дивиденды. Только дайте ему знать, чтобы не зарывался. Все эти игры в политику до добра не доводят». Директор даже не предполагал, какие потрясения, связанные с именем Дина Рида, ждут их уже в ближайшем будущем.

В мае 1962 года Дин совершал очередное турне по Чили. Именно там разразился скандал, который можно смело назвать поворотным в судьбе Рида. Однако, несмотря на то, что разразился он на территории Чили, истоки его следует искать в Северной Америке, где некоторое время назад новый президент Джон Кеннеди ясно дал понять, что его взгляды на внешнюю политику идентичны тому, что проповедовали его предшественники Трумэн и Эйзенхауэр. Получив от них в наследство холодную войну, Кеннеди и не собирался предпринимать каких-либо попыток вырваться из ее орбиты. Вот когда Дин вспомнил пророчества своего учителя Патона Прайса, который утверждал, что именно при демократах Америка всегда находилась в состоянии войны.

Демократ Кеннеди не стал исключением: в апреле 1961 года он санкционировал вторжение контрреволюционных отрядов на Кубу, которое завершилось полным провалом агрессоров. Чуть раньше этого, в январе, в своем послании Конгрессу Кеннеди заявил, что для решения «конфликта между свободой и коммунизмом США следует первым делом наращивать вооружения». После чего призвал американцев строить убежища, способные защитить их от радиоактивного излучения, а также запастись водой, продуктами питания, медикаментами. В результате в течение всего 1961 года американцы исступленно оборудовали убежища в многоэтажных домах и небольших коттеджах, в административных зданиях и школах. По свидетельству журнала «Тайм», порядка 12 миллионов американских семей были готовы к самому худшему. Сия чаша не миновала и родителей Дина, которые в одном из писем сообщили сыну, что они «к ядерной войне готовы».

Вся эта истерия заставила Дина по-новому взглянуть на 35-го президента США, за которого полтора года назад он отдал свой голос на выборах. Нет, в те дни Дин еще не был ярким поборником коммунистических идей, однако и в воинственные намерения кремлевских руководителей тоже уже не верил. «Они что, ненормальные, развязывать ядерную войну, где победителей точно не будет?» – рассуждал Дин.

Под впечатлением этих мыслей Дин совершает поступок, от которого у его боссов в «Кэпитол» волосы встали дыбом. Во время турне по Латинской Америке он пишет сразу несколько писем в средства массовой информации двух государств – Чили и Перу, где призывает граждан этих стран направить послания президенту Кеннеди и заставить его прекратить испытания ядерного оружия, которые США возобновили в **январе 62-го**. Естественно, этот демарш не мог пройти мимо средств массовой информации.

22 мая в газете «Лос-Анджелес таймс» появилась заметка следующего содержания: «Голливудский певец выступает не на сцене рок-н-ролла, а на политической трибуне, вмешивается в государственные вопросы ядерной политики. Такие известия пришли из Сантьяго-де-Чили и столицы Перу Лимы. Они взбудоражили и Голливуд, и Вашингтон.

Певца зовут Дин Рид, ему 24 года, он имеет контракт с компанией грамзаписи «Кэпитол». Во время его выступлений молодежь в Латинской Америке от восторга падает в обморок.

Рид сообщил своим друзьям, что сотрудник посольства США в Чили пригрозил не выдать ему паспорт, если певец посмеет обратиться с официальным письмом в чилийскую газету. В нем Рид призвал латиноамериканцев направить послание президенту Кеннеди с требованием прекратить испытания ядерного оружия.

Кроме того, как сообщает Рид, посольство США в Чили передало соответствующую информацию посольству в Перу, с тем чтобы частные меценаты перестали оказывать поддержку Риду, вызвавшему неудовольствие правительственных кругов».

Поскольку скандал получился громкий (хотя и не затмил собой другого скандала тех дней – любовного романа двух звезд Голливуда – Элизабет Тэйлор и Ричарда Бартона, который они, семейные люди, закрутили на съемках фильма «Клеопатра»), резонанс получился соответствующий. Ряд перуанских меценатов, получив рекомендации правительственных чиновников, перестали покровительствовать Дину Риду. Однако сорвать гастроли певца не удалось, и в конце **мая** он отправился продолжать турне в Чили. И там скандал получил свое дальнейшее развитие, пойдя по сценарию, которого вообще никто не ожидал. Даже сам Дин Рид.

Аккурат в эти самые дни (**30 мая – 17 июня**) в Чили проходил 7-й чемпионат мира по футболу. И хотя Дин был, в общем-то, равнодушен к этому виду спорта, однако в силу того, что вся страна жила предстоящим футбольным событием, он невольно заразился этими чувствами. Правда, на матчи не ходил и даже не смотрел их по телевизору, но газеты с регулярными отчетами о турнире почитывал.

В том чемпионате участвовало 16 команд, в том числе и сборная Советского Союза. Накануне турнира наша команда провела турне по Южной Америке и выступила блестяще. До этого ни одна европейская сборная не сумела выиграть у латиноамериканцев на их поле, и только сборной Англии повезло – их встреча закончилась вничью. Сборной СССР большинство мировых специалистов прочили незавидную судьбу всех европейских сборных. Но советские ребята совершили чудо. В первом же матче со сборной Аргентины, которая носила титул чемпиона Южной Америки, сборная СССР выиграла со счетом 2:1. После этого советские футболисты нанесли поражения и двум другим латиноамериканским сборным – Чили и Уругвая. Это была настоящая сенсация! Местные журналисты отмечали отличную физическую подготовку нашей сборной, ее тактическую зрелость, наличие в ней высококлассных мастеров, выделяя, в частности, Льва Яшина, Валерия Воронина, Игоря Нетто, Славу Метревели и Михаила Месхи, прозванного журналистами «грузинским Гарринчей». Поэтому на чемпионат мира в Чили советская сборная приехала в ранге фаворита. Не случайно в популярном чилийском журнале «Го-

о-ол!» будущие победители были названы в следующем порядке: 1-е место – Бразилия, 2-е – СССР, 3-е – Аргентина.

Советская команда попала в группу, где помимо нее были еще три сборные: Колумбии, Югославии и Уругвая. Игры этих команд проходили в небольшом городе Арике, насчитывающем 65 тысяч жителей. Городок был мрачноватый, населенный в основном рыбаками и рабочими медных рудников, но наша сборная жила в отеле «Осперия Арика» (перевод – «Удобное место для отдыха»), который располагался на самом берегу Тихого океана. В шаге от него был расположен пляж Лисера, а чуть подалее – стадион имени Эгозо Карлоса Дитборна. Как будет вспоминать много позже Виктор Понедельник: «Вокруг города – выжженная солнцем бескрайняя пустыня. Жарища, пыль столбом... Говорили, что дождей там не бывает по пять лет. Помню, на второй день капитан нашей сборной Игорь Нетто спросил: „У тебя нет ощущения, что тут заканчивается Земля?“

Казино сразу облюбовали югославы. Они ходили туда чуть ли не каждый день. Мы же, получавшие 30 процентов от суточных, такой забавы позволить себе не могли. Поэтому вечера коротали в гостинице. Играли в карты, на бильярде, но главным увлечением, конечно, были шахматы...»

Большинство жителей городка относились к советским футболистам с уважением (например, их встречали в аэропорту с песнями), чего нельзя было сказать о некоторых журналистах. Ведомые своими проамериканскими хозяевами, они чуть ли не ежедневно упражнялись в разного рода колкостях по поводу «несвобод, царящих в Советском Союзе». Одна из ведущих газет города – «Ла Терцера», дабы разжечь страсти, написала, что руководители советской делегации Валуев и Гранаткин заявили, будто советским футболистам не нравится Арика и созданные здесь условия для отдыха. И хотя руководители поспешили опровергнуть это сообщение, однако слух уже пошел. Чуть позже журналист все той же газеты Освадо Мураи написал целую статью, посвященную царящим в Советском Союзе жутким условиям жизни. Заканчивалась статья характерным пассажем: «Мы думаем, что они (советские футболисты. – Ф. Р.) привезли с собой собственный «железный занавес»».

Вот в таких условиях приходилось выступать советским спортсменам. Впрочем, эти трудности только подзадоривали ребят, заставляя их относиться к каждому матчу как к последнему и решительному бою.

Первую игру мы играли с югославами. Несмотря на то что Югославия была дружественной нам социалистической страной, на игре это абсолютно не сказалось. Югославы играли грубо, иной раз просто по-хамски, за что даже удостоились освистывания трибунами. Уже в первом тайме у нас были серьезно травмированы сразу несколько игроков: Метревели (для него эта игра стала последней на чемпионате), Понедельник, Дубинский (ему сломали ногу, и для него этот матч тоже стал последним на чемпионате). А за югославов играл знаменитый игрок Шекуралац, которого называли европейским Пеле и которого бразильцы приглашали в свои детские школы давать мастер-классы. Однако наши все равно оказались сильнее и победили со счетом 2:0.

Следующим соперником советской сборной была команда Колумбии, которую все без исключения относили к аутсайдерам группы. Видимо, это мнение усыпило бдительность наших игроков. Хотя поначалу ситуация на поле складывалась для сборной СССР просто превосходно – уже на 11-й минуте мы вели 3:0. Казалось, что игра сделана. Но затем колумбийцев как будто подменили, и они бросились на штурм советских ворот. В конце первого тайма колумбийцы сократили разрыв в счете – 1:3. В начале второго тайма Понедельник сумел вновь увеличить счет в пользу сборной СССР – 4:1. О том, что происходило дальше, рассказывает участник того матча В. Иванов:

«Перелом произошел незаметно, когда мы вели 4:1. Собственно, это и не выглядело переломом, а цепью нелепых, противоестественных случайностей.

Угловой у наших ворот. Мяч подается низом. Защитник, занявший место у ближней штанги, готов его остановить, но пропускает. А Яшин, расположившийся у дальней штанги, не успевает добежать до мяча, и тот, никого не коснувшись, заворачивает в ворота между оторопевшими Яшиным и защитником. Мы в недоумении, вся команда застыла на своих местах и, вероятно, напоминает группу чиновников в финальной сцене «Ревизора». Что случилось? Оказывается, Яшин в тот роковой момент крикнул защитнику: «Играй!», а тому послышалось: «Играю», и он пропустил мяч, уверенный, что его подберет вратарь.

Через несколько минут мяч снова в наших воротах. И опять ничто не предвещало гола. Несогласованность вратаря с партнерами, колумбийский форвард проскакивает между ними, и счет уже 4:3.

В оставшееся время мы едва не проиграли. При счете 4:4 Яшин чудом спас наши ворота в совершенно безнадежном положении...»

Следующим соперником советской сборной была команда Уругвая. Ввиду того что мы не смогли выиграть у колумбийцев и обеспечить себе досрочный выход в четвертьфинал, на эту игру нам вновь пришлось выставить свой сильнейший состав. Игру мы выиграли со счетом 2:1, однако ведущие игроки отдали этой победе слишком много сил. А впереди были встречи с более грозными соперниками. В частности, в четвертьфинале сборной СССР предстояло сразиться с хозяевами турнира – футболистами Чили. И хотя некоторое время назад, во время турне по Латинской Америке, советские ребята сумели обыграть чилийцев на их поле, однако это ничего не значило: тогда это была товарищеская игра, а теперь – чемпионат мира.

Находившегося в эти дни в Чили Дина Рида гастрольная судьба занесла в Арику, причем поселила в тот же самый отель, где обитали советские футболисты, – «Осперия Арика». И в первый же день его пребывания там у него произошла знаменательная встреча.

Случилось это днем, когда Дин возвращался из ресторана к себе в номер. В холле гостиницы он внезапно заметил высокого стройного мужчину, который раздавал автографы небольшой группе чилийцев. Проходя мимо них, Дин внезапно услышал фамилию, которую он уже хорошо знал – Яшин. Это имя запало ему в память год назад, когда советская сборная совершала турне по Латинской Америке аккурат в те самые дни, когда там же гастролировал и Дин. Газеты тогда писали, что Лев Яшин – один из лучших вратарей в мировом футболе и что превзойти его в этом искусстве мало кто способен. Дин запомнил эту фамилию и вот теперь, год спустя, воочию столкнулся с ее обладателем. Он подошел к Яшину, еще не зная, с чего начать разговор, как вдруг тот сам нашел нужную тему.

– Вам тоже нужен мой автограф? – спросил Яшин через переводчика, стоявшего здесь же.

– С удовольствием приму его от вас в обмен на свой, – ответил Дин.

Переводчик после этих слов напрягся и спросил:

– А вы кто?

– Я Дин Рид. Слышали про такого?

Услышав это имя, переводчик радостно заулыбался и представил Дина Яшину. Причем не преминул рассказать о недавнем скандале, связанном с заявлениями Дина о ядерной политике Кеннеди. Когда Яшин узнал об этом, он протянул Дину руку и сказал:

– Очень рад, что не все американцы видят в нас своих врагов.

Дин не стал разубеждать своего собеседника, а молча пожал его руку. После чего сказал:

– Я рад пригласить вас, мистер Яшин, на свой концерт, который состоится завтра вечером.

Когда переводчик перевел ему это приглашение, Яшин кивнул в знак согласия и, в свою очередь, пригласил Дина на четвертьфинальную игру сборной СССР против сборной Чили, которая должна была состояться через день. Новые знакомые уже хотели было расстаться, как вдруг к ним подбежал невысокого роста коренастый мужчина с массивным фотоаппаратом, висевшим на шее.

– Мистер Рид, я представляю газету «Эль Меркурио», – представился мужчина. – Вы не могли бы попозировать с господином Яшиным для завтрашнего номера?

Дин, в свою очередь, вопросительно посмотрел на Яшина, а тот, поняв все без перевода, широко улыбнулся, привлек к себе Дина и крепко обнял его за плечи. В таком виде их и запечатлел фотограф. И уже менее суток спустя, утром следующего дня, этот снимок стал достоянием самой широкой общественности. Это была настоящая сенсация: русский и американец братались на глазах у многочисленных свидетелей.

В то же утро номер газеты с этой фотографией оказался в руках американского посла в Чили Коула. Из коротенькой заметки под этим фото тот узнал, что американский певец Дин Рид не только вступил в контакт с советским спортсменом, но и пригласил того на свой концерт и принял его ответное предложение прийти на ближайшую игру советской сборной. Когда Коул прочитал об этом, его гневу не было предела.

– Что о себе возомнил этот эстражник? – бушевал посол. – Ему что, не дают покоя лавры Поля Робсона? Это же надо: прилюдно братается с красным, в то время как Советы расстреливают своих мирных граждан! Нет, надо определенно вправить мозги этому певуну.

Коул имел в виду события в Новочеркасске **2 июня**, о которых в Америке уже были сведения, хотя и весьма смутные. Осведомленные источники сообщали, что сразу после постановления Совета министров СССР о повышении цен на хлеб и мясо (**1 июня**) в южном городе Новочеркасске произошли волнения людей, которые были подавлены с помощью войск. Источники сообщали о многочисленных жертвах среди населения.

Вправлять мозги Дину Риду был отряжен второй посол США в Сантьяго. Правда, он не стал сломя голову мчаться в Арику, а просто поднял трубку телефона и набрал на своем аппарате гостиничный номер Дина. И когда на другом конце провода раздался голос певца, посол сказал:

– Мистер Рид? С вами говорят из посольства США в Сантьяго. До нас дошла информация, что вы имели контакты с одним из советских спортсменов и даже приняли его предложение посетить ближайший матч. Это верно?

– Абсолютно, господин посол.

– Вы отдаете себе отчет в своих действиях, мистер Рид? – голос посла звенел как струна. – Вы что, думаете, вам сойдет это с рук?

– Я не понимаю, господин посол, в чем моя вина? – стараясь сохранять спокойствие, произнес Дин. – У нас что, не демократическая страна? Почему я не имею права общаться с тем, с кем мне заблагорассудится? Насколько я знаю, войну Советский Союз нам еще не объявлял.

– Перестаньте валять дурака! Да, у нас демократическая страна, но холодную войну еще никто не отменял. А вы являетесь не просто гражданином Америки, а весьма известной личностью. Неужели вы не понимаете, что они могут использовать вас в своих пропагандистских целях!

– Господин посол, я не боюсь никаких пропагандистских акций. За четыре года своей артистической деятельности я в них уже столько раз участвовал, что они мне не страшны.

– Это ваш окончательный ответ? – после небольшой паузы спросил посол.

– Да, бесповоротный. Я терпеть не могу, когда мне угрожают.

Здесь Дин не лукавил: любое давление на себя он воспринимал как посягательство на самое дорогое, что у него было – на свободу.

– В таком случае готовьтесь к худшему, господин Рид, – вновь раздался в трубке голос посла, после чего послышались короткие гудки.

Дин прекрасно понимал, чем он рискует. Еще не успел утихнуть скандал с его заявлением относительно испытаний США ядерного оружия, как его угораздило вляпаться в новую историю. В сложившейся ситуации он легко мог лишиться своего южноамериканского паспорта, да

и организаторы его гастролей могли не простить ему таких демаршей. Однако отступить Дин уже не мог: такой поступок полностью противоречил бы его характеру. А скандал тем временем разгорался с новой силой.

Вскоре после звонка посла Дину позвонили из концертной компании, которая отвечала за его гастроль в Чили, и попросили немедленно приехать. Дин подчинился.

В своем просторном кабинете его принял седовласый директор компании и без всяких предисловий заявил:

– По вашей милости, мистер Рид, мы попали в сложную ситуацию. Час назад мне звонили из посольства вашей страны и заявили, что они собираются аннулировать ваш паспорт. Если это случится, вас вышлют из страны, а это означает, что все ваши концерты должны быть отменены. Вам об этом известно?

– Известно, – честно ответил Дин.

– Но это же катастрофа! – в сердцах воскликнул директор. – Билеты на ваши концерты уже давно распроданы, весь город обклеен афишами. Вы просто не имеете права ставить на кон репутацию нашей компании, да и свою тоже. Неужели нельзя что-нибудь придумать?

– Я думаю, что нет, – после короткой паузы ответил Дин.

– Умоляю вас, мистер Рид, не торопитесь с ответом, – директор встал со своего кресла и нервно заходил по кабинету. – Давайте обдумаем все спокойно. Насколько я знаю, в деле замешана политика. Честно вам признаюсь, я тоже не в восторге от многих инициатив вашего президента. Да, да, не удивляйтесь! Например, когда в январе наш министр иностранных дел в Пунта-дель-Эсте отказался проголосовать за исключение Кубы из ОАГ, я был горд за свою родину, которая не испугалась такой великой державы, как ваши Соединенные Штаты. Я такой же патриот своей страны, как и вы. Но я еще и бизнесмен. И если я буду смешивать оба этих понятия, завтра же, да что там завтра – сегодня же вот в этом самом кресле будет сидеть другой человек. Поэтому я очень прошу вас, мистер Рид, давайте отделим политику от бизнеса. Отыграйте ситуацию назад и сделайте так, чтобы на время ваших гастролей у нас ваши проблемы с посольством были урегулированы. А потом шпарьте свою правду как хотите и кому хотите. Договорились?

– Нет, не договорились, – покачал головой Дин. – Не знаю, как вы, но я так не умею: дома говорить правду, а на работе лгать. Подобная мимикрия мне противна. Поэтому ничего предпринимать я не буду и пусть будет как будет.

Дин поднялся со своего кресла, давая тем самым понять, что его пребывание в этом кабинете закончено. Но едва он успел сделать пару шагов по направлению к двери, как директор его остановил:

– Подождите, мистер Рид. Я же не враг вам, поверьте. И пригласил я вас исключительно для того, чтобы совместными усилиями найти выход из создавшейся ситуации. Вы человек молодой, горячий, а я все-таки вам в отцы гожусь. Поэтому хочу дать вам один совет: никогда не спешите рубить сплеча. Это проще всего. Гораздо труднее, но зато во много раз эффективнее, когда человек находит компромиссный вариант.

– И какой же компромисс вы мне предлагаете?

– А вы сядьте и послушайте, – предложил гостю хозяин кабинета и, когда тот вновь опустился в кресло, продолжил: – Насколько я знаю, вся эта бодяга началась из-за того, что вы подружились с этим русским... как его...

– Яшиным, – подсказал Дин.

– Да, с Яшиным, будь он неладен. Вы даже пригласили его на свой ближайший концерт, что, собственно, и не понравилось вашим соотечественникам из посольства. Так вот, я предлагаю следующий вариант развития событий. Наша компания вышлет Яшину и его коллегам официальное приглашение на концерт, о чем завтра же напишут все газеты. Тем самым вы будете выведены из-под удара, поскольку получается, что на концерт этого красного пригла-

силы не вы, а мы. А вы в свою очередь обещайте мне, что не будете комментировать эту ситуацию в прессе. По рукам?

Дин думал всего лишь секунду, после чего сказал:

– Хорошо, я согласен. Только имейте в виду, что свой поход на футбольный матч я не отменяю.

– Понимаю, не дурак, – развел руками директор. – Но комментировать свой поход, я надеюсь, вы не будете? Иначе наша затея с приглашением ничего не даст: ваш посол будет в ярости и тогда уж точно лишит вас паспорта. Впрочем, он может это сделать сразу после концерта.

– Если вы не верите в благополучный исход дела, зачем же бьетесь над этим битый час? – удивился Дин.

– Потому что я рискую потерять свои деньги. Заметьте, большие деньги, – ответил директор, возвращаясь к столу. – Кстати, если вас вышлют из страны, вы ведь тоже останетесь на бобах. Вас это не пугает?

– Не знаю, поверите ли вы мне, но не пугает. На свете есть вещи поважнее, чем деньги.

– Интересно, какие? – вскинул брови директор. – Впрочем, не отвечайте. Утром, читая газету со статьей о вас, я, право дело, подумал, что с вашей стороны это всего лишь эпатаж. Знаете, такая блажь от поп-звезды. Но, поговорив с вами, я понял, что вы не лукавите. Если мои выводы верны, то вы далеко пойдете. В том случае, конечно, если вам не проломают голову...

Вечерний концерт Дина привлек к себе повышенный интерес журналистов, которые причалили к концертному залу, чтобы лично удостовериться в том, придет или нет советский вратарь Лев Яшин на это представление. Удивлению пишущей братии не было предела, когда они увидели, что Яшин пришел не один, а в сопровождении еще нескольких своих товарищей по команде. Журналисты не знали, что сделано это было неспроста: когда в советском посольстве узнали о панике, охватившей их коллег-американцев, было решено выжать из этой ситуации максимум пользы. Поэтому Яшину рекомендовали не только идти на концерт, но и взять с собой товарищей, благо приглашений пришло не одно, а несколько.

Во время концерта Дин повел себя как истинный джентльмен: в паузе между песнями он сообщил собравшимся, что в зале присутствуют советские спортсмены, назвал их своими друзьями и пообещал, что не обманет их с ответным визитом – обязательно придет на их игру со сборной Чили. Он понимал, что тем самым подставляет своих партнеров – организаторов гастролей, однако и особой вины за собой не чувствовал: он давал слово не давать интервью журналистам, а со сцены был волен говорить все, что ему заблагорассудится.

Игра состоялась **11 июня**. Чилийская сборная прилетела в Арику из Сантьяго за три дня до игры и, естественно, угодила в эпицентр народной любви. Весь город носил своих футболистов на руках, желая только одного – победы. Поэтому в день, когда должен был состояться матч (а это было воскресенье), все подходы к стадиону имени Карлоса Диттборна были запружены жителями города, которые пришли сюда с одной целью – присутствовать на триумфе собственной сборной.

Несмотря на то что стадион вмещал в себя 25 тысяч зрителей, людей набилось значительно больше – многие стояли в межтрибунных проходах, видимо, проникнув на стадион без билета. Дин приехал к месту действия примерно за полчаса до начала и... был дружно освистан публикой. Поэтому, когда он под свист зашел на стадион, в голове у него мелькнула мысль о том, что сегодня ему придется туго – болеть за советскую сборную в такой атмосфере было сродни подвигу. Однако Дина это не испугало, а даже, наоборот, подзадорило. Он занял свое место на одной из трибун, рядом с целой группой чилийцев, которые размахивали национальными флагами своей страны и хором пели заздравные песни. А когда из репродукторов донесся национальный гимн Чили, вся многотысячная толпа болельщиков поднялась со своих мест и в едином порыве запела его вместе с певцом. После гимна во многих местах стадиона стали взры-

ваться петарды. Одна из них даже громыхнула прямо над головой у Дина, отчего он содрогнулся и вжал голову в плечи.

– Что, не нравится? – на сносом английском спросил молодой чилиец, сидевший рядом с Дином. – То ли еще будет! Вот увидите, вашему другу Яшину наши ребята сегодня забьют столько, сколько захотят.

Дин не стал спорить с парнем, поскольку в душе был с ним солидарен: ему казалось, что выиграть у чилийцев в такой атмосфере просто невозможно. Чтобы не отвечать парню, Дин уткнулся в программку матча, которую он купил у входа на стадион. Он читал составы команд, однако из длинного перечня фамилий знал только одного игрока – Льва Яшина. А участвовали в матче следующие игроки. Сборная СССР: Яшин, Чохели, Масленкин, Островский, Воронин, Нетто (капитан команды), Численко, Иванов, Понедельник, Мамыкин, Месхи. Сборная Чили: Эскутти, Эйсагуирре, Рауль Санчес, Леонель Санчес, Наварро, Контрерас, Рохас, Рамирес, Торо, Ланда, Тобар.

Игра началась на полчаса раньше положенного времени – в 14.30. Но не ради воскресного дня, а на случай дополнительного времени, если основное время не выявит победителя. Как и следовало ожидать, матч начался с яростных атак хозяев поля. Подбадриваемые своими поклонниками, чилийцы с первых же минут бросились на штурм наших ворот. Однако советским футболистам удалось отбиться. И вот уже они организовывают ответную атаку. Месхи совершает свой коронный проход по левому флангу, но Эйсагуирре отталкивает его руками. Наши бьют штрафной, который заканчивается угловым ударом. Понедельник играет головой, однако посланный им мяч проходит в нескольких метрах от ворот. Теперь очередь за чилийцами. Они оказываются более удачливыми. Шла 12-я минута матча, когда Воронин, ликвидируя прорыв, нарушил правила у самой границы нашей штрафной. К мячу подошел Леонель Санчес, который сильнейшим ударом послал мяч под перекладину. Яшин, закрытый стенкой, не сумел его отбить. 1:0 в пользу хозяев.

Что тогда началось на стадионе, описанию поддается трудно. Восторженный рев многотысячной толпы, взрывы петард, гром барабанов, песни. Дин сидел на своем месте, буквально оглушенный этим ревом. Парень, сидевший с ним рядом, неистовствовал, как сумасшедший, после чего внезапно схватил Дина за плечи и стал трясти его что было мочи.

– Я ведь говорил! – заорал парень в ухо Дину, напоминая ему о своем пророчестве.

Дин сидел как пришибленный, не в силах сказать что-нибудь вразумительное.

Между тем игра возобновилась, но стадион еще в течение нескольких минут никак не мог успокоиться, сотрясаясь от восторженных криков. Однако длилась эта эйфория недолго. Спустя пятнадцать минут советские футболисты организовали очередную атаку. Вратарь чилийцев парировал удар Мамыкина, мяч отлетел вправо, и первым к нему подоспел Месхи. Он отправил его в центр штрафной, и оказавшийся там Численко сильным ударом вколотил мяч в сетку ворот. 1:1.

На этот раз стадион отреагировал гробовым молчанием. И только Дин в радостном порыве вскочил со своего места и, взметнув вверх руки со сжатыми кулаками, громко закричал: «Yes!» Со стороны это выглядело более чем странно: громко орущий человек в гуще молчаливой толпы. Дин и сам это вскоре понял, поэтому тут же опустился на свое место и предпочел больше с него не вставать.

Увы, но радость Дина длилась еще меньше, чем радость хозяев до этого. Через две минуты после смены цифр на табло чилийцы вновь вышли вперед. Иванов владел мячом в середине поля, но пока раздумывал, кому его передать, его опекун Рохас «украл» у него мяч, прошел вперед и метров с 35 пробил. Яшин запоздал с броском, и мяч, будто пушечное ядро, влетел в сетку ворот. 2:1.

И снова стадион зашелся в радостном экстазе. Сосед Дина снова схватил его за плечи и радостно заорал:

– Вот тебе и твой Яшин!

Дин был с ним полностью согласен. Даже ему, человеку, мало сведущему в футболе, было понятно, что пропустить мяч с такого расстояния – непростительный промах.

Всю вторую половину матча сборная СССР беспрерывно атаковала ворота чилийской сборной, пытаясь спасти ситуацию. Даже наши защитники перекочевали на половину поля соперников. Однако хозяева, уйдя в глухую оборону, оборонялись дружно, неистово. Советским футболистам так и не удалось найти брешь в обороне чилийцев и хотя бы сравнять счет. И когда голландский судья Хорн дал финальный свисток, возвестив об окончании матча, многотысячный стадион взорвался настоящей бурей восторга. Чаша стадиона стала похожа на клокочущий вулкан. Ликующие чилийцы, обрадованные тем, что их команда вышла в полуфинальную стадию чемпионата (там сборной Чили предстояло встретиться с командой Бразилии), устроили своим кумирам настоящую феерию любви. Вверх взмывали разноцветные ленты, грохотали петарды, слышалось многоголосое пение. Во всей этой какофонии Дин поначалу чувствовал себя потерянным, но когда сидевшие рядом с ним чилийцы стали и его хлопать по плечам и обнимать, радостно заулыбался и тоже принялся орать во все горло «Вива, Чили!».

Этот чемпионат чилийская сборная закончит достойно: чемпионом она не станет («золото» завоюют бразильцы), но тоже престижное третье место займет.

Победа сборной Чили мгновенно погасила чувство неприязни многих чилийцев к Дину. Чего нельзя было сказать о его соотечественниках из посольства США. Посол Коул и его подчиненные не собирались прощать Дину его демаршей – критику ядерной политики Кеннеди и дружбу с советским спортсменом. Поэтому кампания против Дина, запущенная с легкой руки посольства США в Чили, была продолжена, причем не только в Сантьяго, но и в Лиме. Под давлением информационной службы США ЮСИА (она располагалась на 5-м этаже американского посольства в Сантьяго) ряд чилийских и перуанских радиостанций заблокировали трансляцию песен Дина Рида. Были сорваны несколько его выступлений, поскольку директора концертных залов отказались с ним сотрудничать.

Слухи об этой кампании вскоре достигли родины Дина. Узнал о них и его друг и учитель Патон Прайс, который, естественно, не мог остаться в стороне, когда его ученик и близкий друг оказался в сложной ситуации. И он организовал свою кампанию – в защиту Дина Рида. В нее включились несколько известных голливудских режиссеров и актеров и даже одна красавица – «Мисс Америка-62» Мэрион Макнайт. За их подписями были составлены телеграммы, которые Прайс отправил послам США в Чили и Перу. Содержание их гласило:

«Мы возмущены вашей реакцией на протесты Дина Рида против испытаний ядерного оружия. Попытки заставить замолчать Рида, давление, оказываемое на зарубежные радиостанции и директоров концертных залов с целью аннулировать договоры, заключенные с певцом, представляют собой недопустимое нарушение неотъемлемых прав американского гражданина и создают опасный прецедент – угрозу традиционной американской свободе слова. Ваше безответственное вмешательство во внутренние дела Чили и Перу представляет собой нарушение положений Хартии Организации американских государств, что вызовет возмущение народов Латинской Америки.

Мы считаем необходимым рассказать американскому народу об этих покушениях на его исконные права и вместе с Американским союзом за гражданские свободы выражаем свой протест государственному секретарю Дину Раску. Мы требуем, чтобы вы защищали права американских граждан в Перу (в Чили), а не подрывали их».

Поскольку скандал достиг пределов США, официальные американские власти вынуждены были давать публичные объяснения происходящему. Эту миссию взял на себя глава внешнеполитического ведомства США Линкольн Уайт, который на одном из брифингов заявил: «Мы никогда не ставили вопрос о лишении Дина Рида паспорта». И тут же добавил: «Хотя представляется вполне естественным, что наши дипломаты вызвали к себе Рида и пояс-

нили ему, что, хотя он и имеет полное право высказывать свое мнение, его долг состоит в том, чтобы не вредить интересам Соединенных Штатов».

Как видим, о дружбе Дина с Львом Яшиным здесь не было сказано ни слова, что вполне объяснимо: власти США не хотели лишний раз навлекать на себя критику советских властей в столь непростое для взаимоотношений между двумя сверхдержавами время. Хотя уже дальнейшие события покажут, что скандал с Дином можно было считать детской забавой по сравнению с тем, какие испытания ожидали эти страны уже в ближайшие месяцы (имеется в виду Карибский кризис **октября 62-го**, когда мир балансировал на грани ядерной войны).

Все эти события, естественно, не могли не сказаться на эстрадной карьере Дина. Фирма «Кэпитол», с которой у него был семилетний контракт, решила расстрогнуть его в одностороннем порядке, чтобы не навлекать на себя лишние неприятности из-за связи с неблагонадежным певцом. Могло ли быть иначе? Скорее всего нет, поскольку Дин относился к тому типу людей, которые не умеют долго терпеть диктат над собой кого бы то ни было. Единственным поводом к терпению могли бы стать деньги, но для Дина они всегда стояли на втором месте после личной свободы. В свое время именно из-за этого разладились отношения Дина с его первым импресарио Эберхардом. Тот предпочел продать договор Дина крупной компании, занимающейся шоу-бизнесом. Однако компания рано радовалась новому приобретению. Когда два ее сотрудника заявили к Дину, чтобы объяснить ему, что от него требуется для поднятия собственного имиджа (а для этого требовалось немного: устроить пару-тройку скандалов, закрутить любовную интрижку с одной из голливудских актрис и т. д.), Дин попросту выгнал их из дома. И предпочел впредь работать без импресарио.

После разлада с «Кэпитол» Дин перешел под крыло другой компании – «Империал», где у него вышло несколько «синглов» с песнями: «I forgot more», «Than you'll ever know», «Once Again». Кроме этого было выпущено несколько миньонов Дина в Латинской Америке: в Чили, Аргентине и Перу.

В это же время Дин закончил учиться в актерской школе Патона Прайса. Однако сделать карьеру в Голливуде ему не удастся, поскольку в высокобюджетные проекты его никто не приглашает. Да и в малобюджетные тоже. На вершине тогдашнего Голливуда царили такие звезды, как Джек Леммон, Рок Хадсон, Дорис Дэй, Джон Уэйн, Кэри Грант, Элвис Пресли (он активно снимался в кино), Ширли Маклейн, Анн Маргарет, Пол Ньюмен, Элизабет Тэйлор. Следом шли звезды рангом пониже, однако Дину даже к ним прибиться не удалось. Единственным местом, куда его приглашали, было телевидение, однако и там роли были из разряда «кушать подано». К тому же в актерской среде к телесериалам отношение было презрительным, поэтому участием в такого рода работе мало кто гордился. Так что единственным местом приложения сил для Дина оставалась эстрада, где он чего-то все-таки добился. В основном Дин гастролировал по латиноамериканским странам, где у него по-прежнему была масса поклонников. Что касается родной страны, то здесь популярность Дина оставляет желать лучшего: конкурировать со сладкоголосыми певцами, за которыми стояли новые воротилы шоу-бизнеса вроде Джерри Либера и Майка Столпера, ему было не под силу. Впрочем, он особо и не стремился, прекрасно понимая, что сам выбрал свою стезю – быть не богатым, но свободным.

Между тем судьбе было угодно сделать так, что именно тогда на жизненном пути Дина повстречалась девушка, которой суждено будет стать его первой женой. А свело их вместе кино. В те дни Дин получил приглашение из Мексики: режиссер Джулио Брачо пригласил его сыграть небольшую роль американского студента Роберта Дугласа, который приезжает в Мексику и здесь влюбляется в красавицу мексиканку. Фильм назывался «Гвадалахара летом». Дин с радостью принял это предложение, поскольку, во-первых, давно не снимался, во-вторых – жуть как хотел съездить в Гвадалахару именно летом.

Стоит отметить, что каких-нибудь десять лет назад мексиканская кинематография по праву считалась одной из самых мощных и ярких в Латинской Америке. Достаточно сказать,

что в год там выходило порядка 100 фильмов (рекорд в 1950 году – 122 картины). Однако в конце 50-х наступил резкий спад производства, и в следующее десятилетие мексиканская кинематография вступила в кризисном состоянии, утратив свою ведущую роль на кинорынке Латинской Америки. В 1963 году в Мексике было выпущено всего 30 фильмов, вся остальная продукция – из Голливуда. Что касается фильма «Гвадалахара», то он явился счастливым исключением и принадлежал к числу лучших произведений, за что и был удостоен сразу двух призов на одном из кинофестивалей в Мексике. Но вернемся на некоторое время назад.

В тот знаменательный день Дин приехал в офис кинокомпании «Парамаунт», чтобы обговорить со своим агентом детали предстоящих съемок. Однако первое, что он увидел, переступив порог кабинета, – стройные женские ноги. Обладательница их, темноволосая красавица в короткой юбке, сидела на стуле возле стола и что-то энергично объясняла хозяину кабинета. Когда в помещении появился Дин, девушка лишь повернула голову в его сторону, но позу свою – нога на ногу – не изменила. Дин скользнул глазами по ее аппетитным формам, после чего прошел к столу и сказал пару слов агенту. Потом, поняв, что его приход оказался некстати, ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Спустя полчаса Дин снова зашел к тому агенту, твердо уверенный, что прекрасная незнакомка уже удалась. Так и вышло. Однако, усевшись на стул, на котором некоторое время назад восседал предмет его интереса, Дин не стал торопить события и завел разговор о делах. Но хозяин кабинета был не из глупых. И, пуская в потолок колечки дыма, сказал:

– Ладно, Дин, не валяй дурака. Я же прекрасно вижу, что сейчас все дела тебе побоку. Теперь тобой владеет одно чувство: твоя сексуальная озабоченность.

– Ты так считаешь? – улыбнулся Дин.

– Я в этом уверен. Ты думаешь, я не заметил, как ты своими глазами буквально раздевал мою гостью?

– Неужели это было так заметно? – засмеялся Дин.

– Я бы даже сказал, что это было вызывающе заметно.

Понимая, что прелюдия затянулась, Дин поднял вверх руки и сказал:

– Ладно, сдаюсь.

– Вот так-то лучше, – ответил агент, после чего бросил на сторону стола, где сидел гость, какую-то бумажку.

– Что это? – спросил Дин.

– Телефон твоей красавицы. Зовут Патрисия Хоббс, бывшая «Мисс Южная Калифорния». Кстати, у нее тоже небольшая роль в «Гвадалахаре». Только шансов у тебя, Дин, все равно не очень много.

– Почему? – пряча бумажку в карман, поинтересовался Рид.

– У нее уже есть ухажер. Актера Хью Брайана знаешь? Так что эти аппетитные формы, Дин, не тебе ласкать.

– Ну, это мы еще посмотрим, – гость поднялся со своего места и протянул руку для прощального рукопожатия.

Вечером того же дня Дин уже звонил Патрисии. Когда та подняла трубку, первое, что она услышала, были слова:

– Это та самая леди с прекрасными ногами?

Девушка сразу догадалась, кто ей звонит, поэтому ответила достойно:

– А это тот самый джентльмен с голодными глазами?

Дин оценил юмор своей собеседницы и рассмеялся:

– Вы угадали. Хотя мой голод объясним: не каждый день на глаза попадается «Мисс Южная Калифорния».

– После того, как вы услышали и мой голос, я надеюсь, ваш голод утолен?

– Наоборот, разгорелся еще сильнее. – Поскольку Дину показалось, что девушка хочет положить трубку, он решил действовать напрямик. – Хочу пригласить вас в один приличный ресторанчик на окраине Лос-Анджелеса. Там подают прекрасных лобстеров и белое вино.

Собеседница на другом конце провода задумалась. Но пауза длилась всего лишь несколько секунд, после чего Дин услышал:

– Почему бы нет? Тем более что я люблю именно белое вино.

– А как насчет лобстеров? – поинтересовался Дин.

– Оставьте их себе, а мне закажите белых трюфелей.

Вечером следующего дня Дин заехал за Патрисией домой, и они отправились в уютный ресторанчик, в котором Дин был завсегдатаем. Официант усадил их за лучший столик в тихом уголке и пулей улетел выполнять заказ. В это время на маленькой эстраде оркестрик из чернокожих музыкантов заиграл одну из мелодий Мадди Уотерса. Под эту мелодию Патрисия решилась задать своему кавалеру вопрос, который ее сильно мучил:

– Наверное, я не первая девушка, кого вы приводите в это заведение?

В принципе девушка угадала, но Дин не был расположен вспоминать о своих прежних пассиях. Поэтому спросил:

– Я что, похож на прожженного юбочника?

– На прожженного, пожалуй, нет, – ответила Патрисия и рассмеялась.

Она говорила правду: Дин хоть и был хорош собой, однако его взгляд выдавал в нем порядочного человека – в нем не было цинизма. За те несколько лет, что Патрисия вращалась в кругах шоу-бизнеса, она достаточно насмотрелась на такого рода мужчин и, честно говоря, устала от их дотошного внимания к себе. Дин хоть и был из их круга, но его манеры говорили о том, что он джентльмен. Собственно, будь иначе, Патрисия вряд ли приняла бы его предложение, поскольку у нее уже был парень – тоже молодой актер. Однако спроси кто-нибудь Патрисию, любит ли она его, она бы серьезно призадумалась. Да, он ей нравился, но не более того. Так что, принимая предложение Дина, девушка не боялась быть уличенной в предательстве.

Они просидели в ресторане около двух часов, причем это время пролетело для них как одна минута. Патрисия с удовольствием открыла для себя, что ее новый кавалер на удивление интересный собеседник. Если с ее парнем беседы ограничивались разговорами о кино и обсуждением каких-то сплетен, то Дин буквально потряс ее своими рассуждениями о многих серьезных вещах. Например, о русской театральной школе или пацифизме. Но еще сильнее девушка была потрясена его рассказами о своем пребывании в джунглях Амазонии и встречах с тамошними аборигенами. Вот где Дин развернулся во всю свою мощь – буквально завалил собеседницу интересными фактами и историями.

– И знаешь, Патрисия, именно там, у индейцев, я вдруг понял одну интересную вещь, – сказал Дин в заключение своего рассказа о приключениях в Амазонии. – Что нашу жизнь здесь, в цивилизованном мире, можно назвать дикой, а жизнь там, в джунглях, наоборот, цивилизованной. Ведь тамошние индейцы живут в ладу не только с природой, но и с самими собой. Они истребляют себе подобных только в случае крайней необходимости, а не потому, что им диктуют это их политические амбиции.

– Мне приятно это слышать, Дин, – улыбнулась в ответ Патрисия. – Дело в том, что я тоже индеанка. Правда, только наполовину. Моя мама родилась в племени навахо.

– Надо же, а мы, выходит, с ней земляки: я родился в Денвере – в местах, недалеко от которых обитали навахо.

Можно смело сказать, что именно после этого диалога взаимная симпатия молодых людей друг к другу возросла. Она оказалась настолько сильной, что когда на обратном пути Дин остановил машину на обочине дороги и привлек девушку к себе, она не сопротивлялась. Правда, Дин не стал торопить события и ограничился только поцелуями. Хотя в какой-то миг

ему показалось, что Патрисия согласна и на большее – то ли под влиянием его обаяния, то ли из-за выпитого белого вина.

Тем временем пришла пора ехать в Мексику на съемки фильма «Гвадалахара летом». Кавалер Патрисии Хью Брайан больше всего был расстроен этим обстоятельством, поскольку не хотел надолго расставаться со своей невестой. Но еще сильнее он расстроился, когда увидел, с каким настроением его девушка собирается в Мексику. Каких-нибудь пару недель назад она сама говорила ему, что не горит большим желанием ехать на эти съемки, но теперь все изменилось: Патрисия светилась от счастья и буквально летала по квартире, собирая вещи в чемодан. Понять причину столь разительной перемены в настроении своей возлюбленной Хью никак не мог. А сама Патрисия на все его вопросы об этом несла какую-то ахинею типа того, что при новом прочтении сценария ее отношение к роли кардинально изменилось.

Между тем в Мексике роман Дина и Патрисии продолжился. Протекал он весьма оригинально. Днем, во время съемок, Дин «крутил любовь» совсем с другой девушкой – актрисой Алисией Бонет, которая играла в фильме роль Лурдес, в которую был влюблен герой Дина, но едва съемки завершались, как Дин уже заключал в свои объятия Патрисию, которая играла роль подруги Лурдес Сусанны Вудбрайт. В итоге все свое свободное время влюбленные проводили вместе, предпочитая коротать его либо в номере гостиницы, где они отдавались друг другу со всей страстью и пылом, либо колесили по окрестностям на машине, знакомясь с местными достопримечательностями. Незабываемое впечатление на обоих произвело посещение «мексиканской Венеции» – городка Хочимилько. Полдня они катались на гондоле, полной благоухающих цветов, и всю дорогу только и делали, что целовались. Гондольер лишь многозначительно улыбался, искоса бросая взгляды на эту влюбленную парочку. Впрочем, удивить его было трудно – таких парочек он перевез за свою гондольерскую жизнь не одну сотню.

Именно в этой поездке Патрисия поняла, что влюблена в Дина по уши. Однако сказать такое же о Дине она не могла. Нет, он беспрерывно выказывал ей всяческие знаки внимания, был ласков и нежен с ней на людях, а в постели страстен и неутомим, но в то же время она видела, какие жадные взгляды он иной раз бросает и на проходящих мимо мексиканок. К тому же она считала Дина гораздо умнее себя и боялась, что рано или поздно она ему наскучит. Она хорошо помнила слова матери, сказанные ею несколько лет назад, когда Патрисия завоевала титул «Мисс Южная Калифорния»: «С умным мужчиной хорошо дружить, а замуж выходить надо за обыкновенного». Однако что могла поделать Патрисия, если ее угораздило влюбиться именно в умного?

Между тем в той же поездке Дин умудрился покорить и сердце матери своей возлюбленной. Та приехала в Мехико на несколько дней, чтобы повидаться с дочерью. И Дин, узнав об этом, решил сразить женщину в самое сердце.

– Что больше всего любит твоя мать? – спросил он Патрисию накануне приезда ее матери.

– А ты как думаешь, что может нравиться настоящей индейке? – вопросом на вопрос ответила девушка.

Дин секунду подумал, после чего сказал:

– Наверняка ей нравятся мужчины, которые умеют хорошо обращаться с лошадьми.

– Ты угадал, – рассмеялась Патрисия.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Дин. – Пригласи ее завтра же на родео, и вы увидите, что я умею хорошо укрощать не только женщин и гитару, но и мустангов.

В Мексике родео столь же популярно, как и в Америке. Поэтому на эти соревнования по укрощению необъезженных лошадей собираются толпы зрителей, среди которых можно увидеть не только мужчин, но даже женщин и детей. Дин прекрасно понимал, с какими трудностями ему придется столкнуться: во-первых – его многолетний простой в ковбойском ремесле может сказаться (в последний раз он участвовал в родео еще до своей певческой карьеры), во-вторых – негостеприимность местной публики, которая не любит чужаков, а тем более амери-

канцев, будет действовать против него. Однако эти трудности не пугали Дина, а даже, наоборот, еще сильнее заводили. Это было в его характере – чем труднее дело, тем сильнее оно его к себе влекло. Поэтому заявку на участие в соревнованиях он подал безо всякого страха и даже какого-либо внутреннего волнения. Он был твердо уверен в своей победе и даже мысли не допускал, что результат может быть иным. И даже когда ему показали его лошадь – пегого мустанга с сильным крупом, ни один мускул не дрогнул на его лице: пегий так пегий. Хотя мысленно он, конечно, догадывался о подвохе: быть такого не могло, чтобы устроители специально не выбрали для американца самого строптивого мустанга.

Когда пришла очередь Дина выступать, ажиотаж на арене царил невероятный. Публика была уже достаточно разогрета: трое предыдущих ковбоев не смогли укротить лошадей и повывлетали из седел задолго до того, как секундомер отсчитал положенные 10 секунд. А поскольку все неудачники были местными, мексиканцами, весь стадион теперь был на стороне лошади, на которой должен был восседать ненавистный гринго. Поэтому неудивительно, что в многотысячной толпе за победу американца болели разве что два человека: Патрисия и ее мать.

Дин потуже затянул ремешок своего «стэтсона» на подбородке и одним прыжком взгромоздился на лошадиный круп. Жокей, который держал мустанга под уздцы, отскочил в сторону, и скачка началась. Мустанг резво рванул вперед, но, сделав несколько шагов, вдруг резко остановился и принялся сбрасывать с себя седока. Дина бросало то вверх, то вниз, то в одну сторону, то в другую. Стадион свистел и улюлюкал, подбадривая лошадь изо всех сил. И мустанг, казалось, это понимал, все сильнее и сильнее стал наращивать темп своих движений. В какое-то из этих мгновений всем показалось, что укротитель потерял ориентировку и вот-вот слетит с мустанга головой вперед. Но в самую последнюю секунду Дину хватило сноровки обхватить лошадь за шею руками и чудом удержаться на ней. После этого мустанг как-то сник, а спустя несколько секунд и вовсе успокоился, перейдя на размеренный шаг. Это была победа!

Когда Дин покинул арену под восторженные крики толпы, у выхода его уже дожидались Патрисия и ее мать. Обе выглядели счастливыми: девушка с визгом повисла на шее своего возлюбленного, а мать нежно тронула его за локоть и произнесла всего лишь одну фразу: «Право, Дин, я уже не надеялась увидеть тебя живым».

Праздновать победу Дин повел женщин в ресторан под открытым небом неподалеку от родео. Женщины пили шампанское, а Дин налил себе текилы и к концу застолья здорово набрался. Стояло прекрасное мексиканское лето, и хотелось сидеть в ресторане до самого утра. Пить все ту же текилу с шампанским и слушать дивные мелодии, выдаваемые оркестром марьячес, расположившимся в дальнем углу ресторана. Однако просидеть до утра не получилось: на завтра Дину предстояла ответственная съемка, поэтому женщины увели его в гостиницу, едва на город опустились вечерние сумерки.

Между тем в самый разгар этого романа, когда влюбленные уже вернулись на родину, в Америке произошла трагедия – **22 ноября** в Далласе был убит президент США Джон Кеннеди.

С тех пор как Дин открыто выступил против испытаний ядерного оружия, утекло достаточно воды. За это время произошло несколько судьбоносных событий, которые заставили измениться не только президента США, но и его активных критиков, вроде нашего героя. И главным из этих событий стал Карибский кризис **октября 62-го**, когда мир едва не погрузился в пучину новой войны – ядерной. К счастью, руководителям двух сверхдержав – США и СССР – хватило ума не развязывать смертоубийственную для человечества войну, после чего в их мировоззрении произошли кардинальные изменения. Во всяком случае Кеннеди явно стал другим. Летом **1963 года** он выступил в Американском университете с речью, которая существенно отличалась как по стилю, так и по содержащимся в ней мыслям от тех, которые произносились президентом ранее. Отказавшись от уже привычных обвинений СССР во всех смертных грехах, Кеннеди заявил, что, вместо того чтобы взваливать на кого-либо вину или осуждать чей-либо политический курс, Соединенным Штатам следует попытаться определить

сферу взаимных интересов с Советским Союзом. По его словам: «Среди многих сходных черт, которыми обладают народы наших двух стран, нет более ярко выраженной, чем наше обоюдное отвращение к войне».

Между тем одних слов Кеннеди было мало, и спустя шесть недель после этого выступления (**5 августа**) США (вместе с СССР и Великобританией) подписали в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой. То, к чему Дин Рид призывал еще в начале 62-го, воплотилось в жизнь. В своей речи по ТВ, сразу после подписания договора, Кеннеди сказал: «С тех пор как было изобретено ядерное оружие, все человечество боролось за то, чтобы избежать мрачной перспективы массового уничтожения на земле... Если сегодня снова начнется тотальная война – независимо от того, как бы она ни началась, – первыми ее объектами станут две наши страны. Кажется иронией, но это действительно факт: двум сильнейшим державам мира грозит наибольшая опасность опустошения. Все, что мы создали, все, ради чего мы трудились, – все будет уничтожено... Обе наши страны захвачены зловещим и опасным циклом, в котором подозрения на одной стороне порождают подозрения на другой, а в ответ на новое оружие создается контроружие.

Короче говоря, как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и в прекращении гонки вооружений...

Вчера этот мрак пронизал луч света... Это соглашение не открывает золотого века... Но оно является важным первым шагом к миру, шагом к разуму и шагом от войны... Это соглашение отвечает нашим интересам, и особенно интересам наших детей и внуков, а у них нет здесь в Вашингтоне своего лобби... Древняя китайская поговорка гласит: «Любое путешествие в тысячу ли должно начаться с первого шага»... Давайте сделаем этот первый шаг...»

Шаги Кеннеди в сторону мира вызвали неоднозначную реакцию в США. Большая часть американцев встретила их с воодушевлением, но были и такие, кто расценил их как явное свидетельство слабости своей страны перед Советами. Вердикт этих людей был убийственный: «Кеннеди оказался трусом, недостойным называться мужчиной!» Дин относился к числу тех, кто поддерживал Кеннеди в его миротворческих стремлениях, а вот его отец Сирил Рид президента США за это презирал.

– Этот сопливый мальчишка пустит прахом все, что было создано до него его предшественниками, – бушевал Сирил, когда его сын в очередной раз навестил родительский дом в Аризоне. – А ты называешь его шаги правильными, потому что окончательно стал красным.

– Отец, никакой я не красный, – пытался вразумить родителя Дин. – Я просто хочу, чтобы мою страну люди не воспринимали как мирового жандарма. Ведь сколько людей ненавидят Америку за то, что она кичится своим могуществом.

– Это ты наслушался речей своего гнилого либерала Патона Прайса, – почти зарычал отец в ответ на слова сына. – Это они, либералы, считают, что надо стыдиться могущества своей родины. А ты, дурень, веришь этим рассказам.

– У меня, отец, есть своя голова на плечах, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно увереннее, ответил Дин. – И глаза тоже есть. Я, к твоему сведению, неоднократно ездил в Латинскую Америку и знаю, что говорю.

– Ты просто глупец, который дальше своего носа ни черта не видит. – Сирил резко встал с кресла и принялся нервно мерить кабинет шагами. – Чтобы удержать в узде сомневающихся, их надо периодически стращать. Других методов они не понимают. Стоит только дать слабину, как эти страны разбегутся в разные стороны и легко попадут под пята коммунистов. Как это стало с той же Кубой.

– Но что же тогда мы за страна, если можем удерживать возле себя своих союзников только с помощью силы? – парировал доводы отца Дин. – Значит, Советы лучше нас, если к ним побегут наши союзники.

– Ничем они не лучше! Просто химеры, провозглашаемые ими, пока находят сторонников. Еще бы, ведь они хотят построить на земле бесклассовое общество! Разве это не заманчиво? Но ничего они не построят, как Томмазо Кампанелла не построил свой город Солнца. Я же историк, я знаю.

– А какое общество построили мы? – Дин впервые за время разговора позволил себе повысить голос. – Неужели, по-твоему, это и есть предел мечтаний для людей?

– Я не идеализирую наше общество, но оно в десятки, нет, в сотни раз лучше, чем то, что строят коммунисты. Да, оно несовершенно, в нем масса пороков, но оно свободное. Понимаешь, сво-бод-но-е!

– Свободное для одних, а для других... Разве чернокожие у нас свободны? Или индейцы? Почему в нашем обществе кучка людей имеет все – заводы, яхты, банки, а другая, бóльшая часть, перебивается чем придется? Почему такой разительный контраст между богатством и нищетой? Ведь если так будет продолжаться и дальше, нашей стране не миновать революции.

– Я же говорю, что ты красный, – вновь рубанул воздух рукой глава семейства. – Люди, поздравьте меня, мой сын – коммунист!

Дин ответил не сразу. Он подождал, пока отец успокоится, и, когда тот перестал нервно ходить по кабинету и застыл у окна, продолжил:

– Так нельзя, отец. Почему всех, кто не согласен с твоим мнением, ты называешь красными? Мне, как и тебе, ненавистна любая идеология. И я скорее пацифист, чем коммунист.

– Какая разница? – отмахнулся от сына отец. – От пацифиста до коммуниста даже не один, а всего полшага.

Здесь Сирил повернулся к сыну и, пристально глядя ему в глаза, закончил:

– И помяни мое слово, Дин, ты сделаешь эти полшага гораздо быстрее, чем тебе кажется.

После этого в кабинете возникла тягостная пауза. Нарушил ее осторожный скрип двери. На пороге кабинета появилась хозяйка дома, которая голосом, полным нежности, произнесла: – Ну что, наспорились? Пойдемте обедать. Я приготовила ваш любимый картофель с беконом.

Дин вспомнил этот спор **22 ноября**, сидя у телевизора и слушая сообщение комментатора Си-би-эс Уолтера Кронкайта о том, что в Далласе было совершено покушение на Кеннеди. Дин не верил своим ушам. «В Далласе, штат Техас, по президентскому кортежу было произведено три выстрела, – гремел голос комментатора. – Согласно первым сообщениям, президент серьезно ранен, он сник на коленях у госпожи Кеннеди, которая воскликнула: „О, нет, нет!“ Кортеж продолжил свой путь, не замедляя движения. Раны могут оказаться смертельными...»

Это было первое короткое сообщение о покушении, после чего программа телепередач продолжилась – была возобновлена какая-то «мыльная опера». Дин пощелкал каналами, но там было то же самое. И только в 14.38 все каналы американского ТВ прервали свои передачи, чтобы передать экстренное сообщение: «Президент скончался в 2 часа пополудни...»

В течение последующих трех дней американское телевидение отдало все свое эфирное время только одному событию – убийству своего президента. Не было показано ни одной развлекательной передачи, ни одного рекламного блока. Естественно, версий относительно этого убийства было высказано множество. Однако доминирующей тогда была одна – Кеннеди убили коммунисты. Да и как иначе, если средства массовой информации особо подчеркивали то, что убийца президента Ли Харви Освальд незадолго до покушения жил в Советском Союзе, в Минске, из чего делался однозначный вывод: там он был завербован КГБ и специально прислан в Америку с заданием убить Кеннеди. Как стало известно чуть позже, даже новый президент США Линдон Джонсон в первые минуты после убийства обронил характерную фразу: «Мы еще не знаем, не коммунистический ли это заговор».

Дин внимательно следил за всей информацией, касавшейся трагедии в Далласе, пытаясь своим умом докопаться до истины. И хотя сделать какие-то определенные выводы по горя-

чим следам было еще трудно, он все же твердо определился в одном: Кремль к этому убийству непричастен. И утверждать обратное могли только люди, которые плохо анализировали последние события в мире. Да, каких-нибудь два года назад советский лидер Хрущев мог ненавидеть хозяина Белого дома: за свое унижительное отступление в Берлине в 1961 году и капитуляцию во время Карибского кризиса. Но потом ситуация резко изменилась. За последние полгода США и Советы начали процесс сближения друг с другом, стали нащупывать первые подходы к смягчению международной напряженности. Поэтому убивать Кеннеди Москве было невыгодно и незачем. А вот тем, кто не хотел этого сближения, его смерть была просто необходима как воздух.

Еще весной 63-го Кеннеди заявил, что вскоре после ноябрьских выборов начнется вывод американских войск из Вьетнама. «Меня везде будут проклинать как умиротворителя коммунистов, – сказал Кеннеди. – Но меня это не волнует». **2 октября 1963 года**, то есть за полтора месяца до убийства Кеннеди, военное руководство США вынуждено было объявить, что к 1965 году из Вьетнама будут выведены основные вооруженные силы США; в том числе до конца 63-го на родину вернется 1000 военнослужащих. Однако этот процесс был остановлен, едва прозвучали выстрелы в Далласе. Война во Вьетнаме была выгодна воротилам военного бизнеса и генералам Пентагона, и они вполне могли пойти на устранение президента, у которого были убойные шансы быть переизбранным на второй срок. Между тем уже спустя два дня после смерти Кеннеди был убит его палач – Освальд. Это сделал некий владелец ночных клубов Джек Руби, выстрелив в Освальда в упор из пистолета в здании городской полиции Далласа. И снова газетчики стали искать в этом преступлении «руку красных». Журналист Чалмерс Робертс в газете «Вашингтон пост» писал: «Конечно, болезнь Далласа – его ультраправый фанатизм, однако президент, как кажется, был убит ультралевым фанатиком». Но если следовать этой логике, то тогда возникал законный вопрос: неужели коммунистическое лобби в Америке было столь велико и могущественно, что его хватило на то, чтобы убить президента сверхдержавы, а потом устранить и его палача? Даже не умаляя достоинств КГБ, в это верилось с трудом.

Как и миллионы его соотечественников, Дин задавал себе все эти вопросы, однако ответы на большинство из них найти ему пока было трудно. Должно было пройти какое-то время, прежде чем эта трагедия обрела бы наконец хоть какие-то завершенные очертания.

А жизнь тем временем продолжалась. Минуло каких-нибудь три-четыре месяца, и трагедия в Далласе если не позабылась, то во всяком случае отошла для американцев на второй, а то и на третий план. И Америку уже волновали другие события. Например, первые гастроли ансамбля «Битлз». На календаре было **7 февраля 1964 года**. Стоит отметить, что «битлы» летели в Америку отнюдь не в ореоле победителей. За месяц до этого их песня «I wan't to hold your hand» («Я хочу держать твою руку»), которая в течение двух месяцев удерживалась на 1-м месте британского хит-парада, была сброшена оттуда песней «Glad all over» в исполнении группы «Дэйв Кларк Файв». А в американском хит-параде эта же песня «Битлз» занимала всего лишь 83-е место. Поэтому большинство музыкальных критиков в те дни предрекали ливерпульской четверке скорое забвение и прозябание в «подвалах» музыкальных чартов. Но вышло все наоборот.

Рекламной кампанией «Битлз» в Америке занималась хорошо знакомая нам компания «Кэпитол Рекордз», где некогда трудился Дин Рид: она потратила на плакаты ливерпульской четверки 5000 долларов (было изготовлено 5 миллионов плакатов). Кроме этого были выпущены специальные сувениры: целлофановые пакеты, в которых лежали парики «под битлов», фото с автографом участников группы и значок «Я люблю „Битлз“». Как итог: первый же концерт «четверки» в знаменитом телевизионном «Шоу Эдди Сэлливана» собрал у голубых экранов рекордную аудиторию – 73 миллиона зрителей. Дин тоже был в числе последних и остался вполне удовлетворен увиденным. «Битлз» ему понравились из-за молодости, азарта и, главное,

из-за мелодизма. Песни, которые исполняли «битлы», практически сразу пришлись по душе Дину. Собственно, он и сам играл нечто подобное и был уверен, что большинство из услышанных им в тот день песен легко можно было бы включить в его собственный репертуар (что и произойдет несколько лет спустя).

Между тем Мексика в те дни стала для Дина вторым домом. Он часто ездил туда по служебным делам, а иной раз и просто так, чтобы развеяться. Иногда он брал туда с собой и Патрисию. Именно во время одной из таких поездок их отношения едва не дали трещину. Поводом к этому послужили следующие события.

В один из дней Дин стал собираться в обратный путь, а Патрисию вынуждена была остаться в Мехико. Ей предложили небольшую роль в одном из фильмов, и пренебречь таким предложением она не могла. Дин тоже мог остаться с возлюбленной, благо эти съемки не заняли бы много времени. Однако он заявил, что уезжает. Патрисию была удивлена, поскольку надеялась, что найдет понимание у любимого. Но Дину к тому времени уже наскучили мексиканские реалии, а слово Патрисию для него мало что значило: в их союзе главным он считал себя. Поэтому их последнее объяснение выдалось бурным.

– Значит, твои дела в Америке для тебя важнее меня! – заявила сквозь слезы Патрисию.

– Что за чушь ты несешь! – злился Дин, пакуя чемодан. – Ты приедешь следом за мной ровно через две недели.

– Но я не хочу жить здесь одна: я просто умру от скуки.

– Ничего с тобой не случится, – был неумолим Дин.

Патрисию заплакала и рухнула на кровать. Она полагала, что этот аргумент заставит ее возлюбленного одуматься. Но Дин даже не повернулся в ее сторону. Закрыв крышку чемодана, он щелкнул замком и молча направился к двери.

– Ах так! – закричала Патрисию, схватила с пола тапочку и бросила ее в удаляющегося Дина. Обувка пролетела полкомнаты и угодила Дину в плечо. Но он даже не обернулся.

Вернувшись в Америку, Дин в первый же вечер позвонил в гостиницу Патрисию. Но она так и не сняла трубку. Дина это удивило, но не более. Зная о том, что девушка влюблена в него по уши, он был уверен, что ее обида пройдет довольно быстро. Каково же было его удивление, когда и в течение всего следующего дня Патрисию не подходила к телефону. Вот тут он забеспокоился. И в голове у него мелькнула неожиданная мысль: «А не проснулся ли в ней нрав ее индейских предков? Если это так, то она способна на любое безумство». И уже ближайшие дни показали, что его дурные предчувствия полностью оправдались.

Как-то утром в доме Дина раздался телефонный звонок. Он подскочил к аппарату, твердо уверенный, что звонит Патрисию, но ошибся – на другом конце провода он услышал голос того самого агента, который познакомил его с Патрисиюй.

– Пока ты спишь, твоя девушка замуж выходит, – сообщил агент сногсшибательную новость своему другу.

– Как замуж? – только и нашелся что сказать Дин.

– Что значит как? Самым натуральным образом: с посещением церкви и первой брачной ночью. А будущего мужа ты уже знаешь – это Хью Брайан. Так что не сиди сиднем, а делай что-нибудь.

Услышав это, Дин сполз по стене на пол и в течение нескольких минут сидел в таком положении, держа трубку на весу. Наконец он очнулся... и его обуяла дикая ярость. Он схватил с тумбочки телефонный аппарат и уже хотел запустить им в стену. Но приступ ярости прошел так же быстро, как и начался. После чего аппарат был возвращен на его прежнее место, а Дин успокоился и сел в кресло. Надо было все хорошенько обдумать, прежде чем предпринимать какие-либо действия. Ему было ясно, что Патрисию пошла на принцип и заставить ее изменить свое поведение могло лишь что-то неординарное. Короче, против ее индейских предков надо было выставить что-то не менее существенное. Но что? Дин думал меньше получаса, после чего

его осенило. Он вновь бросился к телефону, благодаря бога за то, что тот не только ниспослал ему прекрасную идею, но и уберег от уничтожения аппарата, который теперь оказался как нельзя кстати. Дин позвонил в Мехико, но отнюдь не Патрисии, а своему приятелю – актеру Мигелю, с которым он подружился во время последних мексиканских съемок...

Все эти дни Патрисия знала, что Дин разыскивает ее, но не предпринимала никаких шагов к тому, чтобы ответить на его призывы. Ей казалось, что уже слишком поздно: она дала слово Хью Брайану и тем самым отрезала все пути назад. Хотя сердце ее, конечно же, по-прежнему принадлежало Дину. Впрочем, те, кто хоть раз влюблялся, поймут ее чувства: так часто бывает – любишь одного, а жизнь свою порой вынужден связать с другим.

В тот памятный вечер Патрисия перед сном поговорила по телефону с Брайаном и назначила окончательную дату своего приезда в Америку – в начале следующей недели. После чего погасила ночник и легла под одеяло. Однако не успела она сомкнуть глаза, как за окном внезапно... грянула музыка. Причем не транслируемая через динамики, а самая что ни на есть настоящая – оркестровая. А поскольку Патрисия жила на втором этаже, а окна ее номера были распахнуты настежь, музыка ворвалась к ней как настоящий вихрь. И в этом переливе мелодий особенно усердствовала испанская гитара «хароно», которая буквально надрывалась от страсти и нежности. Накинув на плечи халат, Патрисия выскочила на балкон... и обомлела. Прямо под ее окнами расположился настоящий оркестр марьячес, а в виртуозном гитаристе девушка узнала друга своего брошенного возлюбленного мексиканского актера Мигеля. Тот же, увидев Патрисию, внезапно рухнул на колени и запел серенаду «Вернись ко мне». И как только он произнес эту строчку, Патрисия сразу поняла, по чьей прихоти у нее под окнами надывается этот оркестрик. «Дин, ты мерзавец», – только и смогла произнести девушка. В этот миг в сердце ее вошла такая нежность, что из глаз брызнули слезы. Собственно, именно такого эффекта и добивался Дин, когда задумывал этот концерт. Однако одним лишь исполнением серенад он не ограничился.

Утром следующего дня, едва первые лучи солнца проникли в номер Патрисии и разбудили ее, в дверь постучали.

– Кто там? – спросонья спросила девушка, даже не подозревая о том, какой новый сюрприз ждет ее за дверью.

Поскольку вопрос хозяйки так и остался без ответа, а стук в дверь продолжался, она вскочила с кровати и, на ходу застегивая халат, отправилась открывать. Девушка распахнула дверь, и на нее посыпались цветы. Бесчисленное количество роз упало к ее ногам, а на пороге стоял улыбающийся Дин. И первые слова, которые он произнес, обращаясь к девушке, были:

– Патрисия, выходи за меня замуж.

Свадьба состоялась несколько дней спустя в Мехико. Жених и невеста были великолепно: он был в элегантном черном костюме и светлой рубашке, она – в белоснежном платье с розовым бантом. Поскольку отца своего Патрисия не помнила (его не стало, когда дочь только родилась), посаженным отцом на свадьбе выступил генерал мексиканской армии Сальвадор Идис.

После свадьбы, пожив несколько дней в Мексике, молодые отправились догуливать медовый месяц к себе на родину, в Америку. К тому времени там уже почти год правил новый президент – Линдон Джонсон. Он, как и Кеннеди, был демократом и при прежнем президенте занимал должность вице-президента. Большая часть американцев Джонсона не любила и, если бы судьба распорядилась так, что Джонсону пришлось бы избираться в президенты обычным путем, наверняка бы его не выбрала. Однако трагедия способствовала взлету этого человека.

Джонсон проигрывал своему предшественнику практически по всем статьям: начиная с интеллекта (за всю свою жизнь Джонсон прочитал всего лишь 6 книг, а за все годы пребывания в Белом доме – только одну) и заканчивая внешним видом (на фоне плейбоя Кеннеди с его внешним лоском Джонсон выглядел как типичный фермер из Техаса). Поэтому единствен-

ными, кто с большим воодушевлением встретил приход Джонсона к власти, были бизнесмены. И новый президент не обманул их надежд – впервые за всю историю Белого дома Джонсон ввел в практику организацию в своей резиденции званых обедов для крупнейших представителей «большого бизнеса».

Первое время после гибели Кеннеди его преемник свято чтит память предшественника: регулярно вставлял его имя в свои речи. Однако длилось это недолго – около четырех месяцев. В начале весны **1964 года** Джонсон прекратил эту практику, поскольку провозгласил собственную программу – построение «великого общества». Характер и цели этого общества Джонсон раскрыл в своей речи **22 мая**, выступая в Мичиганском университете в городе Энн. А сказал он следующее:

«Великое общество основывается на изобилии и свободе для всех. В ближайшие сорок лет мы должны будем перестроить все города в США, ибо становится все труднее жить в американских городах. Их центры находятся в упадке, а окраины подвергаются разбою. Нам недостает домов и дорог... Во-вторых, наша деревня... Сегодня ее красота в опасности. Вода, которую мы пьем, пища, которую мы едим, даже воздух, которым мы дышим, – все находится под угрозой загрязнения. Наши парки и пляжи переполнены. Зеленые поля и густые леса исчезают... Сегодня мы должны начать действовать, чтобы предотвратить появление Безобразной Америки... Наше общество не будет великим, если каждый молодой человек не получит возможности изучить все достижения человеческой мысли...»

Между тем летом взяла старт очередная предвыборная президентская кампания. Демократическая партия выдвинула своим кандидатом действующего президента Джонсона, республиканская – сенатора из Аризоны Голдуотера. Последний слыл воинствующим антикоммунистом, чем сильно нравился отцу Дина Сирилу Риду (тот жил тогда именно в Аризоне). Сирилу нравилась в Голдуотере его прямолинейность, и многие взгляды сенатора он разделял безоговорочно. Например, он был полностью солидарен с ним в том, что администрация Джонсона проявляла «позорную мягкотелость по отношению к коммунизму», а демократическая партия «превратилась в партию взяточников, одержимых идеей власти, и левых радикалов».

Стоит отметить, что Сирил в своих симпатиях был не одинок – многие американцы думали так же. Как писал С. Уоррен: «Движение за избрание Голдуотера президентом развилось на базе зарождавшейся в сознании многих американцев тревоги по поводу событий, которые происходили в мире, все в большей степени вызывавшем замешательство и опасения. По их мнению, в мире происходило растворение некогда устойчивых человеческих ценностей, исчезало уважительное отношение к законности и порядку, „ползучий социализм“ подминал под себя здоровый дух индивидуализма и независимости, усиливались веяния „холодной войны“, и советский „вирус коммунизма“ коварно заражал их собственное правительство. Многие из них были порядочными, хотя и одурманенными мужчинами и женщинами, но кроме них существовали экстремистские, правые группировки, кипящие ненавистью к неграм, евреям, католикам, либералам всех мастей и убежденные, что страна их находится на краю гибели...»

Дин по-прежнему был в оппозиции к отцу, ненавидел Голдуотера, однако и к Джонсону никаких симпатий не испытывал. Поэтому твердо решил – в предстоящих осенью выборах не участвовать. И **3 ноября 1964 года**, когда вся Америка пришла к избирательным урнам, Дин впервые за последние годы остался дома. На тех выборах победил Линдон Джонсон, доказав тем самым, что подавляющей части Америки чужд воинственный антикоммунизм Голдуотера. Джонсон победил с огромным перевесом в 16 миллионов голосов (это 62 % американцев, или более 42 миллионов против 26,4 миллиона), чего не было за всю историю Соединенных Штатов Америки.

Между тем творческая карьера Дина на родине вступила в полосу кризиса. Сниматься в кино его практически не приглашали, заглохла и певческая деятельность. Надо было искать

другие места приложения своих талантов, и Дин такое место нашел. Место это было им уже давно обжито – Латинская Америка, только теперь было решено посещать ее не наездами, а перебраться туда на постоянное место жительства. Тем более что это давало и финансовую выгоду – не надо было отдавать родному отечеству огромные налоги со своих гонораров. В итоге Дин и Патрисия переехали в столицу Аргентины город Буэнос-Айрес, в тихий район на окраине города Мартинез (примерно в часе езды от центра).

Эта страна была выбрана не случайно. Каких-нибудь два года назад у Дина и мысли не возникло бы туда ехать, поскольку в Аргентине в **марте 62-го** произошел военный переворот – было свергнуто правительство Фрондиси. Новое военно-гражданское правительство, по сути военная диктатура, ввело в стране осадное положение. Оно продолжалось больше года, после чего в **июле 63-го** под давлением народных масс в стране были проведены всеобщие выборы. На них победил кандидат от оппозиционного Радикального гражданского союза 63-летний сельский врач Артуро Илья. Будучи убежденным сторонником демократии, новый президент начал проводить в Аргентине радикальные реформы. Он восстановил конституционные права и демократические свободы, освободил из тюрем политических заключенных, прекратил репрессии. В **ноябре 63-го** Илья аннулировал все контракты 1958–1963 годов о концессиях с нефтяными компаниями США, несмотря на активное противодействие Вашингтона. Был принят ряд мер в пользу национальной экономики. Кроме этого, в стране был отменен запрет на деятельность коммунистической партии. Все эти реформы сильно подняли авторитет президента не только в Аргентине, но и далеко за ее пределами. Поскольку и наш герой относился к президенту Аргентины с нескрываемым уважением, переезжал он в эту страну осознанно.

Дин и Патрисия достаточно быстро обжились на новом месте, и вскоре дела у них пошли на лад. Вскоре Дин был приглашен в качестве ведущего на телевидение – на 7-м канале каждую субботу, в девять вечера, он выходил в эфир с собственным шоу «Welcome saturday». Строилось оно традиционно: в студию приглашались гости – разные известные люди из мира политики, спорта или искусства, которые делились со зрителями своими взглядами на самые разные проблемы. В паузах между разговорами звучали песни: их пел либо сам Дин, либо кто-то из приглашенных артистов. Это шоу очень быстро стало популярным, поскольку, во-первых, вел его Дин Рид, которого в Аргентине любили, а во-вторых, – темы, которые в нем затрагивались, были очень актуальными и касались самых различных аспектов жизни аргентинского общества – начиная от быта и заканчивая политикой.

Не забывал Дин и о музыке. В Аргентине он выступал с концертами и записал сразу несколько «синглов» на фирме звукозаписи «Одеон». Причем подавляющая часть песен была записана на испанском языке, поскольку Дин не хотел, чтобы его здесь считали очередным янки, приехавшим в страну для пропаганды американского образа жизни.

Была у Дина и работа в кино. Правда, это была чисто коммерческая продукция, поскольку на момент приезда Дина в Аргентину так называемое «новое аргентинское кино» переживало явный спад. Эта волна началась в самом начале 60-х, когда целая группа молодых аргентинских кинорежиссеров (Р. Кун, Д. Х. Коон, Л. Фавио, Х. Мартинес, Л. Муруа и др.) предложила иной путь развития местного кинематографа – совершенствование художественной структуры фильмов. Не имея общей идеологической и эстетической платформы, эти режиссеры сосредоточили внимание на изображении психологических проблем, испытывая явное влияние европейской школы, особенно французской «новой волны». В итоге на свет родились сразу несколько серьезных картин: «Шунко» (1960) Муруа, повествующая о суровой жизни крестьянской общины, «Пленники ночи» (1960) Коона – об одиночестве человека в глухом и враждебном мире буржуазного общества, «Молодые старики» (1961) Куна – о потерянном поколении и др. Однако на общем фоне остального аргентинского кино, где львиную долю составляли коммерческие фильмы, эти картины погоды не делали. И вскоре эта волна спала, а

режиссеры того направления либо эмигрировали из страны, либо ушли в тень. В результате на авансцену в аргентинском кино вышли коммерческие режиссеры. Одним из них был Энрике Каррерас, который снимал легкие музыкальные комедии, где главные роли играл популярный аргентинский певец Палито Ортега. Именно в одну из этих картин и был приглашен Дин Рид. Фильм назывался «Моя первая девушка».

Между тем спустя несколько месяцев после приезда в Буэнос-Айрес Патрисия забеременела. Однако ближе к родам создалась угроза выкидыша, и Дин настоял, чтобы его жена легла в одну из частных клиник. Практически каждый день Рид навещал свою Пэтси (так Дин называл жену), благо клиника находилась в нескольких кварталах от его места работы. В один из таких дней у Рида произошла знаменательная встреча.

Это было воскресенье. Навестив с утра жену, Дин, возвращаясь домой, решил заехать на местный Монмартр – улицу Каминито в бедном квартале Ла-Бока (Дин впервые побывал в этих местах еще во время своего первого приезда в Аргентину – в 61-м). Это была узкая и короткая улочка (в переводе «ла-бока» означает «тропинка» и не превышает ста метров в длину), где по выходным собирались местные художники и скульпторы. Дин регулярно бывал здесь и каждый раз обязательно что-нибудь покупал: то понравившуюся ему картину, то оригинальную настольную скульптурку. Вот и в этот раз, побродив по Каминито около часа, он выбрал бронзовый бюст национального героя Аргентины певца Карлоса Гарделя. К этому человеку Дин относился с большим уважением и даже однажды сделал о нем на телевидении целую передачу. Гарделя в Аргентине знали все от мала до велика и свято чтили память о нем. Этот певец по праву считался лучшим исполнителем песен в стиле танго, которые родились именно здесь, в портовых кабаках Ла-Боки, почти сто лет назад.

Как и положено национальному кумиру, Гардель завершил свои дни трагически: он погиб в авиационной катастрофе в **июне 1935 года** (его самолет разбился в аэропорту колумбийского города Медельина). Похороны Гарделя вошли в историю Аргентины: ничего подобного здесь еще не было. Практически все портъенос (жители Буэнос-Айреса называют себя именно так – жители порта) вышли на улицы города, из-за чего жизнь в нем была парализована на несколько часов. Свой последний приют Гардель обрел на кладбище Чакарито.

Уложив бюст в сумку, Дин собирался уже покинуть гостеприимную Каминито, как вдруг услышал за спиной мужской голос, окликнувший его по имени. Дин обернулся и увидел подле себя мужчину, лицо которого ему показалось до боли знакомым. Вглядевшись в него, Дин наконец вспомнил, где они встречались: в 61-м, на рауте в американском посольстве. Мужчина был, кажется, немцем, вот только имени его Рид никак не мог вспомнить. Видимо, заметив его замешательство, мужчина поспешил помочь Дину и представился:

– Генрих Вайс.

– Нетипичный немец, предпочитающий пиву армянский коньяк, – произнес в свою очередь Дин, пытаясь тем самым доказать, что его память все-таки не столь уж дырява.

Вайс в ответ рассмеялся, что мгновенно разрядило обстановку. После чего немец сделал неожиданное предложение:

– Мистер Рид, раз уж судьба подарила нам эту встречу, не согласитесь ли вы посидеть со мной в каком-нибудь ближайшем ресторанчике?

– Почему бы нет? – легко согласился Дин.

Ресторан под открытым небом они нашли поблизости – на соседней улице Ла Мадрид. Как выяснилось, заведение было стоящее: там подавали прекрасную парильяду – жаренное на углях мясо – и красное вино к нему.

Когда официант отправился выполнять заказ, Дин спросил у своего компаньона:

– Насколько я помню, вы представляли в Чили какой-то профсоюзный фонд?

– Да, Фонд Фридриха Эберта, – ответил Вайс. – Мы открылись в Чили год назад.

– А какая нужда привела вас сюда?

– Совмещаю приятное с полезным: отдыхаю и работаю, – ответил Вайс. – Мы налаживаем контакты с местной Всеобщей конфедерацией труда.

О деятельности ВКТ Дин был хорошо наслышан: один из ее представителей недавно принимал участие в его шоу. Год назад ВКТ осуществила реализацию так называемого «Плана борьбы», чтобы защитить права рабочих. В результате этой акции пролетариат республики (а это 4 миллиона аргентинцев) организованно захватил 11 тысяч предприятий и добился того, чтобы правительство повысило зарплаты и пенсии всем служащим, заморозило цены на продукты питания и предметы первой необходимости.

– Ну, а вас привели в Аргентину очередные гастроли? – поинтересовался в свою очередь Вайс.

– Отнюдь, я теперь здесь живу. Причем не один, а с женой.

По тому, как взметнулись вверх брови его собеседника, Дин понял, что тот удивлен его ответом. Поэтому поспешил объяснить свое нынешнее положение:

– Здесь мне гораздо комфортнее, чем у себя на родине. Во всяком случае работу по душе я имею – веду на телевидении авторское шоу.

– Да, судя по тому, как вы выглядите, вам действительно здесь комфортно, – согласился с Дином Вайс. – Знаете, я ведь следил за тем вашим конфликтом в Чили в 62-м и почему-то был уверен, что он не случаен. Все-таки вы нетипичный представитель эстрадного мира. Нет в вас этой бульдожьей хватки и сильных локтей, которыми ваши коллеги распахивают себе подопных. Вы умный человек, Дин, но это, к сожалению, то самое качество, которое в шоу-бизнесе абсолютно не приветствуется. Вам гораздо ближе политика, чем эстрада. Кстати, вы могли бы весьма удачно два этих дела совмещать. Как это, к примеру, делают ваши соотечественники: тот же Боб Дилан или Пит Сигер.

– Как ни странно, но вы угадали мои тайные желания, – рассмеялся в ответ Дин.

– Значит, за это и стоит выпить первый тост, – предложил Вайс и первым поднял свой бокал.

После того как они приложились к бокалам и отведали дымящейся парильяды, Вайс вновь прервал молчание:

– В Америке у вас остались родственники?

– Конечно, у меня там родители и два брата.

– Неужели последние тоже пошли по вашим стопам?

– К счастью, нет. Старший брат Дэйл преподает метеорологию в Колорадском университете, а младший, Вернон, недавно вернулся из армии – он служил в парашютных войсках.

– И какие впечатления оставила у него служба? – поинтересовался Вайс.

– Увы, ничего хорошего. Он вернулся оттуда не менее яростным пацифистом, чем я, который в армии служить отказался. Так что у нашего отца теперь два «урода»: я и Вернон. Что касается Дэйла, то он в этом смысле безупречен.

– Насколько я знаю, вы ведь тоже, перед тем как стать артистом, где-то учились?

– Да, в том же Колорадском университете. Кстати, для меня еще не все потеряно: в этом году я собираюсь восстанавливаться в нем.

– Неужели станете метеорологом? – искренне удивился Вайс.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Дин.

– Мне кажется, это не ваша стихия, Дин, – предсказывать погоду. Я же говорю, что вам гораздо ближе иное: разбираться, какие ветры дуют на просторах большой политики. Так что Рид – дважды метеоролог – это явный перебор.

Сказав это, Вайс вновь приложился к своему бокалу. А затем в течение нескольких минут оба собеседника молчали – поглощали парильяду. Наконец Вайс первым нарушил тишину:

– Ваше творчество ограничивается только телевидением?

– Почему же, еще есть музыка и кино. Я записал здесь одну пластинку-миньон, и надеюсь, что не последнюю. Снялся также в одном аргентинском фильме, причем необычном для меня. Это комедия Энрике Каррераса «Моя первая любовь». Видимо, с ролью я справился неплохо, и Каррерас пригласил меня в свою следующую картину, правда, на этот раз роль у меня будет небольшая.

Последнюю фразу Дин произнес со смехом. Однако Вайс не обратил на это внимания и полюбопытствовал:

– Ну и как вам здешний кинематограф?

– Ничем не хуже Голливуда. Вы, наверное, знаете, что здешняя кинопромышленность считается самой большой в Латинской Америке – выпускает до полусотни фильмов в год. Правда, большая часть этих картин откровенно коммерческие. Погоню за звонкой монетой даже здесь никто отменить не в силах.

– В таком случае поезжайте в Европу. Там сейчас набирает силу так называемая «новая волна».

– «Новой волны» мне и здесь хватает, – рассмеялся в ответ Дин. – Дело в том, что так называется фильм Энрике Каррераса, в котором я буду сниматься. А если серьезно, то вряд ли я смогу пробиться в Европе. Я хоть и учился у самого Патона Прайса по системе Станиславского, однако чужаков нигде не любят. Разве Софи Лорен или Брижит Бардо сумели достичь в Голливуде тех же высот, каких они достигли у себя дома?

– Но я слышал, что система Станиславского опять входит в моду в Голливуде?

– Ерунда, – отмахнулся Дин. – Разве только в отдельных случаях, когда речь идет о таких актерах, как Марлон Брандо или Пол Ньюмен. Но эти фильмы не могут принести большую прибыль. В конце прошлого десятилетия все голливудские студии утратили свою независимость и вошли в состав различных транснациональных кинокомпаний. С этого момента коммерческий успех стал цениться намного больше, чем кинематографическое творчество.

– Короче, с кино у вас та же история, что и с музыкой: творец борется с коммерсантом, – предположил Вайс. – Но бьюсь об заклад, что у вас все-таки есть дело, которое приносит вам настоящее творческое удовлетворение. Сказать, какое?

Дин не стал ничего отвечать и только вопросительно взглянул на собеседника.

– Уверен, что вы активно набиваете руку как серьезный поэт. Все-таки те песенки, которые вы писали и исполняли на пластинках, типичная эстрада без всякой претензии на глубокую мысль. А лавры того же Боба Дилана наверняка не дают вам покоя.

– Скажу честно, до Дилана я недобираю, – улыбнулся в ответ Дин.

– Это вам так кажется из ложной скромности, – ответил Вайс. – Вы лучше прочтите мне что-нибудь, я уж со стороны оценю.

Дин на секунду задумался, поскольку до этого момента еще никому, кроме Патрисии, не читал вслух своих произведений. Однако этот немец внушал ему почему-то доверие, да и вино делало свое дело, так что пауза, взятая нашим героем, длилась недолго. После чего Дин сказал:

– Я прочитаю вам небольшой отрывок из своего последнего стихотворения. Оно называется «Ты этого не испытал».

Дин откинулся на спинку стула и начал декламировать строчки, которые знал наизусть:

Не пожелаю ни врагу, ни другу
Идти всю жизнь по замкнутому кругу...
Ты этого не испытал, нет, нет...
Ты этого не пробовал, однако:
Днем просыпаясь, жить в кромешном мраке...
О, столько горя в нашей круговерти,
Что многим выход видится лишь в смерти,

Ты этого не испытал, нет, нет!

После того как Дин замолчал, тишина за столом длилась в течение нескольких секунд. После чего Вайс сказал:

– Вы можете счесть это за лесть, но мне понравилось. Судя по ритму, это уже готовая песня. Причем не хуже, чем пишет тот же Дилан.

– Спасибо за комплимент, – ответил Дин, вновь прикладываясь к бокалу. – Но вы угадали – это на самом деле готовая песня. Правда, исполнять ее у меня пока нет возможности.

– Ну, это пустяки, – махнул рукой Вайс. – Было бы желание, а время и место всегда найдутся.

Дин тогда счел эту фразу всего лишь пустой формальностью, однако уже ближайшее будущее покажет, насколько прав оказался этот немец.

Между тем первая попытка Дина и Патрисии обзавестись ребенком оказалась неудачной: сохранить младенца не удалось. Патрисия вернулась домой подавленная, да и Дин тоже переживал. Обстановка в их доме стала сложной, и единственным спасением в сложившейся ситуации для Дина была работа. А потом случилось нечто неожиданное – Дин получил приглашение, которое в итоге круто изменит его дальнейшую жизнь. Ему было предложено отправиться в составе аргентинской делегации в Хельсинки на Всемирный конгресс мира. Предложение исходило от известного аргентинского писателя и коммуниста (с 1963 года он был членом ЦК КП Аргентины) Альфредо Варелы, с которым Дин познакомился благодаря все тому же телевидению – Варела участвовал в его передаче о профсоюзном движении. Во время их первого знакомства Варела подарил Дину свою книгу «Темная река» (о тяжелой жизни батраков) и пригласил съездить в Хельсинки на конгресс Всемирного совета мира (Варела также был председателем Аргентинского совета мира и членом ВСМ). Как он выразился: «Поедете как артист, а заодно и узнаете, что такое настоящая борьба за мир».

Как ни странно, но Патрисия встретила эту новость на удивление спокойно. Она понимала, что их отношения заметно осложнились, и увидела в этой разлуке хороший способ успокоиться, оставшись наедине со своими мыслями. В конце концов, какой-то мудрец не зря сказал, что разлука не ослабляет, а только укрепляет брак.

Мировой конгресс должен был начаться **10 июля**. Для Хельсинки принимать этот представительный форум было не впервой: подобное уже случалось здесь десять лет назад. Поэтому для многих участников конгресса эта поездка была не в диковинку. Но не для Дина, который до этого еще не посещал Европу. А уж об участии его в подобном массовом мероприятии и вовсе говорить не приходилось – ничего подобного в его жизни доселе не происходило. Правда, Дин ехал в Хельсинки еще не как активный борец за мир, а всего лишь как артист – участник культурной программы конгресса. Однако, как известно, все большое вырастает из малого.

Конгресс проводил Всемирный совет мира (ВСМ) – очень влиятельная организация. Она была создана в 1950 году по инициативе Сталина как один из главных рычагов давления на страны капиталистического Запада и на языке спецслужб называлась «организация прикрытия» (то есть совмещала в себе как представительские функции, так и шпионские – в СССР ее деятельность курировали Международный отдел ЦК КПСС и КГБ). Поэтому среди сотрудников ВСМ были разные люди: и те, кто конкретно работал на спецслужбы Советского Союза и социалистических стран, и те, кто бескорыстно отдавал свои силы борьбе за мир во всем мире. Среди последних, например, были весьма известные люди: член британского парламента от лейбористской партии Джеймс Лэймонд, английский физик Джон Бернал (в **1953 году** его удостоили Сталинской премии, а в **1959 году** он стал президентом ВСМ) и др.

Поскольку на Западе прекрасно были осведомлены о том, кто стоит за спиной ВСМ, проблем у него из-за этого хватало. Первая штаб-квартира ВСМ располагалась в Париже, однако американцы сделали все возможное, чтобы ее пребывание там длилось недолго: в итоге

уже через год ВСМ вынужден был сменить адрес и перебрался в Прагу. Однако пребывание на территории социалистического государства сужало сферу деятельности ВСМ, поэтому в **1954 году** он перебрался в Вену, где позиции тамошней компартии были очень сильны. Эта защита оказалась настолько серьезной, что когда в **1957 году** австрийское правительство запретило деятельность ВСМ у себя на родине за «деятельность, направленную против интересов австрийского государства», Совет мира не сменил свою штаб-квартиру и продолжал действовать под прикрытием венского Международного института мира.

Конгресс в Хельсинки в 1965 году был собран не случайно и ставил своей целью нанести идеологический удар по Америке, которая начала открытую агрессию против Вьетнама. Вообще вьетнамская эпопея американцев началась еще при Дуайте Эйзенхауэре – в **1954 году**. Тогда вьетнамский народ под предводительством Хо Ши Мина одержал наконец победу над Францией в восьмилетней войне за независимость. После этого, согласно Женевским соглашениям, Вьетнам был поделен на две зоны, чтобы французы и сражавшаяся на их стороне незначительная часть высокопоставленных вьетнамцев (местных буржуа) смогли уладить свои дела на юге страны. В **1956 году** должны были состояться выборы, которые объединили бы вьетнамцев под знаменами избранного ими правительства. Эти выборы должны были принести победу Хо Ши Мину (по мнению специалистов, за него готовы были отдать свои голоса около 80 % вьетнамцев). Однако Белый дом во главе с Эйзенхауэром и госсекретарем Даллесом решил этого не допустить.

Выход был найден быстро – американцы решили отдать власть во Вьетнаме своей марионетке Дьему. Его сделали диктатором в Южном Вьетнаме и стали подстрекать к тому, чтобы он отменил обещанные выборы. Дьем так и поступил: отменил не только всеобщие выборы, но и традиционные на местах. Вернул богачам-помещикам земли, которые Хо Ши Мин до этого успел раздать крестьянам. В результате в **1960 году** в Южном Вьетнаме вспыхнуло мощное восстание вьетконговцев. Получив широкую поддержку всего населения страны, повстанцы стали освобождать один район за другим. Когда ситуация для Дьема стала угрожающей, руку помощи ему протянули его хозяева-американцы. О том, какие цели преследовали при этом последние, стало ясно из слов, которые за несколько лет до этого произнес сам президент Эйзенхауэр: «Предположим, мы потеряли Индокитай. К нам перестанут поступать олово и вольфрам, представляющие для нас огромную ценность. Поэтому, когда США голосуют за предоставление Франции четырехсот миллионов на ведение этой войны, мы голосуем за нашу мощь и возможность получать все необходимое из богатств Индокитая и Юго-Восточной Азии».

Сначала в Южном Вьетнаме начала работать постоянная американская военная миссия, помогавшая организовать и обучить национальную армию, которая должна была не допустить распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии. А после того, как в **феврале 1961 года** в Северном Вьетнаме было объявлено о создании Армии освобождения Южного Вьетнама с целью «проведения национально-освободительной войны во имя избавления от империалистического ига», уже следующий президент США – Джон Кеннеди – направил во Вьетнам первую партию «зеленых беретов» – специалистов по противопартизанской борьбе из состава войск специального назначения (они прибыли во Вьетнам весной 61-го). Как заявил сам Кеннеди: «Россию необходимо убедить в мощи США и решимости американского правительства отстаивать свои интересы в любой части земного шара. И Вьетнам, по-моему, самое подходящее место». В итоге уже к следующему году на юге Вьетнама находилось более 9000 американских солдат и офицеров, а два года спустя, в 64-м, их число перевалило за 20 тысяч.

А что же Советский Союз? Он какое-то время был скован в своих действиях, поскольку, пока у власти находился Никита Хрущев, ханойское руководство было ориентировано на дружбу с Китаем. Сам Хрущев тоже не хотел ввязываться в конфликт во Вьетнаме, обжегшись уже однажды на Кубе (во время Карибского кризиса). Но в **октябре 1964 года** Хрущева отправили в отставку, и его место занял Леонид Брежнев. И тут же последовала смена курса на вьет-

намском направлении: Брежнев заявил о «готовности советского народа выполнять свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны». Однако, заявив об этом, кремлевские руководители тянули с отправкой в Северный Вьетнам своих военных специалистов, наблюдая, что предпримут американцы. А те, уже при Линдоне Джонсоне, решились на широкомасштабное открытое вторжение. **2 марта 1965 года** американские ВВС начали операцию «Раскат грома» с целью нанесения бомбовых ударов по коммуникациям, связывающим северян с их оружейными складами. После чего шесть дней спустя началась высадка частей американских войск в портах Южного Вьетнама.

Позже, **28 апреля**, американские войска (30 тысяч солдат) вторглись в Доминиканскую Республику и подавили мятеж полковника Франсиско Кааманьо, который с верными ему частями выступил за восстановление в прежних правах бывшего президента страны Х. Боша (военные свергли его в **сентябре 63-го**). Восставшие разгромили войска хунты и уже праздновали победу демократии, когда в их страну вторглись американцы. Причем Белый дом постарался придать своей интервенции характер коллективной акции Организации американских государств, заставив большую часть членов ОАГ проголосовать за это вторжение: 24 голоса «за», 5 – «против», 1 – «воздержался». **2 мая** сам Линдон Джонсон сорвал маску с действий Белого дома, провозгласив «право США на вооруженное вмешательство в любой стране Западного полушария с целью помешать установлению коммунистического правительства».

Однако если в ДР американцы одержали быструю победу, то с Вьетнамом все вышло наоборот. Глава Северного Вьетнама Хо Ши Мин решил обратиться за помощью к Москве, и в **апреле** сюда приехал его личный представитель Ле Зуан. Москва в этой просьбе не отказала. **6 июля** свет увидело секретное постановление Совета министров СССР № 525–200, которое предусматривало создание группы советских военных специалистов в Демократической Республике Вьетнам. Одновременно с этим началось и наступление на идеологическом фронте: в Хельсинки был созван конгресс ВСМ, где главным вопросом в повестке значилась ситуация во Вьетнаме.

Участники конгресса (1470 делегатов из 98 стран) начали съезжаться в Хельсинки за три дня до его начала – **7 июля** (первыми прибыли «дальние» государства – Япония и Китай). Дин Рид прилетел в столицу Финляндии накануне открытия форума вместе с аргентинской делегацией. Жить их определили в гостинице в центре столицы, и первое, что сделал Дин сразу после прилета, – отправился на экскурсию по городу. Так он поступал практически везде, куда его забрасывала гастрольная судьба. Погода стояла пасмурная, шел мелкий дождь, времени у Дина было не так много (надо было хорошенько выспаться перед завтрашним открытием конгресса), и ему вполне хватило пары часов погулять по центру финской столицы. Хельсинки ему понравился – это был чистый, благоустроенный город с весьма доброжелательным населением. Когда он зашел в один из баров и попросил налить ему местной водки, бармен, узнав, что он американец, не взял с него денег, объяснив на ломаном английском, что Америка – великая страна. Дин не стал спорить с этим выводом, поблагодарил бармена за щедрость и пробыл в полупустом баре несколько минут. После чего вернулся в гостиницу.

Конгресс открылся на следующий день в 10 часов утра во Дворце культуры «Хельсинки», расположенном в северо-восточном районе города. Место это было выбрано не случайно: в этом районе селились в основном рабочие, что вполне соответствовало духу проводимого мероприятия – бороться за мир в районе, где проживали зажиточные хельсинкцы, было бы идеологически неправильно.

К назначенному времени зал Дворца оказался заполненным до отказа. Дин с товарищами заняли места почти в конце зала, однако даже оттуда было хорошо видно, что происходило на сцене, где были установлены столы для членов президиума. После того как прозвучали торжественные фанфары, под аплодисменты собравшихся в зал вошли президент Финляндии У. Кекконен с супругой, премьер-министр страны И. Виролайнен, министр иностранных дел А.

Карьялайнен, министр внутренних дел Н. Рюхтя. Их тут же окружили девушки в красочных национальных костюмах, которые под звуки народных мелодий довели почетных гостей до их мест. Едва они уселись, как председательствующий и глава ВСМ Джон Бернал произнес приветственный спич в адрес президента и его свиты. Затем конгресс начал свою работу, и на трибуну один за другим стали выходить ораторы: председатель Финского подготовительного комитета В. Свинхвуд, премьер-министр И. Виролайнен, Джон Бернал. Последний сообщил, что первый день конгресса объявляется «Днем Вьетнама», и представил следующего оратора – главу делегации южновьетнамского Комитета защиты мира Динь Ба Тхи. Едва Бернал произнес эту фамилию, как зал встал со своих мест и встретил вьетнамца продолжительной овацией. Этот порыв не был заранее отрепетирован, но наглядно продемонстрировал, что все присутствующие прекрасно понимали, какая тема будет ведущей на этом конгрессе.

Вьетнамский делегат говорил дольше всех, поскольку речь его то и дело прерывалась аплодисментами: так делегаты конгресса выражали свою солидарность с борющимся народом Северного Вьетнама. Дин тоже хлопал вместе со всеми, хотя мысли его в тот момент были заняты другим: он искал глазами первую женщину-космонавта, гражданку Советского Союза Валентину Терешкову. Перед самым открытием форума Альфредо Варела сообщил ему, что Терешкова тоже участвует в работе конгресса, и предложил Дину взять у нее интервью для своего телевизионного шоу.

– Я думаю, аргентинцы имеют право пообщаться с первой женщиной-космонавтом хотя бы в телеэфире, – сказал Варела.

Дину идея понравилась, поскольку он и сам давно вынашивал мысль сделать участником своей программы кого-нибудь из известных людей первого в мире государства рабочих и крестьян. С тех пор как в 62-м он близко познакомился с Львом Яшиным и понял, что в Советском Союзе живут отнюдь не сырые и убогие люди, пришибленные «железным занавесом», в нем пробудился интерес к этим людям.

Увы, сколько Дин ни искал глазами Терешкову, найти ее так и не смог. Тем более что воочию он ее никогда не видел, а знал только исключительно по снимкам в газетах да однажды видел по телевидению, когда в **октябре 63-го** Терешкова и Гагарин посещали Мексику. Но когда он в перерыве форума сообщил об этом Вареле, тот рассмеялся и, похлопав Дина по плечу, сказал:

– Найти Терешкову не проблема, было бы желание. Подожди меня здесь, в холле, а я все выясню.

Сказав это, Варела скрылся в толпе делегатов, а Дин присел на скамейку, установленную у стены. Просидел он на ней недолго – минут пять. После чего перед ним вновь предстал его спутник. По его довольному лицу Дин понял, что миссия удалась.

– Терешкова согласна познакомиться с тобой сегодня вечером, – сообщил Варела. – В парке «Хеспериа» состоится митинг, посвященный Дню Вьетнама, а перед этим будет открыта выставка фоторабот, посвященных борющемуся Вьетнаму. Вот там мы ее и найдем. Так что поезжай сейчас в гостиницу и прихвати свою кинокамеру – она тебе пригодится.

Дин и Варела приехали к зданию, где проходила выставка, примерно за полчаса до ее открытия. Терешкова и еще несколько членов советской делегации были уже там, общаясь с организаторами выставки и членами вьетнамской делегации. Варела попросил Дина подождать его в сторонке, а сам направился к Терешковой. Улучив момент, когда она отвлеклась от разговора с вьетнамцами, он подошел к ней и что-то сказал. В ответ та улыбнулась и кивнула. После чего Варела позвал к ним Дина и, когда тот подошел, на довольно сносном русском языке представил его Терешковой. Та, улыбнувшись, протянула руку Дину и произнесла по-русски несколько слов. Варела перевел:

– Она говорит, что рада познакомиться с американцем, для которого дело мира так же важно, как и для всех честных людей планеты. Еще она сказала, что готова дать тебе короткое интервью до начала выставки.

Услышав это, Дин немедленно расчехлил свою японскую кинокамеру «Ярко», и они втроем отошли в сторону, чтобы им никто не мешал.

Терешкова была в хорошем расположении духа и говорила почти без запинки. Дин ничего не понимал, но Варела потом перевел ему суть сказанного: Терешкова говорила о миролюбивой политике Советского Союза и призывала аргентинцев бороться за мир. Интервью длилось минут десять, чего было вполне достаточно – объем шоу, которое вел Дин, все равно не позволял показывать больше. Потом они все вместе отправились осматривать выставку. А сразу после нее в парке «Хеспериа» состоялся митинг в поддержку борющегося Вьетнама, где Терешкова сказала речь. Дин слушал ее и по отдельным словам понимал, что она говорила почти то же самое, что час назад говорила ему. Слушая ее, Дин поймал себя на мысли, что эта женщина ему нравится. Молодая, симпатичная, да еще первая женщина-космонавт на Земле! «Это второй человек из Советского Союза, с которым меня сводит судьба, – думал Дин, аплодируя вместе со всеми Терешковой. – Если все советские люди такие же, как Яшин и Терешкова, то мне такие люди симпатичны».

Между тем Варела поставил своей целью познакомить Дина как можно с большим числом своих друзей из разных стран мира. Так, на второй день работы конгресса он свел его с самим Давидом Сикейросом – выдающимся мексиканским художником-коммунистом, общий стаж пребывания которого в компартии насчитывал более 40 лет (он вступил в партию в 1924 году). Дин много слышал об этом человеке, когда жил в Мексике, и видел его прекрасные архитектурные творения в Мехико: монументальные росписи в Клубе электриков и Дворец изящных искусств. Как оказалось, Сикейрос тоже знал Дина – слышал несколько раз песни в его исполнении по радио. Но это были типично развлекательные произведения, поэтому первое, что сказал художник, было:

– Вам надо включать в свой репертуар больше социальных песен. Тогда вас будут любить не только домохозяйки и напомаженные девицы. У нас, у мексиканцев, много таких песен.

– Например, какие? – с любопытством спросил Дин.

– Например, «Красное солнце». Слышали такую? В ней есть очень точные строки:

Почему ты, солнце, светишь только немногим,
Когда же ты будешь светить всем нам?..

В тот же день Дин познакомился еще с одним выдающимся творцом и общественным деятелем, о котором много слышал, – чилийским поэтом-коммунистом Пабло Нерудой. Тот, в отличие от Сикейроса, не стал читать ему стихи, а подарил свою последнюю книгу – поэму «Мемориал Черного острова», вышедшую год назад. И еще дал свой чилийский адрес, с тем чтобы Дин, если будет проездом у него на родине, обязательно пришел к нему погостить.

Этими двумя знакомствами дело не ограничилось. В последующие дни Варела познакомил Дина еще с несколькими людьми. Среди них оказались и два немца: западногерманский священник Мартин Нимеллер и восточногерманский политический деятель Альберт Норден. Оба оказались весьма влиятельными и известными людьми: Нимеллер вот уже четыре года был одним из президентов Всемирного совета церквей, а Норден входил в состав Политбюро ЦК СЕПГ, где курировал международные дела. Дин тогда даже не мог предположить, что знакомство с Норденом станет для него эпохальным и явится одним из поворотных моментов в его жизни.

Тем временем конгресс двигался к своему завершению. Все эти дни Дин не посещал пленарные заседания в комиссиях (их было семь), а только участвовал в культурной программе

– выступил несколько раз в сборных концертах. Однако за два дня до закрытия форума – **13 июля** – Дин угодил в самый эпицентр громкого скандала, который круто изменил его дальнейшую судьбу.

Случилось это в огромном круглом зале Дворца культуры в перерыве между пленарными заседаниями. Там проходил очередной митинг в поддержку Вьетнама, куда Дин пришел специально, чтобы после его завершения спеть делегатам несколько песен. Митинг шел к своему завершению, ораторы сменяли один другого и говорили, в общем-то, одно и то же: что американцы должны прекратить агрессию и убраться из Вьетнама. Как вдруг мерный ход собрания нарушил молодой оратор-американец. Он буквально вбежал на сцену и, к удивлению присутствующих, начал говорить совершенно противоположное: о том, что Америка находится во Вьетнаме не по своей воле, а по просьбе правительства Южного Вьетнама, что, будь иначе, гидра коммунизма расползется по всей Юго-Восточной Азии.

– Вы думаете, американским матерям не больно получать похоронные извещения о гибели их единственных сыновей? – вопрошал молодой оратор. – Но они понимают, что их дети выполняют святое дело – воюют с коммунистами, которые всегда были и будут главными врагами всего свободного мира.

После этих слов в зале поднялся неимоверный шум: часть слушателей начала освистывать оратора и хлопать, не давая ему говорить, а другая бросилась его поддерживать. Председательствующий (это был финн) попытался было прекратить этот гвалт, но у него ничего не вышло – шум только нарастал, поскольку оратор продолжал свою пламенную речь в защиту американских солдат, воюющих во Вьетнаме. Когда председательствующий понял, что этот конфликт может вылиться в нечто большее, чем обычное освистывание, он объявил, что оратор вышел из регламента и должен покинуть сцену. Но американец и не думал выполнять это требование и, стараясь перекрыть выкрики из зала, продолжал свою речь. Тогда председательствующий совершил то, чего от него никто не ожидал: этот с виду спокойный финн вдруг встал со своего места, одним прыжком перемахнул через стол и вырвал у оратора из рук микрофон. После чего заявил:

– Объявляется перерыв. Теперь мы послушаем другого американца – певца Дина Рида. Прошу вас, мистер Рид.

Услышав свое имя, Дин поначалу растерялся, поскольку совсем не ожидал, что его именем воспользуются для погашения шумного скандала. Он-то рассчитывал выступить перед миролюбивой аудиторией, а тут зал разделился на две части: одни решительно осуждали последнего оратора, другие его поддерживали. И Дину надо было найти такой способ, который смог бы примирить две враждующие стороны. Но легко сказать – найти. И пока Дин спускался к сцене, он понятия не имел, как разрядить обстановку. Спасение пришло, как всегда, в последний момент.

Когда Дин встал у микрофона и окинул взглядом зал, он вдруг увидел, что подавляющая часть присутствующих – это молодые люди разных национальностей. Здесь были не только вьетнамцы и американцы, но также русские, финны, французы, англичане. Они принадлежали к разным расам и вероисповеданиям, но их объединяла одна общая идея – ненависть к войне. Ведь даже последний оратор, который вызвал бурю гнева у зала, тоже ненавидел войну, но вынужден был оправдывать американское присутствие во Вьетнаме борьбой с коммунизмом. Когда эта мысль пришла в голову Дину, он начал говорить:

– Уважаемый председательствующий сказал, что я тоже американец. Он не ошибся. Я родился и вырос в Америке и считаю эту страну великой. Но это совсем не мешает мне критиковать и даже ругать мою родину, если ее правительство совершает какие-то ошибки или преступления. Я горжусь, что мои предки построили великую страну, но мне горько осознавать, что они же истребляли индейцев и линчевали негров. Теперь мне больно видеть, как Америка посылает своих лучших сынов убивать людей во Вьетнаме, прикрываясь борьбой за свободу.

Разве можно принести свободу на штыках? И что за общество будет построено там, где были пролиты реки крови?

Я понял, что предыдущий оратор, мой земляк, тоже любит свою родину. Однако нас с ним различает одно серьезное «но»: он готов простить своему правительству эту бойню, а я нет. Эта война бросает тень на Америку и заставляет миллионы людей ненавидеть нас, американцев. Но мы не ненавидеть должны друг друга, а объединяться.

Здесь Дин сделал паузу и повесил гитару, которую до этого он держал в правой руке, себе на грудь. После чего продолжил:

– Эти мысли, которые я сейчас озвучил, разделяют миллионы моих соотечественников. А поскольку я артист, разрешите мне донести их до вас посредством главного моего оружия – гитары. Я считаю себя пацифистом, противником всякого оружия, но вы ведь не будете спорить, что из всех видов оружия этот вид самый гуманный. Я спою вам песню моего земляка, которого вы наверняка хорошо знаете, – Пита Сигера. Песня называется «Мы преодолеем!» и часто исполняется на таких же вот митингах и манифестациях, как наше с вами собрание. Когда звучит эта песня, люди обычно берутся за руки и поют вместе с исполнителем. Мне бы очень хотелось, чтобы и все сидящие в зале сделали то же самое. Давайте объединяться, а не разобщаться.

Завершив свой спич, Дин ударил по струнам и запел. После первого куплета, видя, что часть зала начала ему подпевать, Дин спустился со сцены и начал ходить между рядами, пытаясь заразить своим темпераментом и остальных. И хотя тот парень, которого согнали с трибуны, демонстративно скрестил руки на груди и подпевать не собирался, однако его ближайшие соседи, взявшись за руки, в унисон певцу пели: «Мы все преодолеем! Мы победим!»

Когда Дин закончил петь, в зале раздались аплодисменты. Они длились так долго, что Дину пришлось спеть еще одну песню, поскольку зал, уставший от дебатов, хотел просто отдохнуть. А одной песни было явно мало. Собственно, у Дина были силы и желание сыграть полноценный концерт, однако не было возможности – скандал украл слишком много времени и теперь требовалось освободить помещение для работы очередной комиссии.

Сразу после митинга, когда Дин вышел в холл Дворца культуры, там его поджидали несколько мужчин. Они представились русскими, из Москвы, и стали горячо благодарить Дина за его выступление.

Один из них, упитанный мужчина в темном костюме, отменно говоривший по-английски, представился Георгием Арбатовым и сделал Дину предложение, в реальность которого он поверил не сразу:

– Нет ли у вас желания, мистер Рид, посетить Москву?

– Желание такое у меня есть, нет только возможности, – ответил Дин.

– А если мы вам такую возможность предоставим? – вновь спросил Арбатов.

Дин ничего не ответил, лишь с удивлением воззрился на собеседника. А тот, улыбнувшись, продолжил:

– Мы хотим предложить вам посетить Москву сразу после завершения конгресса. Поскольку это предложение родилось спонтанно и учитывая дела, которые ждут вас в Аргентине, этот визит может ограничиться всего одним-двумя днями. Нам кажется, что человеку, который не боится публично выражать свои симпатии к Советскому Союзу, просто необходимо увидеть эту страну воочию. Вы согласны?

Дин в ответ кивнул. Но поскольку выглядел он по-прежнему растерянным, его собеседник завершил свой монолог следующими словами:

– Мы понимаем, что это предложение является для вас полной неожиданностью. Поэтому с ответом не торопим и готовы подождать до завтрашнего утра. О'кей?

– О'кей, – ответил Дин и только теперь позволил себе улыбнуться.

Расставшись со своими новыми знакомыми, Дин немедленно отправился на поиски Варелы, чтобы рассказать ему о случившемся и попросить совета. Искал он его около часа, поскольку ни во Дворце культуры, ни в гостинице Варелы не оказалось. Нашел его Дин случайно: заглянул в гостиничный бар, чтобы промочить горло содовой, и увидел Варелу за дальним столиком в компании какой-то пожилой дамы. Но едва Дин приблизился к их столику, как женщина поднялась со своего места и ушла, даже не допив свой кофе. Но обращать на это внимание Дину было недосуг – его голова была забита совсем другими мыслями.

Когда Дин рассказал Вареле о своем разговоре с русскими, тот удивился не менее сильно, чем наш герой.

– Приглашение в Москву – это очень серьезно. Смею тебя уверить, что родилась мысль тебя пригласить не спонтанно – видимо, ты давно обратил на себя внимание русских. Как, ты говоришь, зовут того мужчину, что сделал тебе это предложение?

– Кажется, Арабов.

– Скорее всего Арбатов. Я видел его в Праге, когда приезжал туда три года назад: он тогда работал в журнале «Проблемы мира и социализма». А сейчас знаешь, где он работает? В Центральном комитете их партии, и не где-нибудь, а на американском направлении (Арбатов тогда являлся консультантом Юрия Андропова). Теперь улавливаешь, почему в поле их зрения попал именно ты?

– Улавливаю, – кивнул Дин. – Однако ты не ответил, что мне делать. Завтра утром я должен дать им ответ.

Варела ответил не сразу. Сначала он допил свой коньяк, после чего отставил бокал в сторону и, глядя в глаза своему собеседнику, сказал:

– Я повторяю, Дин, что все это очень серьезно. Я обеими руками за то, чтобы ты съездил к русским. Но ты не должен забывать, что у нас на родине по головке тебя за это не погладят. Потому что одно дело дружить со мной, аргентинским коммунистом, и совсем другое дело – посетить оплот мирового коммунизма Москву по личному приглашению советского правительства. Ты должен сам решить, как тебе поступить.

– Сам? – переспросил Дин, непроизвольно помешивая ложечкой остатки холодного кофе, не допитого пожилой незнакомкой. Пауза длилась всего лишь несколько секунд, после чего Дин наконец произнес: – Ну что же, сам так сам. Я, пожалуй, соглашусь.

Варела был прав, когда сказал, что Дин обратил на себя внимание со стороны русских задолго до конгресса в Хельсинки. Произошло это в мае 62-го, когда Дин бросил вызов американским властям, не убоившись публичной дружбы с вратарем Львом Яшиным. И хотя этот поступок во многом можно было назвать импульсивным, однако о нем немедленно было доложено в Москву по линии КГБ и Международного отдела ЦК КПСС. Именно тогда там впервые услышали имя американского певца Дина Рида. Однако дальше обыкновенной симпатии дело тогда не пошло: все-таки среди американских деятелей культуры людей, открыто выражавших свои добрые чувства к СССР, было достаточно. Но последующие события показали, что Дин Рид пошел дальше всех: он переехал жить в Аргентину и начал контактировать с тамошними коммунистами. И в итоге по их приглашению приехал в Хельсинки на конгресс ВСМ, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, чем эта поездка может ему грозить. Но Дина это не испугало. Более того, в первые же дни своего пребывания на конгрессе он взял интервью у советской космонавтки Валентины Терешковой, твердо пообещав ей, что обязательно включит эту запись в свое телевизионное шоу. Короче, все эти поступки Дина ясно указывали на то, что его симпатии к коммунистам отнюдь не случайность, а вполне осознанный выбор. Правда, по линии КГБ на его счет все еще оставались сомнения: он мог играть двойную игру, будучи завербованным ЦРУ или ФБР. Однако проверить эти сомнения можно было только на практике: например, во время его приезда в Москву.

Конгресс завершился **15 июля**. И в тот же день пути Дина и его аргентинских друзей разошлись: он отправился в Москву, а они – к себе на родину. Звонить Патрисии Дин не стал, а поручил эту миссию Вареле, который должен был объяснить женщине, как и почему ее супруг отправился в столицу первого в мире государства рабочих и крестьян. Когда Патрисия об этом узнала, она от неожиданности даже присела на стул. Но Варела успокоил ее, сообщив, что эта поездка продлится от силы день-два.

– Он вернется уже к концу этой недели, – сказал Варела, подавая Патрисии стакан с водой. – Однако распространяться об этом не стоит.

Последнее предупреждение было лишним: Патрисия и сама прекрасно понимала, что ее муж серьезно рискует, посещая Москву. Другое дело, она ясно отдавала себе отчет, что скрыть эту информацию все равно не удастся: ищейки местной госбезопасности СИДЕ или военной разведки все равно все пронюхают (президент Ильиа хоть и считался демократом, однако был у власти всего два года и не имел достаточного авторитета в аргентинских спецслужбах, многие сотрудники которых оставались приверженцами военной диктатуры). Так оно и вышло: уже в первые же часы после прилета аргентинской делегации в Буэнос-Айрес местные спецслужбы были поставлены своими информаторами (в составе делегации их было несколько) в известность, куда именно отправился Дин Рид. И это несмотря на то, что отъезд Дина в Москву был обставлен по всем правилам конспирации.

Дин пробыл в Москве всего два дня. Но этого времени вполне хватило, чтобы вдоволь насмотреться на красоты советской столицы и даже запечатлеть их на пленку. Особенное впечатление на Дина произвела Красная площадь, о которой он уже был достаточно слышан. Увидел он и Ленина, хотя до этого никак не мог взять в толк, как это в центре цивилизованного государства может храниться мумия, пусть и выдающегося человека. Помнится, когда они с Патрисией были в Мексике и посетили городок Гуанохуато, где существует музей мертвецов (в этом местечке почва особенная, и благодаря ей трупы людей консервируются и сохраняются, чем и воспользовались практичные власти: они открыли для обзора подземное кладбище, спрятав мертвецов за витринами), Дин наотрез отказался туда идти, не желая все это лицезреть. Однако отказаться от посещения Мавзолея Дин не смог: побоялся обидеть хозяев. Но шел он туда с дрожью в коленках, заранее предвкушая если не ужасное зрелище, то во всяком случае неприятное. Однако увиденное его сильно удивило: Ленин выглядел вполне естественно в стеклянном саркофаге и совсем не напоминал тех ужасных мертвецов, которые были запечатлены в буклетах в Гуанохуато.

Не менее сильное впечатление на Дина произвела московская подземка – Метрополитен имени Ленина. Это был настоящий город под землей, красоты которого не шли ни в какое сравнение с тем, что Дин видел в Нью-Йорке или даже в том же Вашингтоне, который тоже является столицей. Московское метро предстало перед Дином идеально чистым и сверкающим, как игрушка на рождественской елке. Его провезли по Кольцевой линии и показали несколько станций, которые, к его изумлению, не были похожи друг на друга: в оформлении каждой были использованы абсолютно разные цвета и скульптуры. Совершенно убило Дина то, что проезд в этом подземном царстве света и чистоты стоил всего пять копеек, в то время как американец отдавал за вход в свою не самую чистую и уютную подземку в мире сумму в десять раз большую.

Вообще цены в Советском Союзе Дина попросту шокировали. Но не своими заоблачными высотами, а совсем наоборот. Работник Идеологического отдела ЦК ВЛКСМ, который был одним из гидов Дина в те дни, объяснил ему: в Советском Союзе самые низкие цены в мире практически на все товары первой необходимости, поскольку государство их дотирует из своего бюджета.

– А какова средняя зарплата советского человека? – тут же поинтересовался Дин.

– Около 110–120 рублей, – последовал ответ. – Чтобы вам было понятно, чему эквивалентна эта зарплата, приведу такой пример. Комплексный обед в обычной столовой стоит 50–60 копеек. Так вот, на свою зарплату советский человек может ходить туда 220–230 раз в месяц! Еще он может купить на нее более ста книг, поскольку книги у нас тоже дешевые. Однако газеты у нас стоят еще дешевле – всего 2 копейки, и если покупать их каждый день, то на это в месяц уйдет всего около 50 копеек! Таким образом, учитывая, что у нас бесплатная медицина и образование, можно смело сказать, что средней зарплаты советскому человеку вполне хватает, чтобы не бедствовать.

Вся эта информация поразила Дина до глубины души, что неудивительно. Ведь на Западе про достижения первого в мире государства рабочих и крестьян вообще ничего не говорилось и весь упор делался только на критику и констатацию тех недостатков, которые в СССР существовали. Заметил эти недостатки и Дин. Так, от его внимательного взора не укрылось то, что на поверхности Москва выглядит совсем не так современно, как тот же Буэнос-Айрес или любой из американских городов. Здесь не было ультрасовременных зданий из железа и бетона и обилия неоновой рекламы по вечерам. Даже таких естественных летом заведений, как открытые кафе, на улицах города почти не было. Да и жители столицы по большей части выглядели достаточно скромно, расхаживая по улицам в не самых модных одеяниях. Однако Дин не увидел среди них ни одного нищего, который просил бы милостыню или копался бы в помойных баках. Поэтому, когда Дин осторожно поинтересовался у своего гида, есть ли в Москве такие же кварталы нищеты, как в Нью-Йорке или Сантьяго, тот только развел руками:

– Вы можете удивляться, но ничего подобного у нас нет и быть не может. Вот уже почти пятьдесят лет у нас нет просящих милостыню, а трущобы, которые существовали в Москве при царе, мы стерли с лица земли еще в начале двадцатых годов.

Это заявление произвело на Дина большое впечатление. После этого на досадные мелочи, которые сопровождали его в этой поездке, он уже внимания не обращал. Например, в гостиничном номере, в ванной, он долго искал пробку, чтобы закрыть отверстие в ванне, но так и не нашел. Поэтому ему пришлось воспользоваться душем, хотя дома он обожал полежать и «покиснуть» в горячей воде.

Не стоит думать, что Дин все время, пока находился в Москве, занимался исключительно тем, что любовался ее красотами. Было у него и несколько деловых встреч. Так, он посетил ЦК ВЛКСМ, где встретился с секретарем этого учреждения Борисом Пастуховым, а также имел встречу с чиновниками из Госконцерта на предмет возможных будущих гастролой Дина в Советском Союзе.

– Я с удовольствием готов приехать в вашу страну с концертами в любое удобное для вас и меня время, – сказал в Госконцерте Дин. – Причем за любой предложенный вами гонорар.

– Приятно это слышать, – услышал Дин в ответ. – Мы, конечно, не акулы капитала, но наши гонорары тоже вполне приемлемы. Во всяком случае, еще никто из артистов, приезжавших к нам из-за рубежа, на нас не обижался. Короче, если вы согласны, то мы проработаем этот вопрос и через какое-то время дадим вам знать.

Дин улетал из Москвы переполненный впечатлениями. То, что он здесь увидел, поразило его в самое сердце. Он, конечно, давно уже перестал верить тому, что писала американская пресса о Советском Союзе, однако то, что он увидел собственными глазами, окончательно убедило его в правильности его прежних выводов.

Когда самолет с Дином на борту взмыл над аэропортом Шереметьево, наш герой еще не знал, как сложится его дальнейшая судьба, но уже понимал, что легкой и спокойной она не будет. Твердо он знал только одно: путь им был выбран, и свернуть с него означало бы изменить самому себе.

Часть вторая В паутине спецслужб

Дин Рид возвращался в Аргентину, которая буквально стояла на грани военного переворота. После того как президент страны Артуро Илья и правительство отказались поддерживать вооруженные интервенции США в Доминиканскую Республику и Вьетнам, верхушка вооруженных сил страны во главе с командующим сухопутными войсками Хуаном Карлосом Онгания при поддержке крупных предпринимателей и иностранных компаний начала готовить заговор с целью свержения законного правительства и президента. Спецслужбы в этой ситуации заняли выжидательную позицию: одна часть СИДЕ (Государственная информационная служба) взяла сторону Илья, а другая часть, как и военная разведка, склонялась в пользу Онгания и только ждала удобного момента, чтобы примкнуть к перевороту.

Между тем компартия Аргентины поддерживала президента и с **1 июля** объявила в стране сбор средств среди населения на пропагандистскую деятельность. По планам сборщиков, в кассу должно было поступить 150 миллионов песо, но реальная сумма превзошла предполагаемую – люди внесли 175 миллионов. На эти деньги началась агитация против интервенционистской политики США, в поддержку президента Илья. Кроме этого, Аргентинский совет мира готовился провести в **сентябре** в городе Тукумане конгресс сторонников мира.

Однако и противники режима не сидели сложа руки. Заговорщики в военной разведке и СИДЕ составляли списки активистов, которых надлежало арестовать в первую очередь. Дин Рид попал в этот список в самый последний момент, когда до руководства спецслужб дошла информация о том, что он сразу после конгресса ВСМ в Хельсинки отправился в Москву. Ордер на его арест был выписан немедленно, однако, учитывая популярность Дина у населения и двоякую ситуацию в стране, было решено арест проводить тайно, без свидетелей.

В день прилета Дина в Буэнос-Айрес в аэропорт Эссейса был отправлен агент спецслужб Мигель Дормаль. В его задачу входило убедиться в прилете Дина и негласно сопроводить его до дома. Вообще-то такого рода операции обычно доверяют двум агентам, но начальник Дормалья посчитал это расточительством – отправлять на такое пустячное дело двух своих сотрудников. Знай он, чем обернется его недооценка ситуации, он бы сто раз подумал, прежде чем отправить Дормалья на задание в одиночестве. Но что случилось, то случилось.

Дормаль был молодым агентом, пришедшим на службу в тайную полицию около года назад. До этого он служил в районном военном комиссариате инспектором, но благодаря протекции своего дяди-полицейского перебрался в СИДЕ. Идя туда, он был полон радужных надежд на то, что новая работа принесет ему массу положительных эмоций. Он мнил себя чуть ли не Джеймсом Бондом, у которого теперь будет все: интересная работа, хорошая зарплата и куча красивых девчонок в придачу. Увы, оправдалось только первое: на новом месте Дормаль действительно стал получать на сотню песо больше, чем в военкомате. Остальное осталось только мечтой. Причем, как понял Дормаль, несбыточной. Ни в каких серьезных тайных операциях его не задействовали, а использовали только в качестве агента «на подхвате»: он в основном сидел в управлении, и лишь пару-тройку раз его посылали вместе с другими молодыми агентами на какой-нибудь митинг или демонстрацию с заданием подслушивать разговоры манифестантов. И даже сегодня, когда ему поручили индивидуальное задание, оно мало вдохновило Дормалья: надо было всего лишь встретить американского певца Дина Рида и негласно сопроводить его до дома. Как выразился начальник Дормалья на сленге оперативников: «положить в адрес».

Дормаль приехал в Эссейса за час до прибытия нужного самолета и коротал время, слонаясь по огромному холлу в здании аэропорта. Когда ходить надоело, Дормаль уселся на ска-

мейку прямо напротив электронных часов и стал разглядывать прохожих, снующих мимо него в разные стороны. Естественно, главное внимание агент уделял молодым красивым женщинам, коих среди находившихся в аэропорту было предостаточно. Среди них были разные особы: и восхитительно красивые дамы со стройными ногами и фигурами, будто с обложек «Плей-боя», и дурнушки.

Между тем до прилета нужного Дормалю самолета оставалось около двадцати минут, когда приятный женский голос объявил по громкой связи, что самолет задерживается на полчаса. Выругавшись про себя, Дормаль встал со своего места и отправился к киоску с прессой, чтобы купить какую-нибудь газету. Он был не большой любитель читать, однако делать было нечего – убивать время, разглядывая женские ноги, ему надоело.

Дормаль уже собирался расплатиться с киоскершей, когда внезапно заметил проходившую мимо киоска симпатичную темноволосую женщину с элегантной кожаной сумочкой, перекинутой через плечо. Она прошла совсем близко от него, и Дормаль даже уловил тонкий запах ее дорогих духов. Сопроводив незнакомку взглядом, Дормаль заметил, как она зашла в кафе-бар, и, передумав покупать газету, решил последовать за ней.

Бар был заполнен всего лишь наполовину, поэтому отыскать незнакомку Дормалю не составило большого труда. Тем более что она не стала забираться в какой-нибудь укромный угол, а села прямо у барной стойки на высокий овальный стульчик. Поскольку место рядом с ней было свободно, Дормаль взгромоздился по соседству. И заказал себе текилу. Отпив пару глотков, он решил побеспокоить свою соседку вполне уместным для аэропортового бара вопросом:

– Вы кого-то встречаете?

– Как и вы, – ответила женщина, после чего приложила губами к своему бокалу с мартини.

– А почему вы решили, что я тоже кого-то встречаю? – удивился Дормаль.

– Потому что я видела, как вы нервно среагировали на объявление по радио о задержке самолета.

– Вы очень внимательны, – похвалил незнакомку Дормаль. – А еще что вы заметили?

– Что вы ждете не женщину.

– А это как вам пришло в голову?

– Иначе вы бы не стали клеиться ко мне, – здесь незнакомка впервые повернула голову и бросила на Дормалья короткий, но оценивающий взгляд.

Дормалю стало неловко под этим взглядом, и он, чтобы скрыть свое смущение, приложился к бокалу. После чего в разговоре наступила пауза. Первой ее нарушила незнакомка, которая спросила:

– Вы встречаете кого-то из близких?

– Увы, – покачал головой Дормаль.

– Тогда друга.

– Опять не угадали.

– Значит, коллегу по работе.

– И снова мимо, – засмеялся Дормаль, после чего наклонился к собеседнице и почти шепотом сказал: – Не трудитесь, все равно не угадаете.

Теперь уже настала очередь женщины удивляться. Дормаль же, поймав ее смятенный взгляд, подумал: «Ну, теперь пташка точно попалась».

Выдержав эффектную паузу, Дормаль наконец сообщил:

– Я из тайной полиции и нахожусь здесь с секретным заданием.

– Зачем же вы мне об этом говорите? – спросила незнакомка.

– Потому что знаю, что вы никому не расскажете.

– А вы не врете?

В голосе собеседницы сквозило неприкрытое сомнение, что Дормалю пришлось не по душе. Он решил открыться до конца, поскольку эта женщина ему понравилась. А поскольку она была умна и вряд ли согласилась бы близко познакомиться с ним, он решил попросту запугать ее. Он был уверен, что отказать агенту секретных служб даже такая женщина побожалась бы. Поэтому он неуловимым движением извлек из внутреннего кармана пиджака свою «корочку» и показал ее незнакомке:

– Теперь убедились?

– Теперь да, – ответила женщина и вновь взяла в руки свой бокал.

Она была явно ошарашена, что не могло укрыться от глаз Дормалья. Поэтому мысленно он уже торжествовал победу. Ему казалось, что еще немного, и эта женщина падет перед ним ниц. Чтобы успокоить ее, Дормаль сказал:

– Вам лично не надо беспокоиться: вы мне очень понравились. А к друзьям я великодушен.

– Спасибо за доверие, – ответила незнакомка. Затем спросила:

– Вас послали сюда, чтобы кого-то арестовать?

– Отнюдь, всего лишь понаблюдать. Он коммунист, а эта публика крайне опасна.

– А вы не боитесь, что я тоже могу быть коммунисткой? – спросила незнакомка и вновь повернула лицо к своему собеседнику.

– Вы? – вскинул брови Дормаль. – Да ни за что на свете! Я коммунистов достаточно повидал и скажу вам честно: таких женщин среди них не встречал. Вы умны, красивы, образованны. А там одни убогие и неотесанные мужланы со своими женами-кухарками.

– Значит, тот, кого вы встречаете, тоже неотесанный мужлан?

– Увы, но тот субъект особенный, – покачал головой Дормаль. – Этот тип совсем из другой оперы. Он американец, причем достаточно известный.

– Американец? – вскрикнула незнакомка.

– Что вы кричите как резаная, – одернул незнакомку Дормаль. – Да, американец. А что вас так удивляет? Среди янки сейчас очень даже модно поддерживать коммунистов. Вот и этот тип купился. Да вы наверняка про него слышали – Дин Рид его зовут.

Едва Дормаль произнес это имя, как незнакомка поперхнулась своим мартини и громко закашлялась. И ее собеседнику пришлось стучать ее по спине и доставать из кармана платок, чтобы она утерла губы и вытерла капли со стойки бара.

– Я же говорил, что вы его знаете, – после некоторой паузы вновь заговорил Дормаль.

– Да, вы правы, я его очень хорошо знаю, – ответила незнакомка, вставая со своего стула. – Я его жена.

– В каком смысле? – спросил Дормаль, еще не понимая, в какой переплет его угораздило угодить.

– В том смысле, что Дин Рид – мой законный супруг вот уже больше года.

Сказав это, незнакомка достала из своей кожаной сумочки паспорт, открыла его и ткнула в лицо Дормалю. И тот прочитал ее имя: Патрисия Хоббс-Рид.

– О, мать божья! – только и сумел выговорить Дормаль, произвольно делая шаг назад.

Патрисия же спрятала паспорт обратно в сумочку, с шумом захлопнула замок и, громко стуча каблуками, направилась к выходу из бара. А незадачливый агент так и остался стоять у стойки, и его остановившийся взгляд еще в течение нескольких минут продолжал буравить двери даже после того, как фигура Патрисии исчезла из виду.

Самолет с Дином приземлился в аэропорту Эссейса около двенадцати часов дня. Дин прошел на таможенный пункт, рассчитывая, что долго там не задержится: у него с собой было не так много вещей – гитара и спортивная сумка, где лежали вещи и кинокамера. Кассету, на которой было записано интервью Валентины Терешковой, Дин предусмотрительно положил в карман брюк. Однако быстрого досмотра не получилось. Молодой таможенник, к которому

подошел Дин, заглянув к нему в паспорт, тут же вызвал своего товарища постарше. Тот отозвал Дина в сторонку и принялся весьма дотошно проверять его вещи. Особое его внимание привлекла кинокамера, которую таможенник долго вертел в руках, после чего спросил:

– Что записано на пленке?

– Исключительно прелести тех мест, где я побывал, – вежливо ответил Дин.

– А где вы побывали? – продолжал допытываться таможенник.

– В паспорте на этот счет есть отметки, – ответил Дин.

Таможенник взял в руки паспорт Дина, однако открывать его не стал, а только повертел в руках и сказал:

– Паспорт пока останется у нас.

– На каком основании? – удивился Дин.

– Небольшие формальности, мистер Рид. Завтра мы его вам вернем.

Поняв, что спорить бесполезно, Дин забрал свои вещи и направился к выходу, где его с нетерпением ждала Патрисия. Та же, едва они обнялись, рассказала ему о своей встрече с агентом спецслужб. По тому, как отреагировал муж, она поняла, что он несколько не удивлен. Единственное, чему он поразился, – тому, как легко удалось его жене раскусить агента. На что Патрисия засмеялась:

– Да я и не думала его раскусывать – он сам. Кстати, он стоит у печатного киоска с газетой в руках.

Дин взглянул в ту сторону и действительно увидел у киоска мужчину в темном костюме. Он нервно прохаживался из стороны в сторону и косо поглядывал в их направлении. Дин мысленно удивился его молодости, но долго размышлять на эту тему не стал. Он обнял жену, и они отправились на стоянку такси, которое должно было отвезти супругов в их дом на окраине Буэнос-Айреса.

Практически весь вечер Дин только и рассказывал жене о днях, проведенных им в Хельсинки и Москве. Но если о первом городе он говорил немного и скупно, то столица Советского Союза удостоилась куда более обстоятельного рассказа и самых лестных эпитетов. Разложив перед Патрисией набор открыток с видами Москвы, который ему подарил гид-переводчик перед его отлетом на родину, Дин рассказывал и рассказывал. Он вспоминал о том, какой теплый прием ему там оказали, как возили по музеям и паркам, как тепло отзывались о его творчестве.

– Они обещали пригласить меня на гастроли и сказали, что это турне охватит не только Москву, но и другие республики, – хвалился Дин перед женой.

Но Патрисия встретила эту новость без особенного восторга:

– Дин, это же очень опасно. Ты же видишь, что происходит только из-за того, что ты съездил в Москву на пару дней. А что будет, если ты примешь их приглашение уехать туда на гастроли?

– А что будет? – искренне удивился Дин. – Подумаешь, за мной следил агент спецслужб! Меня же не арестовали. Нет, я не думаю, что при нынешнем президенте у кого-то поднимется рука меня арестовать.

– Но Ильиа не вечен, – напомнила мужу Патрисия. – Тебя не было больше недели, и за это время много чего произошло. Люди только и говорят, что о возможном военном перевороте.

– А я тебе говорю, что у них кишка тонка сбросить Ильиа, – с нескрываемым раздражением произнес Дин и сгреб разложенные на столе открытки с видами Москвы в одну стопку. – Ты же прекрасно знаешь, что о возможном перевороте люди судачат все два года, что Ильиа находится у власти. И что? Да, я знаю, что среди военных есть люди, которые спят и видят, как бы свернуть шею нынешнему президенту. Но у них руки короткие, потому что они понимают, что этот переворот не будет иметь поддержки ни внутри страны, ни за ее пределами. Так что успокойся и приготовь мне ванну – я хочу хорошенько отмокнуть после гостиничных душевых.

Около восьми часов утра следующего дня, когда Дин и Патрисия еще спали, в их доме раздался телефонный звонок. К аппарату подошла Патрисия и услышала на другом конце провода голос незнакомого мужчины, который попросил позвать к трубке Дина. С трудом растолкав мужа, Патрисия вручила ему телефон, а сама встала у двери.

– Да, я слушаю, – не открывая глаз, произнес Дин.

– Мистер Рид, вас беспокоят по поводу вашего паспорта, – сказали на другом конце провода. – Вам надлежит приехать за ним сегодня в двенадцать часов дня по адресу... – И мужчина назвал улицу, куда Дину надлежало прибыть.

Когда в трубке раздалась короткая гудка, Дин отложил телефон в сторону и спросил у жены, который час.

– Четверть девятого, – ответила Патрисия.

– Тогда я посплю еще полчаса, а ты пока приготовь завтрак...

Дин приехал по названному адресу в точно назначенное время. Это было массивное серое здание, на входе в которое не было никакой вывески. Однако по тому, что в вестибюле стояли сразу два вооруженных автоматами солдата национальной гвардии, Дин предположил, что это военное учреждение. Увидев справа от входа окошко бюро пропусков, Дин наклонился к нему и назвал свое имя. Сидевший за столиком военный немедленно взялся за трубку телефона и позвонил куда следует. После чего, выслушав ответ, сказал:

– Подождите пять минут, мистер Рид, за вами придут.

Однако ждать пришлось меньше названного времени. Уже спустя минуту к Дину вышел поджарый военный и, даже не представившись, попросил Дина следовать за ним. И повел его к лифту. Когда они вошли в него, военный нажал кнопку нулевого этажа, и лифт отправился вниз. Дин еще тогда подумал: «Странно, что проблему с моим паспортом будут решать в подвале». В те мгновения даже тень опасения, указывающая на то, что с ним происходит что-то необычное, в голове Дина не промелькнула.

Выйдя из лифта, военный повел Дина по длинному и абсолютно пустынному коридору куда-то в глубь подвального этажа. Дин отметил про себя, что каменные стены подвала по обе стороны были выкрашены в зеленый цвет и совершенно чисты – на них не висели ни плакаты, ни какие-либо указатели. Редкие двери из металла были наглухо закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Все это напоминало скорее тюрьму, чем какое-то паспортное учреждение.

Наконец провожатый остановился возле крайней двери в конце коридора и, открыв ее, жестом пригласил Дина войти. Тот подчинился. И оказался в каменной клетке, где из мебели были только металлический стол и пара стульев из того же металла. Причем, как заметил Дин, вся мебель была прикручена к полу массивными болтами. Кроме этого Дин увидел, что в камере они не одни: на противоположной от стола стороне стоял еще один военный, судя по погонам, офицер, который, скрестив руки на груди, внимательно смотрел на гостя. Сделав несколько шагов по направлению к нему, Дин спросил:

– Лучшего помещения, чтобы вернуть мой паспорт, вы не нашли?

– Увы, – картинно развел руками хозяин кабинета-камеры. – Да и незачем это: вам теперь надо привыкать к подобным интерьерам.

– В каком смысле? – удивился Дин.

– В том смысле, что удел коммунистов и всех, кто им сочувствует, – казематы. Разве ваши друзья в Москве вам этого не объяснили?

Только в этот момент Дин наконец осознал, какой серьезный оборот приобретает для него все происходящее. И слова предупреждения, сказанные вчера Патрисией, тут же всплыли в его памяти. Однако внешне он по-прежнему старался выглядеть невозмутимым. И, глядя прямо в глаза своему собеседнику, спросил:

– Значит, вы пригласили меня совсем не для того, чтобы вернуть паспорт?

– Вы очень догадливы, мистер Рид, – по губам офицера пробежала усмешка. – Паспорт вам может уже не понадобиться.

– Что это значит?

– Это значит, что, если вы не согласитесь нам помочь, вы можете отсюда вообще не выйти.

– Серьезное заявление, – произнес Дин, сглатывая внезапно подкативший к горлу ком. – Но я не понимаю, что от меня требуется?

– Сущие пустяки. Вы должны написать в подробностях о своей поездке в Хельсинки и Москву. Напишите, с кем встречались, что видели, куда ходили.

– То есть вы хотите сделать меня осведомителем?

– Информатором, мистер Рид.

– Спасибо за откровенность, но я ничего писать не буду, – твердо заявил Дин. – Удивительно, что у вас хватило наглости мне подобное предлагать.

– Предложить дело нехитрое, – вновь усмехнулся военный. – Итак, вы не будете писать?

– Даже не подумая, – так же твердо сказал Дин.

Едва он это произнес, как офицер сделал движение головой, напоминающее кивок, и в следующую секунду страшный удар в спину свалил Дина с ног. Каким-то чудом он сумел в последний момент выставить вперед руки, что уберегло его от удара головой о стену. Но едва он попытался встать на ноги, как удар кованым ботинком под дых заставил его вновь свалиться на каменный пол – на этот раз спиной. И только тут он увидел, кто его бил – тот самый человек, который привел его в эту камеру.

Каких-нибудь двадцать минут назад Дин, впервые увидев его, подумал, что этот благообразного вида мужчина, наверное, служит адъютантом у какого-нибудь начальника, но теперь от этих мыслей не осталось и следа. Совсем недавно спокойное лицо этого «адъютанта» было теперь перекошено такой злобной гримасой, какую Дин до этого видел разве что только в кино. А избиение продолжилось. На этот раз в Дина угодил уже не кованый ботинок, а кулак военного – удар пришелся в левый глаз певца. Дин снова упал. После того как кованый ботинок еще пару раз прошелся по ребрам Дина, офицер коротким окриком прекратил экзекуцию. Выждав, когда жертва придет в себя, офицер спросил:

– Ну что, мистер Рид, теперь вы поняли, что мы не шутим?

– Теперь понял, – сплевывая кровавую слюну на пол, ответил Дин. – Только что-либо писать я после этого однозначно не буду: меня чем больше бьют, тем упрямее я становлюсь.

При этих словах «адъютант» подался было вперед, чтобы продолжить избиение, но начальник остановил его взмахом руки. После чего сказал:

– Похвальное упорство для человека вашей профессии, мистер Рид. Обычно ваш брат артист ломается после первых же кровавых соплей.

– У вас что, богатый опыт по этой части? – поинтересовался Дин.

– Да, приходится работать с разной публикой, – уклончиво ответил офицер. – Ну так что, будете писать?

– Я же сказал, что нет, – твердо ответил Дин.

После этого в камере возникла минутная пауза. Каждый из присутствующих вел себя во время нее по-разному: Дин продолжал сплевывать на бетонный пол кровавую слюну, «адъютант» стоял у двери, прислонившись к стене, а офицер, сев на край стола, затянулся сигаретой. Наконец, сделав несколько затяжек, офицер вновь нарушил тишину:

– На что вы надеетесь, мистер Рид? На то, что ваши друзья в Америке бросятся вас выручать? Может, кто-то из них и бросится, только ваш посол здесь вряд ли захочет отрывать свою задницу от стула ради того, чтобы спасти своего красного соотечественника. Вы им тоже давно поперек горла. Или вы надеетесь на помощь здешних коммунистов? Так они сами в двух шагах от гибели. Еще каких-нибудь несколько недель – и это гнилое правительство вылетит в трубу вместе со своим президентом.

Дин молча слушал офицера и мучительно соображал, что ему делать. Как ни горько было это признавать, но в словах этого садиста была своя логика: у Дина действительно было мало шансов отсюда выбраться. Единственной надеждой была Патрисия, но эта надежда была призрачной: она даже не знала, куда именно отправился ее муж. Однако и соглашаться на сотрудничество с этими заговорщиками означало бы пойти на предательство. И хотя Дин не был коммунистом, а всего лишь сочувствующим, но стоило ему всего лишь один раз дать слабину, как все пути назад к жизни порядочного гражданина были бы навсегда отрезаны.

Кажется, офицер понял, какие именно мысли одолевают Дина, и поэтому первым нарушил тишину:

– Я вижу, что вы терзаетесь сомнениями по поводу моего предложения. Я вас хорошо понимаю и сочувствую вам. Но поверьте человеку, который достаточно посмотрелся на подобные ситуации: вы выберете именно мое предложение. Жизнь – она одна, а вы еще молоды, чтобы поступаться ею так опрометчиво. Мы ведь церемониться не будем: вспорем вам живот и выбросим с вертолета в Карибское море. Смерть в пасти акул – это вам не виселица и не пуля палача в затылок, а намного страшнее. Так что соглашайтесь.

Но Дин продолжал молчать, уставившись в бетонный пол камеры. Слова о вспоротом животе и жуткой смерти в пасти акул его, конечно, потрясли, но не настолько, чтобы тут же отречься от всех своих идеалов и друзей, с которыми жизнь его свела в последние годы. В глубине сознания у него все-таки теплилась надежда на то, что спасение может прийти к нему даже в такой, казалось бы, безнадежной ситуации. Поэтому он молчал, предпочитая тянуть время.

Между тем офицер, докурив сигарету, потушил ее о край стола и, встав, сказал:

– Ну, хорошо, мистер Рид, я согласен дать вам еще немного времени на раздумья. Но имейте в виду: завтра к вечеру вы должны дать нам свой окончательный ответ. И если он будет отрицательным, я обещаю претворить в жизнь то, о чем говорил минуту назад.

Когда Дин уезжал из дома, Патрисия была спокойна за него. Несмотря на вчерашний спор, Дин сумел-таки убедить жену в том, что ему ничто не угрожает и волноваться за него не стоит. И, чтобы окончательно развеять мрачные мысли супруги, Дин пообещал этим вечером сводить ее в знаменитый театр «Колон», в администрации которого работал его приятель.

– Я съезжу за паспортом, потом заеду на телевидение, а вечером, в шесть часов, мы встретимся с тобой у театральных касс, – сказал Дин, уходя из дома.

Однако первые опасения, что с мужем произошло что-то неладное, пришли к Патрисии около трех часов дня, когда ей позвонили с телевидения и поинтересовались, где Дин.

– Как где – у вас, – ответила Патрисия.

– У нас его нет, – последовал лаконичный ответ.

Вот тут сердце Патрисии впервые защемило. Конечно, был вариант, что выдача паспорта могла затянуться по каким-то причинам, но в это почему-то верилось с трудом. Если бы подобное произошло, Дин обязательно позвонил бы на работу, чтобы предупредить о своей задержке. Но он этого не сделал. Поэтому в театр Патрисия уезжала с сердцем, переполненным тревогой. Всю дорогу она молила Всевышнего, чтобы Дин был на условленном месте. Увы, ее надежды не сбылись – мужа у касс не было. Не пришел он ни через пять минут, ни через полчаса. Спектакль давно уже начался, но Дин так и не объявился. И Патрисия окончательно осознала, что случилось что-то ужасное.

Какое-то время она находилась в полном отчаянии и никак не могла сообразить, что ей предпринять. Наконец, когда стало окончательно ясно, что Дин у театра не появится, она отправилась домой. В глубине души еще теплилась слабенькая надежда на то, что Дин ждет ее дома, но и эта надежда была разбита вдребезги, едва Патрисия переступила порог родного

дома, – он был пуст. Понимая, что от ее действий теперь может зависеть жизнь ее мужа, Патрисия взяла себя в руки и начала действовать.

Первым делом она позвонила Альфредо Вареле и рассказала все, что случилось с Дином за минувшие сутки. Варела внимательно выслушал Патрисию и пообещал приложить все усилия, чтобы выяснить, где Дин. Но и ее попросил не сидеть сложа руки.

– Позвоните всем, кому можно: коллегам Дина на телевидение, американским друзьям, – сказал Варела. – Только подключив к этому делу как можно больше людей, мы сможем предотвратить самое ужасное.

– Ужасное? – вздрогнула Патрисия.

– Успокойтесь, я думаю, до этого дело не дойдет, – заверил потрясенную женщину Варела.

Патрисия сделала все, о чем попросил ее Варела. Первым делом она позвонила на телевидение, где работал Дин, и прямым текстом заявила, что ее муж попал в беду. Телевизионщик, разговаривавший с ней, пообещал свою помощь, но по тому, каким тоном он это сказал, Патрисии стало понятно, что надежд на помощь с этой стороны ждать не приходится. Потом она позвонила в Америку Патону Прайсу. Ибо этого человека Дин искренне любил, считал его своим вторым отцом, и тот отвечал ему взаимностью – всегда старался помочь в трудных ситуациях. Вот и теперь Прайс клятвенно пообещал поднять на ноги всех своих влиятельных друзей в актерской среде и выволить Дина из беды.

Сдерживая слезы, Патрисия задала Прайсу вопрос, который все это время боялась задать самой себе:

– Как вы думаете, Дин еще жив?

На что Прайс ответил тоном, не терпящим возражений:

– Немедленно прекратите истерику! Дин выбирался и не из таких переделок.

Практически всю ночь Патрисия не ложилась и провела все эти часы у телефона в надежде, что ей кто-то позвонит и сообщит хоть какие-то сведения о муже. Но телефон ночью так и не зазвонил. Он заработал только под утро. На другом конце провода был Прайс, который сообщил первую новость: ситуация с исчезновением Дина доведена до американского посла в Буэнос-Айресе.

– Так что дело сдвинулось, и теперь надо только ждать, – обнадежил Прайс женщину.

А с Дином в это время происходило следующее. После встречи с офицером военной разведки (о принадлежности военного, который его допрашивал, к этой спецслужбе наш герой догадался практически сразу) Дина вывели во внутренний двор учреждения, где его уже поджидала арестантская машина (по-русски «воронок»). Однако ехали они недолго – минут десять. После чего Дина снова вывели наружу. Оглядевшись, он увидел, что его привезли в тюрьму. Очевидно, это была тюрьма «Вила Давото» – единственная в тех краях, где было учреждение, куда Дин приехал за своим паспортом.

После всего случившегося Дин был настолько разбит, что единственным желанием у него теперь было добраться до лежака и поспать несколько часов. Но этой мечте пока не суждено было сбыться. Вместо камеры, куда он мечтал попасть, его привели в кабинет начальника тюрьмы – высокого мужчины средних лет. Когда Дин вошел в кабинет, начальник стоял у окна и курил дорогую гаванскую сигару. При звуке открывшейся двери он повернулся навстречу гостю и внезапно застыл, пораженный внешним видом вошедшего. Затем, вытащив сигару изо рта, начальник задал вопрос, который Дин менее всего надеялся услышать в этих стенах:

– Что у вас с лицом?

Дин в ответ усмехнулся, после чего ответил:

– Неудачно упал с лестницы.

Но хозяин кабинета повел себя более чем странно. Затушив сигару, он достал из кармана своего военного френча платок, смочил его водой из графина, стоявшего на столе, и передал

Дину. Тот взял платок и подошел к зеркалу, висевшему на стене, чтобы привести себя в порядок. Когда процедура была закончена, начальник жестом пригласил его сесть в кресло, стоявшее напротив массивного стола.

– Если вам угодно принять мои извинения, то я, Рикардо Мартин, их вам приношу, – сказал хозяин тюрьмы, когда Дин уселся напротив него.

На что Дин отреагировал весьма нелестно:

– Вы хотите сказать, что в вашем заведении людей не избивают?

– Таких, как вы, нет, – последовал ответ.

– А я что, особенный?

– Без всяких сомнений. Во-первых, вы человек известный, во-вторых – вы нравитесь моей дочери. Ей шестнадцать лет, и она покупает все ваши пластинки. Когда полчаса назад я узнал, что вас привезут в мою тюрьму, я был просто потрясен.

Дин опять усмехнулся и приложил платок к своему заплывшему глазу. Происходящее ему казалось какой-то фантазмагорией. Полчаса назад военные били его коваными сапогами по ребрам, а теперь он выслушивал комплименты от начальника тюрьмы. Но это было не последнее его потрясение. После слов о своей дочери хозяин кабинета достал из стола ее фотографию и, протянув ее Дину, попросил:

– Если вам нетрудно, мистер Рид, поставьте свой автограф.

И Дину не оставалось ничего иного, как переложить платок в другую руку и взяться за ручку. Но прежде чем поставить свой размашистый автограф, он спросил имя девушки, изображенной на снимке.

– Мари-Элена, – последовал ответ.

– А у нее есть какая-нибудь самая любимая моя песня?

Начальник тюрьмы на несколько секунд задумался, после чего сказал:

– Нам с ней очень нравится песня «Пистолеро».

Услышав это, Дин написал на оборотной стороне фотографии следующий текст: «Мари-Элене от Дина Рида – певца, но не пистолеро». Когда Мартин прочитал эту надпись, он улыбнулся:

– Я понял ваш намек. Однако возьму на себя смелость с ним не согласиться. Ваш пистолет – это гитара, и в иных ситуациях она может разить не менее эффективно, чем огнестрельное оружие. Иначе вы бы здесь не оказались.

– Песня еще никого не убивала, – возразил хозяину кабинета Дин.

– Это как смотреть. Какой-нибудь смутьян может послушаться революционных песен и пойти убивать военных или тех же полицейских. Разве не так?

– Я вижу, вы философ, – усмехнулся Дин.

– Вы угадали: я учился на философском факультете Национального университета. Кстати, в одно время с Че Геварой, которого я хорошо знал еще с детства, когда он носил прозвище Чанчо – Поросенок. Как и он, я в молодости, во времена Перона, тоже увлекался левыми идеями и одно время даже состоял в подпольной организации – мы мастерили бомбы для защиты от полицейских во время демонстраций. Когда это обнаружилось, меня даже хотели исключить из университета, но мой дядя-военный сумел меня выгородить. С тех пор я сильно изменился.

– То, что сильно, – это правда, – кивнул Дин и недвусмысленным взглядом окинул кабинет.

– Что поделаешь, человек существо переменчивое, – развел руками хозяин кабинета. – Я думаю, вы тоже рискуете со временем серьезно измениться.

– Что вы имеете в виду?

– Вы можете разочароваться в тех идеях, которые сейчас проповедуете.

– А вы в своих нынешних идеях уже не разочаруетесь?

– Тоже могу, хотя для этого должно произойти что-то экстраординарное. А пока я придерживаюсь убеждения, что власть должна быть сильной и люди должны ее уважать и бояться. А все эти разговоры о справедливости для всех – чушь несусветная. Такого в истории никогда еще не было и не будет.

– Вы так считаете?

– Да, я так считаю. Вот вы были в России, и что – там все люди равны?

– Я был там всего несколько дней, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы.

– Бросьте, мистер Рид, мы же знаем, какое общество строят тамошние правители, – бесклассовое. И они призывают других следовать их примеру. Но это же неправда – общество у них классовое. Там есть элита и простой народ. И первые доминируют над вторыми. Вы что, не слышали про сталинские лагеря, про расстрелы мирных граждан? И лично я несколько бы не ставил это в упрек советским правителям, если бы они вещи называли своими именами. Но они же говорят о равенстве и свободе, а сами что творят?

– Насколько я знаю, сталинских лагерей в Советском Союзе уже нет, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, ответил Дин. – Что касается элиты и простого народа, то их элита и, к примеру, наша, американская, это две разные вещи. Вы спросите, почему? Да потому, что цели разные: наша элита проповедует культ денег, их – культ коллективной собственности. Да, согласен, любое государство – это насилие, но все дело в том, ради чего творится это насилие. Я не хочу говорить про Сталина, поскольку его время давно кончилось. И сегодняшний Советский Союз мне импонирует, потому что это общество, со всеми его недостатками, живет идеей всеобщей справедливости. Там не все еще получается, но такая идея у них существует, она пропагандируется. И будущее именно за таким обществом, а не за нашим. Мы ведь аморальны изначально. Одно убийство Кеннеди уже говорит о многом. Как только человек, президент страны, захотел принести своей стране мир и спокойствие, его попросту убили. Простые американцы убили? Нет, те самые люди, которые пекутся о своих барышах. Они весь мир ограбили, продолжают грабить и называют это «американской демократией». Чем же они тогда лучше коммунистов?

– По части обмана своих же граждан – ничем не лучше, – согласился хозяин кабинета. – Но лучше такая демократия, чем ваш коммунизм. Как говорил Черчилль: «Демократия плохая форма правления, но остальные еще хуже».

– Но что это за демократия такая, которую надо нести на штыках? – Дин все больше распалялся, и его голос гремел под сводами кабинета как раскаты грома. – Люди должны сами решать, в каком обществе им жить. А то мы учим гватемальцев, доминиканцев, тех же вьетнамцев, убивая их тысячами. Вы, например, знаете, что за последние тридцать пять лет здесь, в Латинской Америке, произошло уже более тридцати переворотов? В одном только Эквадоре их было одиннадцать, а в Боливии восемь. И что, жизнь в этих странах стала после этого лучше?

– Дело в том, мистер Рид, что Южная Америка еще не созрела для подлинной демократии, – ответил хозяин кабинета. – И чтобы здесь не наступил хаос, власть должна принадлежать сильным личностям.

– Вроде генерала Онгани? – Дин решил играть в открытую.

Как ни странно, но его оппонент принял эту игру и ответил честно:

– Да, хотя бы ему.

– Но ведь Аргентина при нынешнем президенте живет совсем неплохо.

– Это вам так кажется. На самом деле ее качает из стороны в сторону, как рыбацкую шлюпку в шторм. А ее не должно качать.

– То есть вы хотите, чтобы ее прибило к американскому берегу?

– Лучше к нему, чем к кубинскому. Я же говорил, что я противник идеи всеобщего равенства. Вот увидите, Куба тоже сломает зубы на этом пути, причем еще на нашем веку.

– А я думаю, что вы ошибаетесь. Ведь хватило у нее сил дать нам по зубам в заливе Кочинос.

– Да это потому, что этой операцией руководил ваш плеябой Кеннеди.

– Но братья Кастро уже шесть лет руководят Кубой.

– Говорю вам, все это временно. Я допускаю, что Кубу не удастся покорить с помощью военной силы, поскольку народ там пока находится под воздействием революционного вируса. Но этот же вирус ее и погубит. Это произойдет, когда простые кубинцы поймут, что ее элита их обманула. То есть Кубу убьет разочарование. Это же чувство может убить и вас, с чего я, собственно, и начал наш разговор.

– Я, в отличие от вас, не оракул. – Дин устало откинулся на спинку кресла. – И единственное, что могу вам ответить: жизнь покажет, кто из нас прав. Но я благодарен вам за этот спор: он утвердил меня в том, что я все делаю правильно. И завтра мне есть что ответить вашему коллеге.

Примерно в эти же самые часы в сотнях тысяч километров от Аргентины, в столице США городе Вашингтоне, в штаб-квартире ФБР на Пенсильвания-авеню, на пятом этаже в своем кабинете сидел начальник контрразведки Бюро Уильям Салливан и размышлял о том же – о деле Дина Рида. Полчаса назад начальник отдела политического сыска Чарльз Банни сообщил Салливану о том, что аргентинская военная разведка арестовала певца и актера Дина Рида за его контакты с советскими коммунистами. Услышав это, Салливан попросил Банни зайти к нему, чтобы вместе обмозговать сложившуюся ситуацию. Банни спросил:

– Как я понял, Рида надо вызволять?

– Думаю, да. У меня есть по этому поводу кое-какие соображения, – ответил Салливан.

– Дайте мне полчаса, и я приду к вам с необходимым материалом, – попросил Банни.

Салливан согласился. А пока Банни готовился к визиту, решил скоротать время за любимым занятием – очинкой цветных карандашей, которые стояли на его столе в специальном пластмассовом стакане. Причем очинял он их не точилкой, которая только ломала грифели, а остро заточенным лезвием «Вилсон», используя в качестве подстилки вчерашний номер газеты «Нью-Йорк таймс». Очинял карандаши Салливан медленно, а попутно размышлял о превращениях существования коммунистической идеологии на территории Соединенных Штатов.

Салливан еще хорошо помнил середину 40-х, когда компартия США переживала свои лучшие времена. Он тогда служил старшим офицером и был только на середине пути к своему нынешнему положению (в середине 60-х Салливан стал человеком № 3 в ФБР). В те годы компартия насчитывала в своих рядах 80 500 человек и к началу следующего десятилетия ставила перед собой цель перешагнуть стотысячный рубеж. Однако американские власти помешали ей этого достичь. Президент Трумэн разрешил ФБР развернуть широкомасштабное наступление на коммунистов, что было встречено шефом Бюро Эдгаром Гувером с большим воодушевлением – охота на радикалов была его излюбленным занятием (до этого с таким же темпераментом он боролся с гангстерами, а потом с нацистами).

Кампания выдалась «славной», ничем не уступавшей «охоте на ведьм», предпринимаемой в те же годы в СССР («борьба с космополитизмом», «дело врачей» и т. д.). У американцев апофеозом этой кампании стало дело супругов Розенбергов, которых обвинили в шпионаже в пользу Советского Союза (якобы они продавали КГБ секреты ядерного оружия) и в **июне 1953 года** казнили на электрическом стуле. И вот уже в 1956 году компартия США вместо предполагаемых 100 тысяч человек сократилась до 20 тысяч.

Между тем операции ФБР против КП и других радикалов, именуемые в служебных документах как КОИНТЕЛПРО, продолжали осуществляться с той же интенсивностью, что и десять лет назад. В итоге к началу президентства Джона Кеннеди компартия США поредела до катастрофических размеров – 8500 человек. Вот почему, когда Гувер однажды заикнулся,

что необходимо и дальше продолжать борьбу с коммунистической угрозой, Кеннеди только рассмеялся и заявил: «Чушь собачья! Компартия настолько одряхлела, что не представляет собой никакой угрозы». Это было справедливое замечание, но невыгодное для шефа ФБР – оно лишало его возможности добиваться от Конгресса дополнительных средств для своего ведомства. Поэтому, едва на место Кеннеди заступил новый президент, Линдон Джонсон, Гувер снова поднял вопрос о коммунистической угрозе. В отличие от своего предшественника Джонсон эту идею поддержал, поскольку так же, как и Гувер, верил, что у коммунистов Америки еще есть потенциал. Он не ошибся, более того, сам невольно способствовал росту этого потенциала – развязав войну во Вьетнаме.

Между тем то, что известный актер и певец Дин Рид внезапно стал испытывать симпатию к коммунистам, не было для Америки чем-то необычным. До него таким же путем шли многие его коллеги. Так, в **октябре 1947 года**, в самом начале «кампании против красных», в США перед сенатской комиссией по расследованию «антиамериканской деятельности» предстали сразу десять представителей Голливуда (так называемое дело «голливудской десятки»), которых уличили в симпатиях к коммунистам. Среди этих людей были: режиссер Герберт Биберман (снял фильм «Соль земли»), сценаристы Лестер Коул, Алва Бесси, Ринг Ларднер-младший, Джон Хоуард Лоусон, Далтон Трамбо и четверо других известных деятелей «фабрики грез». Когда их спросили, являются ли они сейчас или были когда-либо в прошлом членами компартии, они отказались отвечать на этот вопрос, сославшись на соответствующую статью Конституции США, которая позволяла им это сделать. За это вся «голливудская десятка» была наказана: им присудили кому полгода, а кому год тюрьмы за «неуважение к Конгрессу» и штрафы в тысячу долларов. Кроме этих людей в Голливуде пострадали еще примерно три сотни человек – актеры, режиссеры, сценаристы, операторы, музыканты, с которыми по идеологическим соображениям были расторгнуты договора.

Но наиболее известным американским деятелем культуры, которого на протяжении долгих лет обвиняли в симпатиях к коммунистам, был чернокожий певец Поль Робсон. Слава пришла к этому артисту еще в середине 20-х, когда Робсону было чуть меньше тридцати. В **декабре 1934 года** он впервые приезжает в Советский Союз и оказывается потрясенным увиденным там. Настоящий шок он испытал, когда узнал, что его соплеменник, негр Роберт Робинсон, стал депутатом Московского Совета (Робинсон приехал в СССР в начале 30-х годов и работал на заводе «Шарикоподшипник» в Москве). Поэтому, вернувшись в Лондон, где он тогда жил, Робсон заявил газетчикам: «В СССР все граждане, независимо от расовой и национальной принадлежности, имеют равные права». Спустя два года, в **декабре 1936 года**, Робсон приезжает в СССР уже с первыми гастролями. С этого момента он становится «лучшим другом советских людей».

В 1939 году Робсон переезжает из Европы в США и практически сразу попадает в поле зрения ФБР. За ним устанавливается постоянное наблюдение, его почта перлюстрируется, телефоны прослушиваются. Но Робсона это не пугает. В годы войны его политическая деятельность становится еще более активной. Он выступает перед рабочими оборонных заводов, поет на митингах по сбору средств помощи Советской России, участвует в записи серии грампластинок для американских солдат и союзников. В **апреле 42-го** он выступает на митинге в «Манхэттен-центре», и его страстную речь «Все силы на мобилизацию афроамериканцев и колониальных народов для борьбы с фашизмом» слушают тысячи ньюйоркцев. А когда в 1944 году американские войска высаживаются в Европе и открывают второй фронт, Робсон одним из первых приветствует это событие.

Увы, но союз с Россией длился недолго. Спустя всего лишь год после войны начинается другая война – холодная, и ФБР вновь активизирует свои акции против Робсона, который к тому времени был уже вице-президентом Конгресса борьбы за гражданские права (руководил этой организацией коммунист Уильям Паттерсон). **Весной 1947 года** власти запретили кон-

церы Робсона в городе Пеории в штате Иллинойс и в столице штата Нью-Йорк городе Олбани, а фирма «Коламбия» расторгла с певцом контракт и изъяла из продажи грампластинки с его записями. Однако даже эти события не смогли напугать Робсона, хотя многие его коллеги в Америке после такого рода давления давали слабину. Так, актер Роберт Тейлор публично клял себя за то, что снимался в фильме «Северная звезда», в кадрах которого появлялись советские люди. Робсон же, не будучи коммунистом, в **январе 1949 года**, когда в США проходил суд над двенадцатью членами компартии США, публично заявил: «Коммунисты были первыми, кто умирал за свободу угнетенных, за свободу всего человечества. Я буду защищать коммунистов так же, как они защищали нас, черных американцев...»

В **апреле** Робсон участвует в I Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже и выступает там с речью. Он заявляет, что «немыслимо, если бы чернокожие люди в Америке или других частях света были втянуты в войну против Советского Союза: черные никогда не будут воевать против Советского Союза». Когда он вернулся на родину, американская пресса, которая с **1946 года** хранила заговор молчания вокруг имени Робсона, буквально с цепи сорвалась. Газеты писали, что Робсон предательски клеветает на свою страну и открыто занимается коммунистической пропагандой. Например, «Вашингтон пост» писала: «Когда он говорит, что является лояльным патриотом, трудно поверить в это. Он утверждает, что его взгляды полностью разделяют все негры, однако в действительности он предает их, следуя тактике коммунистов, направленной на защиту интересов белой расы...»

Робсон ответил на эту кампанию на митинге в Гарлеме. Он заявил следующее: «Я родился и вырос в Америке и люблю свою страну. Я люблю лучшее, что есть в этой стране. Я на стороне чернокожих борцов, прогрессивных людей в странах Карибского бассейна, негров и индейцев Южной и Центральной Америки, народов Юго-Восточной Азии – угнетенных людей всего мира, на стороне народов Советского Союза...»

Это заявление буквально взбудоражило страну, особенно расистов. **27 августа 1949 года** они сорвали концерт Робсона в Пиксвиле, что в 60 километрах от Нью-Йорка. А когда **4 сентября** Робсон снова приехал в этот город, чтобы все-таки дать концерт, расисты предприняли попытку убить певца – с ближайшего холма в него должен был стрелять снайпер. Однако Робсона спасли его сторонники, которые во время выступления певца буквально окружили его плотным кольцом. Но расисты все же нашли способ отыграться – после концерта они закидали камнями все пятьдесят автобусов, развозивших по домам участников концерта. Этот погром стал прологом к «эпохе маккартизма» – широкомасштабной кампании против коммунистов, начатой сенатором от штата Висконсин Джозефом Маккарти.

Между тем атаки на Робсона продолжались. Летом **1950 года** его лишили заграничного паспорта, сорвав ему гастроли в Европе. Возмущенный этим, певец подал в суд на государственного секретаря США Дина Ачесона. Однако выиграть этот процесс не сумел, поскольку вся мощь государственного аппарата была на стороне ответчика. Полтора года спустя Робсону было запрещено выезжать за пределы континентальной части США, даже в Канаду, которую американцы могли посещать без паспорта. Все эти события настроили против Робсона подавляющее число белых американцев, а вот среди чернокожих его слава взлетела еще выше. По результатам опроса, проведенного всеми негритянскими газетами США, Робсон был единодушно назван «самым популярным афроамериканцем». Не остались в стороне и советские власти, которые в **декабре 1952 года** присудили Робсону Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». О последнем событии большая часть американцев не узнала, поскольку тамошняя пресса обошла это присуждение дружным молчанием.

В **апреле 1958 года** Робсону исполнилось 60 лет, а спустя два месяца ему вернули заграничный паспорт, правда, не без сопротивления: вопрос решился голосованием, где пятеро судей проголосовали за возвращение паспорта, а четверо против. В **августе** Робсон приехал в

Советский Союз с гастролями. Они прошли с огромным успехом, и певец собирался повторить их и в **декабре**. Однако резкое ухудшение здоровья певца не позволило этого сделать.

Говорят, первые симптомы болезни Робсон стал ощущать **осенью 1957 года**: у него часто кружилась голова, темнело в глазах, учащенно билось сердце. Врачи московской клиники, где Робсон проходил обследование, поставили диагноз: атеросклероз с нарушением кровообращения в сосудах головного мозга. Сам Робсон считал, что это результат его активной творческой и общественной деятельности. А вот его сын думал иначе, считая, что инициатором болезни его отца было... ФБР, которое с середины 50-х подменяло ему лекарства – вместо обычных таблеток снабжало галлюциногенными. Версия вполне правдоподобная, поскольку Робсон для ФБР был самым большим раздражителем на родной территории. Как итог: с начала 60-х годов Робсон вынужден был отойти от общественной деятельности из-за частичной потери памяти. Он жил в Нью-Йорке в окружении своей родни, и его уже мало кто вспоминал.

Салливан был в курсе почти всех перипетий жизни и деятельности Робсона, поскольку сам участвовал во многих акциях ФБР против него. Докладывали ему о жизни певца и в нынешние дни, но эта информация была малоинтересной: Робсон был уже инвалидом, и все его заботы вращались вокруг одного – тяжелой болезни его жены Эсланды, которая находилась при смерти. Так что как вечный раздражитель Робсон ФБР уже не интересовал. Однако с уходом Робсона появились другие «раздражители». Среди чернокожих это был Мартин Лютер Кинг, среди белых – Генри Фонда, Пит Сигер, Боб Дилан. И вот теперь на горизонте возник еще и Дин Рид, которому, судя по его последней деятельности, явно не дают покоя лавры Поля Робсона.

В первый раз Салливан услышал о Дине Риде весной 62-го во время чилийского скандала. Но тогда ФБР только взяло певца на заметку, не утруждая себя сбором досье на него, посчитав, что этот поступок не будет иметь продолжения. И когда Дин уехал в Аргентину, в ФБР посчитали, что проблема с Ридом снята. Но вышло иначе. На новом месте Рид сблизился с коммунистами и в итоге съездил в Москву по приглашению членов советской делегации, участвовавшей в конгрессе ВСМ. Когда Салливан узнал об этом, он был в полном недоумении, поскольку считал, что проблема Рида закрыта раз и навсегда. А теперь стало понятно, что русские обратили внимание на Рида неспроста и явно имеют на него определенные виды.

«Видать, этот парень им очень нужен, если они решились пригласить его в Москву, – размышлял Салливан, очиня очередной карандаш и отправляя его в пластиковый стакан. – Те же Сигер или Дилан им малоинтересны, поскольку их симпатии к левым, и особенно к коммунистам, не переступают определенную черту. А Рид эту черту, видимо, переступил».

В этот момент дверь кабинета открылась и на пороге появился Чарльз Банни. В руках он держал тоненькую папку, в которой, как понял Салливан, было досье на Рида. Усевшись в кресло напротив шефа, Банни положил папку перед собой на стол, но открывать ее не стал, ожидая, что скажет Салливан. Но тот молчал, поглощенный очинкой очередного карандаша. В течение какого-то времени Банни с интересом наблюдал за тем, как острое лезвие аккуратно срезает с карандаша слой за слоем, но потом ему это надоело, и он воззрился на миниатюрный бюстик Эдгара Гувера, стоявший на полке за спиной шефа. Заметив это, Салливан, не прерывая своего занятия, обратился к подчиненному:

– Ты можешь начинать, Чарли.

И Банни начал, выложив перед хозяином кабинета всю информацию, которой он обладал по поводу поездки Дина Рида в Хельсинки и Москву. Информации было негусто, чего, собственно, Банни и не скрывал, заявив в начале своего рассказа, что досье на Рида находится пока в стадии «зеро» – нулевого варианта. На что Салливан ответил шуткой:

– Ничего, он парень молодой – наверстает.

Салливан знал, что говорил. В свое время и досье на Поля Робсона начиналось с нескольких листков, а потом распухло до трех тысяч страниц. В досье Чарли Чаплина их было чуть поменьше – 1900. Вообще ФБР с середины 40-х начало заводить досье на всех мало-мальски активных людей из разных слоев общества. Так, «под колпаком» Гувера были чуть ли не все известные американские писатели: Томас Манн, Дэйвил Хэммет, Дороти Паркер, Лилиан Хелман, Эрнст Хемингуэй, Синклер Льюис, Джон Стейнбек, Олдос Хаксли, Артур Миллер, Теннесси Уильямс, Трумэн Капоте, Рекс Стаут. Даже детский писатель Э. Уайт угодил под прицел ФБР. Досье заводились не только на американцев. Например, «под колпак» ФБР попали Альберт Эйнштейн, Пикассо и другие известные личности, которые периодически приезжали в Америку.

Упомянув про досье «Зеро», Банни не преминул сообщить, что с недавних пор Рид занесен в РИ («резервный индекс»). Таких индексов у ФБР было несколько: например, в ИБ («индекс безопасности») вносились наиболее опасные с точки зрения ФБР люди, которые подлежали предупредительному аресту. «Резервный индекс» раньше назывался ИК («индекс коммунистов») и появился на свет в конце 40-х, с начала «кампании против красных». Стоит отметить, что о его существовании не знал даже министр юстиции, которому ФБР подчинялось (их офисы находились в одном здании на Пенсильвания-авеню). В 1960 году, чтобы показать «гибкость» линии ФБР, Гувер отдал распоряжение переименовать ИК: дать ему более нейтральное название – «резервный индекс». В него входили порядка 18 тысяч человек, среди которых были представители самых разных профессий: ученые, артисты, учителя, врачи, военные, журналисты, юристы и т. д. С 1962 года туда был занесен и активист черного движения Мартин Лютер Кинг. Так что Дин попал в достойную компанию.

– Как я понял из твоего рассказа, этот парень от своих идей так легко не отступает? – спросил Салливан, когда Банни закончил свой рассказ.

– Да, упертый тип, – подтвердил вывод шефа Банни. – Даже с отцом поссорился на идейной почве. Так что сделать из него второго Фрэнка Синатру или Элвиса Пресли не удастся.

Оба упомянутых артиста долгое время работали на ФБР как осведомители, о чем простые американцы узнают только много лет спустя – уже после их смерти. Кроме этого, в творческой среде у ФБР были и другие стукачи: например, знаменитый мультипликатор Уолт Дисней или актер, а впоследствии президент страны Рональд Рейган (последний был секретным информатором под кодовым номером Т-10).

После слов Банни в разговоре наступила короткая пауза. Она понадобилась Салливану, чтобы свернуть газету с очистками от карандашей и бросить ее в мусорную корзину, стоящую у него под столом. После чего беседа была продолжена. Возобновил ее Банни, который предложил:

– Может, стоит применить к Риду активные мероприятия? В случае с Кингом это неплохо получилось.

Банни имел в виду недавнюю, январскую, операцию, когда жене Кинга Коретте была подброшена магнитофонная лента, где ее муж якобы уличался в гомосексуальных связях со своим другом Абернети. После этого Кинг впал в глубокую депрессию, его начала мучить бессонница.

Однако Салливан встретил это предложение без особого энтузиазма:

– Ты же сам упоминал, что Рида все знают как бабника, но отнюдь не как гомосексуалиста. Нет, надо придумать что-нибудь потоньше, похитрее. Здесь была бы уместна такая комбинация, которая и тень бы на объект бросила, и следов не оставила.

– Например? – спросил Банни.

– Судя по всему, русским Рид понадобился как агент влияния, – начал развивать свою мысль Салливан. – И он вроде не против им стать. Значит, надо сделать так, чтобы они сами отказались от его услуг. Пусть думают, что он либо работает на нас, либо на ЦРУ.

– А если последние тоже имеют на него виды?

Банни спросил это не случайно. Согласно закону **1947 года** ЦРУ не имело права заниматься разведкой внутри страны, однако с конца 40-х, с началом «кампании против красных», власти негласно разрешили цэрэушникам заниматься этим. В итоге в Лэнгли было создано Управление внутренних операций (УВО), которое с **1950 года** стало наравне с ФБР собирать свои собственные досье на инакомыслящих американцев. Зная об этом, можно было легко предположить, что у ЦРУ наверняка тоже имелось досье на Дина Рида и цэрэушники тоже могли разрабатывать в отношении него какие-то операции. Но Салливан смотрел на такую возможность скептически.

– С нынешним шефом ЦРУ вряд ли способно на что-то стоящее, – усмехнулся он.

Банни сразу понял, о чем говорит шеф. Во главе ЦРУ тогда стоял вице-адмирал Уильям Рэйнборн, который снискал широкую славу как никудышный руководитель. Он был непрофессиональным разведчиком (всю жизнь прослужил в морском флоте, а перед приходом в Лэнгли руководил программой ракет «Поларис») и стал шефом ЦРУ исключительно по протекции – он был приятелем и земляком-техасцем президента страны Линдона Джонсона.

– Короче, подумай над тем, кому сбросить информацию о том, что Рид – подставной, – продолжил свою речь Салливан. – Это должен быть агент, которому русские полностью доверяют. Например, Федора. (Под этим псевдонимом проходил полковник внешней разведки КГБ Алексей Кулаков, который с **1962 года** работал на ФБР.) Кстати, под каким именем проходит у нас Рид?

– Под именем «Ковбой».

– Слишком прямолинейно, – недовольно покачал головой Салливан. – Надо придумать другое имя.

Салливан задумался, устремив взгляд в окно, за которым светило яркое солнце. Пауза длилась примерно минуту, после чего Салливан вновь заговорил:

– Он ведь у нас артист, и люди вокруг него так и выются. Вот и пусть будет Магнитом.

Вместо ответа Банни поднялся со своего места, показывая, что ему все ясно и он готов действовать. О том, когда надо сделать так, чтобы Дин Рид оказался на свободе, он не спрашивал, поскольку это было понятно без слов – как можно скорее. Как это сделать, он тоже знал: у ФБР были хорошие отношения с аргентинскими спецслужбами, которые считали американцев своими стратегическими партнерами. Так что в успехе порученного ему задания Банни несколько не сомневался.

Дина освободили утром следующего дня. Произошло это до обыденного просто. В одиночную камеру, где он сидел, зашел мужчина средних лет в штатском и попросил Дина следовать за ним. Они спустились на первый этаж, где в специальном помещении Дину выдали все его вещи, конфискованные накануне: портмоне с деньгами, часы, записную книжку. После чего человек в штатском принес Дину свои извинения за, как он выразился, «проявленную жесткость».

– Будьте уверены, мы накажем виновных, – сказал мужчина.

Дин в ответ усмехнулся, показывая, что он прекрасно понимает, что эти слова – всего лишь пустая формальность. Не говоря ни слова, он забрал свои вещи и двинулся вслед за мужчиной в штатском к тюремным воротам. Еще минута – и Дин уже был на свободе.

Когда спустя полчаса Дин появился на пороге своего дома, Патрисия, которая сидела на телефоне в ожидании хоть каких-нибудь известий о муже, была в шоке. В первые секунды она просто не узнала своего супруга – он был небрит, изможден, в мятой одежде и с огромным синяком под правым глазом. Поэтому у нее даже не хватило сил подойти к нему и обнять. Она опустилась на стул, стоявший в коридоре, и заплакала. Чтобы успокоить жену, Дину пришлось самому подойти к ней и, заключив в объятия, поцеловать в щеку.

– Не надо плакать, Пэтси, все обошлось, – шепнул Дин на ухо жене. – Если тебе не трудно, приготовь, пожалуйста, ванну. Я хочу смыть с себя тюремную грязь.

Пока жена хлопотала в ванной комнате, Дин позвонил Альфреду Вареле и сообщил о своем освобождении. По тому, как отреагировал его собеседник – в трубке было слышно, как Варела закричал кому-то, находящемуся с ним в комнате: «Он на свободе!» – Дин понял, что за его судьбу переживали многие.

– Мне нужно несколько часов, чтобы отдохнуть, а вечером я жду тебя к себе, чтобы обо всем рассказать, – сказал Дин Вареле, после чего положил трубку.

В назначенное время Варела пришел не один, а привел с собой двух друзей-коммунистов. Они расположились за столом в большой комнате и просидели до самого утра, перемежая разговоры выпивкой и поглощением говяжьих отбивных, которые приготовила хозяйка дома. Дин в подробностях рассказал о своих злоключениях в военной разведке и тюрьме, заключив свой рассказ однозначным выводом: военные готовят переворот. Его собеседники с ним согласились, хотя и с оговорками: переворот готовится, но не факт, что ему дадут осуществиться.

– Но в любом случае, Дин, тебе нужно на время уехать из страны, – сказал Варела. – Страсти утихнут, и ты опять вернешься к нам.

– Извини, Альфредо, но если я и уеду, то не в ближайшие дни, – ответил Дин. – Я обязан сделать то, что обещал сделать еще в Хельсинки: дать в телеэфире интервью с Валентиной Терешковой. И еще: в тюрьме мне пришла идея написать очерк о своем пребывании в Москве. Ты не мог бы помочь мне осуществить эту затею в какой-нибудь газете?

– С удовольствием, друг, – Варела обнял Дина за плечи, всем своим видом показывая, что готов помочь. – Газета «Эль Мундо» тебя устроит? Тогда садись и пиши свой очерк...

Дин прекрасно отдавал себе отчет, какую реакцию могли вызвать задуманные им акции в стане правых. Но иначе поступить он не мог: во-первых, он дал слово Терешковой, во-вторых – его душу буквально раздирало чувство справедливой мести к военным, что издевались над ним в подвальных казематах, а также их хозяевам.

Интервью с первой женщиной-космонавтом Дин показал в своей субботней передаче, сопроводив его коротким комментарием. В нем он рассказал о поездке в Хельсинки и своих впечатлениях после встречи с Валентиной Терешковой.

– Эта женщина буквально покорила меня, – говорил Дин с телеэкрана. – Глядя на нее, я невольно ловил себя на мысли, что не каждый мужчина смог бы совершить то, что сделала эта на вид хрупкая женщина, – покорить космос. Всмотритесь в лицо этой женщины, вслушайтесь в ее голос, и вы сразу поймете, что не могут люди, живущие с ней в одной стране, хотеть зла кому-либо в мире. Не верьте тем, кто утверждает обратное, ибо они охвачены только одним чувством – поссорить народы между собой, сделать их игрушками в своих грязных политических играх.

Как уже говорилось, Дин ждал резкой реакции со стороны властей на это интервью. Но та быстрота, с которой эта реакция случилась, его удивила. Интервью вышло в эфир в субботу вечером, а уже утром следующего дня в доме Дина объявился мужчина в штатском. Предъявив удостоверение сотрудника СИДЕ, он попросил Дина проехать с ним в местное управление, как он сказал, «для разговора». Патрисия хотела было броситься мужу на шею, но Дин решительным жестом ее остановил, сказав только одну фразу:

– Держи себя в руках, Пэтси!

Как ни странно, но на этот раз Дин почему-то был уверен, что его не арестуют. Ведь при таком повороте событий общественности стало бы понятно, за что его арестовали – за показанное в телеэфире интервью с Валентиной Терешковой. А это уже тянуло на скандал международного значения.

Дин не ошибся – его не собирались арестовывать. Его привезли в местное управление СИДЕ и провели в кабинет начальника отдела, отвечавшего за советский блок. Хозяин каби-

нета, коренастый мужчина средних лет, одетый в рубашку с короткими рукавами, не стал темнить и пошел в открытую:

– Значит, мистер Рид, профилактика на вас не действует?

Дин в ответ тоже не стал юлить:

– А я предупреждал ваших коллег, что чем больше меня бьют, тем упрямее я становлюсь.

– А вас еще по-настоящему никто не бил, – сказал хозяин кабинета, откидываясь на спинку стула.

– Это угроза?

– Думайте как хотите. Но имейте в виду, что Москва далеко, а мы близко.

– Что же вы предпримете: опять меня арестуете?

– Как вы наивны! Арест – это не единственная форма воздействия на тех, кто бросает нам вызов.

– Значит, будут провокации, – предположил Дин.

– А вы уезжайте сегодня же в вашу коммунистическую Москву, и проблема разрешится сама собой.

– Никуда я не уеду.

– Ну что ж, это ваше право, – развел руками хозяин кабинета. – Ступайте и передайте привет супруге. Она у вас, говорят, красавица.

Вернувшись домой, Дин сразу предупредил Патрисию, что в ближайшем будущем их жизнь может значительно осложниться. Та удивилась:

– Что значит «осложниться»? По-твоему, до этого мы жили легко?

– Теперь может быть еще хуже. Поэтому я предлагаю тебе на время уехать в Штаты, к матери. Когда здесь все уляжется, ты вернешься обратно.

– Одна я никуда не поеду – только с тобой! – решительно заявила Патрисию.

Дину, конечно, очень хотелось, чтобы его жена уехала в безопасное место и сняла камень с его души. Но, видя, с какой решимостью Патрисию настаивает на том, чтобы остаться с ним, Дин не смог сдержать своих эмоций. Он обнял жену за плечи и поцеловал в лоб.

– Ты у меня молодец, – нежно произнес Дин. – Не волнуйся, все образуется. Я все-таки известный человек, к тому же иностранец, поэтому на что-то серьезное они не решатся.

Это не было самоуспокоением – Дин на самом деле так думал. Даже после того, что с ним случилось за последние дни, он надеялся, что ситуация не зашла слишком далеко и его недруги не посмеют тронуть ни его, ни Патрисию. Последующие события показали, что он ошибался.

Уже на следующий день, когда Дин приехал на телевидение, чтобы заняться подготовкой очередного выпуска своей программы, он вынужден был прервать работу в самом начале и мчаться назад домой. А все потому, что ему позвонила Патрисию и, глотая слезы, сообщила, что у них на заднем дворе случился пожар, а их пса кто-то отравил. Естественно, ни о какой дальнейшей работе Дин уже не помышлял, и всю дорогу до дома с его губ слетали только одни проклятия: «Мерзавцы! Сволочи!»

Вечером к ним приехал Альфредо Варела с несколькими товарищами. Все они стали наперебой уговаривать Дина уехать из страны. Но Дин был неумолим:

– Если я уеду, они сочтут это трусостью.

– Это не трусость, это вынужденное отступление, – возразил ему Варела. – Сражение не всегда можно выиграть впрямую, нужно уметь маневрировать.

Дин согласился с этим доводом, но уезжать все равно отказался:

– Жалко, конечно, нашего пса, но нас они тронуть не посмеют. Ты и сам, Альфредо, в это не веришь.

Варела понял, что спорить с Дином бесполезно, но попытался оставить у него в доме хотя бы временную охрану: своих друзей Хорхе и Альберто. Но Дин и этого не разрешил, заявив:

– У меня надежная дверь и ставни. И до полицейского участка не так далеко.

Когда гости ушли, Патрисия горько резюмировала:

– Это будет чудо, если сегодня ночью с нами ничего не случится. Тебе надо было послушаться Альфредо и согласиться на охрану.

– Я понимаю твои чувства, Пэтси, но и ты меня пойми: мы не можем рисковать жизнями других людей, – ответил Дин. – Мы можем рисковать только своими.

Спать супруги легли через час. Причем не в спальне, а в большой комнате, чтобы сбить с толку своих вероятных недругов. Поскольку оружия в их доме не было, Дин пристроил рядом с диваном бейсбольную биту, поставив ее прямо возле изголовья. Оба понимали, что ночь им предстоит та еще: мало того, что им придется в жуткую духоту спать при закрытых окнах, так еще каждый шорох во дворе будет заставлять их постоянно вздрагивать.

Первой не выдержала Патрисия – спустя примерно полчаса она провалилась в глубокий сон. Дин держался гораздо дольше, хотя понимал, что рано или поздно сон сморит и его. В итоге так и случилось. Однако спали супруги недолго. За окнами было еще совсем темно, когда в их доме раздался страшный грохот – с треском разлетелось оконное стекло в их спальне. После чего началась беспорядочная пальба. Схватив впавшую в ступор жену в охапку, Дин свалился вместе с ней с постели на пол.

– Лежи и не двигайся! – закричал ей в ухо Дин, а сам схватил биту и приготовился свалить с ног любого, кто посмеет ворваться в их жилище.

Но в дом никто не ломился, хотя стрельба продолжалась. Пули терзали спальню, круша все на своем пути. Дин слышал, как с треском разлетелось зеркало и стоявшая на журнальном столике огромная ваза, привезенная из Мексики. Понимая, что каждая секунда промедления может стоить им жизни, Дин ползком добрался до тумбочки, на которой стоял телефон, и набрал номер полиции. Спустя несколько секунд на другом конце провода раздался мужской голос:

– Полиция слушает.

– На нас напали, обстреливают дом! – закричал в трубку Дин.

– Кто обстреливает? – спросил полицейский.

– А я почему знаю?! – еще сильнее заорал Дин. – Приезжайте скорее! – и он назвал свой адрес.

Однако в тот самый миг, когда Дин положил трубку, стрельба внезапно стихла. Какое-то время во дворе стояла мертвая тишина, после чего в дверь Ридов кто-то отчаянно забарабанил. Прислушавшись, Дин узнал по голосу своего соседа по ближнему участку. Отложив биту в сторону, Дин поднялся с пола и отправился открывать. Правда, на полпути ему пришлось вернуться, чтобы накинуть на голое тело простыню.

Открыв дверь, Дин впустил соседа в холл. В руках у того было ружье.

– У вас все в порядке? – спросил сосед, едва переступив порог. – Эти мерзавцы сиганули через забор и умчались на автомобиле. Кажется, это был «Мерседес».

– Не волнуйтесь, ни одна из пуль нас не задела, – успокоил соседа Дин. – А вам огромное спасибо: если бы не вы, неизвестно, чем бы все закончилось.

– Принимаю ваш комплимент, но сразу предупреждаю: бегать всю ночь я не намерен. У меня семья, дети. Поэтому предлагаю вам свое ружье – надежная штука. – И сосед протянул Дину оружие.

– А как же вы? – спросил Дин.

– За меня не беспокойтесь: у меня в доме есть еще «кольт» и ружье для подводного плавания.

Но Дин от ружья отказался:

– Спасибо, конечно, но я думаю, что эти мерзавцы больше не вернуться.

Сосед в ответ пожал плечами, сказал: «Ну что ж, дело ваше», развернулся и скрылся в ночи.

Последствия обстрела выглядели ужасно: вся противоположная от окна стена спальни была испещрена пулевыми отверстиями, куски штукатурки засыпали пол и всю кровать, стоявшую у окна. Было разбито зеркало, в щепки разнесен журнальный столик. Увидев этот разгром, Патрисия схватилась за голову. Но Дин был спокоен как никогда. В эту ночь чудо уберегло их от гибели, и стенать после этого было бы несправедливо.

– Оставь уборку до утра и ступай спать, – предложил жене Дин. – Эти негодяи уже не вернуться.

– А ты? – спросила Патрисия.

– А я буду дожидаться полиции.

После того как Патрисия снова легла в постель, Дин уселся в кресло, положив себе на колени битую бутылку. Хотя шансов, что налетчики вернуться снова, было мало, он все равно решил не терять бдительности. Примерно полчаса Дин сидел в кресле, прислушиваясь к тому, что происходит на улице. Но во дворе не раздавалось ни звука. В итоге, убаюканный этой тишиной, Дин провалился в сон.

Спустя несколько часов Дина разбудила Патрисия. За окном уже светило яркое солнце, а весь мусор из спальни был убран заботливой женой.

– А где полиция? – спросил Дин, еще не оправившись ото сна.

– Полиция в полиции, – сострила Патрисия, сваливая в мусорное ведро последние ошметки от ночного погрома. – Наивный, неужели ты думаешь, что они примчатся к тебе по первому же зову?

Как ни горько было это признавать, но Патрисия была права. Однако полицейские все-таки приехали. Вернее, это был один страж порядка, который прикатил к дому Ридов не на машине с мигалкой, а на... велосипеде. Оставив своего двухколесного «коня» за воротами, полицейский прошел в дом и внимательно осмотрел место происшествия.

– Зачем же вы убрали следы преступления? – поинтересовался страж порядка у хозяев.

– Значит, пулевые отверстия в стене вас не устраивают? – съязвил Дин.

– Нам нужна вся картина происшедшего.

– А вы бы приехали чуть пораньше, а не через полдня, глядишь и застали бы общую картину.

– Как я понял, вы против того, чтобы мы завели уголовное дело? – спросил полицейский.

– А что, уголовное дело заставит вас действовать побыстрее?

Полицейский не стал ничего отвечать, молча раскланялся и тут же покинул дом. Его визит продлился чуть больше пяти минут.

Спустя час Дин собрался ехать на работу. Патрисия не стала уговаривать его остаться, поскольку понимала, что это бесполезно. К тому же она тоже прониклась уверенностью, что налетчики больше не вернуться. Во всяком случае, в ближайшее время.

Дин отправился в гараж, где стоял его автомобиль. Там его ждало еще одно открытие. На воротах гаража он обнаружил намалеванный краской рисунок – серп и молот. Чьих рук это послание, секрета не составляло – ночных визитеров. Да и смысл рисунка был понятен: Дину мстили за его дружбу с коммунистами. Отскабливать рисунок времени у Дина уже не было, поэтому он оставил все как есть. После чего сел в машину и отправился на телевидение.

Вернулся Дин вечером. И первое, что увидел, подъезжая к дому, – нескольких молодых людей с ружьями в руках. Сердце Дина обмерло, но потом все прояснилось: в одном из вооруженных людей Дин узнал Хорхе – того самого парня из Коммунистической федерации молодежи, которого Варела вчера собирался отрядить ему в охрану. Дин понял, что сегодня отвертеться от телохранителей ему уже не удастся. Да и не особенно хотелось это делать: в сложившейся ситуации надо было думать в первую очередь не о себе, а о Патрисии.

Когда Дин поставил машину в гараж, к нему подошел Хорхе. Держа дробовик на плече, он пожал Дину руку и сказал:

– Мистер Рид, мы все знаем и присланы сюда, чтобы охранять вас и вашу супругу. И не надо сопротивляться: вы – наш друг, а своих друзей мы не сдаем.

– Я и не сопротивляюсь, – улынулся в ответ Дин.

Хорхе и трое его товарищей охраняли дом Ридов посменно: пока двое спали (хозяева выделили им большую комнату), двое других патрулировали во дворе. К счастью, эта ночь прошла без происшествий. Вполне вероятно, именно потому, что дом охранялся: налетчики поняли, что застать хозяев врасплох уже не удастся, да и потерь при таком раскладе уже не избежать, а потому оставили супругов в покое.

А на следующее утро к Ридам вновь заехал Варела с тем же предложением – покинуть на время Аргентину. Как ни странно, но в этот раз Дин уже не сопротивлялся. Причем вовсе не из страха за свою жизнь, а потому, что, во-первых, он боялся за Патрисию, во-вторых, не хотел утруждать заботами о своей безопасности Варелу и его друзей.

– Ты прав, Альфредо, нам надо на время уехать, – сказал Дин, едва гость заговорил на эту тему. – У меня на родине готовится Марш мира, в котором я хочу принять участие. Так что легкой жизни у меня и там не будет.

Варела прекрасно знал, о чем говорит Дин. За последние несколько месяцев в Штатах поднялась волна народного гнева против политики Белого дома во Вьетнаме. **17 апреля** в Вашингтоне прошла демонстрация протеста, в которой участвовало 30 тысяч человек. Спустя десять дней 4500 известных общественных деятелей США – ученых, писателей, артистов – направили президенту Линдону Джонсону Декларацию гражданского неповиновения. Правда, все эти акции насторожили Белый дом, но отнюдь не напугали. Отступить из Вьетнама команда Джонсона не собиралась, особенно после того как появилась информация, что русские протянули руку помощи северным вьетнамцам. И хотя эта операция считалась секретной, американская разведка сумела об этом узнать. **24 июля 1965 года** северовьетнамские зенитчики, руководимые советскими офицерами, сбили зенитными ракетами комплекса С-75 «Десна» три американских реактивных истребителя-бомбардировщика «Фантом». Война во Вьетнаме вступала в свою новую, еще более ожесточенную стадию.

Марш мира начался **6 августа**, когда десятки тысяч людей из разных городов Америки пришли в Вашингтон, чтобы донести до руководства страны документ, который они озаглавили весьма недвусмысленно – «Декларация совести против политики США во Вьетнаме и Доминиканской Республике». В ней, в частности, говорилось: «На протяжении десятилетия людей во Вьетнаме пытаются, сжигают, убивают, их земли и посевы уничтожаются, а их культура разрушается; мы отказываемся, чтобы это делалось от нашего лица, – поэтому мы провозглашаем мир с народом Вьетнама.

Миллионы американцев надеялись и ждали, что их голоса, поданные на президентских выборах 1964 года, продвинут нашу страну в сторону от войны в направлении к миру; эти надежды и ожидания были преданы во Вьетнаме – поэтому мы объявляем мир Вьетнаму...»

Колонны демонстрантов вошли в город с нескольких сторон, неся в руках многочисленные транспаранты и плакаты, на которых были начертаны антивоенные лозунги: «Положить конец грязной войне!», «Прекратите убийства детей и женщин!» и т. д. Дин Рид шел во главе одной из таких колонн вместе с десятком своих коллег – известных деятелей культуры Америки. На улице было жарко, и асфальт под ногами людей был разогрет и походил на пластилин. Однако одетый в светлую рубашку с короткими рукавами Дин этой жары почти не замечал, как и сотни других демонстрантов. Гораздо хуже приходилось полицейским, облаченным в темно-синюю форму и стоявшим по обеим сторонам улиц, которые вели к центру города – Лафайетту.

До центра оставалось всего лишь несколько кварталов, когда произошло неожиданное. Из-за угла ближайшего дома выбежала группа молодых людей, в руках у которых были какие-то предметы. Демонстранты, идущие в первых рядах, не успели ничего сообразить, как эти предметы были брошены в них. Это оказались полиэтиленовые пакеты, наполненные крас-

ной краской. Все они угодили в демонстрантов и буквально залили их с ног до головы. Дину повезло – в него не попали, а всего лишь «ранили» – до него долетели брызги после того, как один из пакетов угодил в его соседа справа. А провокаторы, сделав свое дело, исчезли так же быстро, как и появились. Стоявшие поблизости полицейские даже не шелохнулись, видимо, заранее получив соответствующие инструкции от начальства: провокаторов не трогать. Ведь в глазах властей эти краскометатели были патриотами.

Но это было не последнее происшествие во время движения колонны. Когда демонстранты свернули за угол, они увидели, что путь впереди перекрыт кордоном из полицейских. Стражи порядка выстроились в длинную шеренгу, протянувшуюся от одной стены дома до другой. Стало понятно, что колонну дальше пропускать не собираются и в случае неповиновения будут применены резиновые дубинки, которые полицейские сжимали в своих руках. Однако демонстранты столкновения не испугались. Хотя поначалу первая шеренга сбавила шаг, однако, поскольку задние ряды продолжали напирать, движение вперед не прекратилось. В итоге спустя несколько секунд толпа демонстрантов смяла стройную шеренгу полицейских и началось настоящее побоище. В воздухе замелькали дубинки.

Дин лицом к лицу столкнулся с широкоплечим полицейским, который попытался схватить его за ворот рубашки и уже взмахнул над его головой дубинкой. Но Дину хватило ловкости отпрыгнуть в сторону. Ворот рубашки Рида остался в руках у стража порядка, а сам Дин повис на его руке с дубинкой. Полицейский грязно выругался на Дина. Вывернув руку полицейского, Дин заставил его выронить дубинку. Затем он отпустил руку «копа» и бросился вперед – туда, куда устремились остальные демонстранты, прорвавшиеся сквозь кордон. Несмотря на то что несколько десятков человек полицейским все-таки удалось скрутить, большая часть демонстрантов сумела просочиться на соседнюю улицу и уже там, восстановив стройность своих колонн, двинулась дальше.

Спустя несколько минут колонна слилась с другой толпой демонстрантов, вышедшей с соседней улицы. А еще через некоторое время демонстранты достигли конечного пункта пути – Лафайетта. Здесь вскоре начался митинг, где была зачитана Декларация совести. Во время ее чтения несколько десятков молодых людей публично сожгли свои призывные карточки.

Между тем ни один из представителей властей к митингующим не вышел, что, собственно, было весьма симптоматично – власть не собиралась прислушиваться к мнению этой части американской общественности. Вообще в Белом доме считали, что все эти антивоенные митинги и манифестации дело рук коммунистов, которыми управляет Москва. Но это была лишь частичка правды. Да, американские коммунисты принимали деятельное участие в этих акциях, но отнюдь не они играли в них главную скрипку. В Америке и без них хватало людей, кому небезразлична была дальнейшая судьба собственной страны. Это были пацифисты, борцы за гражданские права, чернокожие правозащитники и т. д. Война во Вьетнаме взбудоражила американское общество, разбила его на части, но власть почему-то считала, что та часть, которая митинговала, представляла лишь незначительную часть общества. Уже ближайшее будущее покажет, насколько глубоко власть ошибалась.

Марш мира длился в течение четырех дней (**6–9 августа**), однако Дин присутствовал только на его начале. Затем он отправился в Нью-Йорк, чтобы навестить там своего учителя и друга Патона Прайса. Тот принял ученика весьма радушно и с неподдельным вниманием выслушал его рассказ о житье-бытье в Аргентине. Сообщение о том, что там готовится военный переворот, Прайса не удивило.

– Дело идет к тому, что в скором времени вся Латинская Америка будет под пятой военных, – заметил Прайс. – Знаешь, почему? Куба, кажется, начинает постепенно удаляться от Москвы и изменять своему курсу на экспорт революции в Латинской Америке не собирается. А это для США крайне опасно. Поэтому наши политики сделают все возможное, чтобы в ведущих латиноамериканских странах к власти пришли военные. В Гватемале, Эквадоре, Домини-

канской Республике, Гондурасе, Боливии и Бразилии это уже свершилось, теперь на подходе Аргентина. В такой ситуации тебе, Дин, оставаться там опасно.

– Я все-таки рассчитываю, что Илья устоит, – ответил Дин. – Есть информация, что в среде военных не все выступают за переворот. К тому же против прихода к власти военных выступают перонисты, которые все еще мечтают посадить на трон Перона, а не генерала Онганию. Именно эти обстоятельства и позволяют Илью держаться за власть.

– Может быть, ты и прав, – согласился с Дином Прайс. – Но только на ближайшее будущее. Поскольку общая тенденция все равно возьмет свое. Если Илья удастся удержаться сейчас, не факт, что его не свергнут через полгода.

С этим доводом Дин спорить не стал, поскольку сам думал точно так же. Но, даже несмотря на это, покинуть Аргентину добровольно он не собирался. В глазах миллионов людей, которые знали его, это выглядело бы как бегство с тонущего корабля.

Не стоит думать, что учитель и его ученик в те дни рассуждали только о политике. Были у них и другие темы для разговоров. Аккурат в те самые дни состоялось третье турне «Битлз» по Америке и Канаде. Гастроли начались **15 августа**, когда «ливерпульская четверка» дала концерт в Нью-Йорке, на стадионе «Шеа», где собралось рекордное число зрителей – 56 000 человек. Затем концерты последовали в городах Торонто, Атланте, Хьюстоне, Чикаго, Миннеаполисе, Сан-Диего и Сан-Франциско. Практически все американские газеты освещали это турне, в подробностях живописуя тот ажиотаж, который сопутствовал приезду «ливерпульской четверки». Что касается Дина, то его больше всего умилил тот факт, что с «битлами» сочли за честь познакомиться звезды Голливуда. По этому случаю в Беверли-Хиллз был устроен специальный прием, который почтили своим присутствием такие актеры, как Кирк Дуглас, Грегори Пек, Ричард Чемберлен, Дин Мартин, Рок Хадсон, Тони Беннет, Гручо Маркс, Джим Бэрри, Джеймс Стюарт и др. Газеты писали, что некоторых знаменитостей «битлы» так очаровали, что они встали в очередь пожать им руки по второму разу.

Обсуждая с учителем это турне, Дин как-то заметил:

– Этих парней активно приручают. Но я думаю, что из этого ничего не получится.

– Почему? – с интересом спросил Прайс, который думал совсем иначе.

– Слишком ершистые эти ребята. Особенно один – Леннон. Он вечно всем недоволен и шпарит правду, невзирая на все законы шоу-бизнеса. Поначалу мне казалось, что это всего лишь игра, но теперь я все больше убеждаюсь, что это такая позиция.

– А я думаю, что ты заблуждаешься, – усмехнулся Прайс. – Наш шоу-бизнес и не таких обламывал, а этим ливерпульцам от роду чуть больше двадцати. Они, конечно, талантливые ребята, но их ждет та же участь, что и других: ими попользуются и выбросят, как выжатый лимон. Странно, что ты этого не понимаешь, хотя сам прошел через эту индустрию.

– Да, выжать как лимон их, конечно, могут, – согласился Дин. – Но мне почему-то кажется, что они будут яростно этому сопротивляться. Им легче это сделать – их все-таки четверо.

– Сопротивление вещь хорошая, но здесь все как в политике – побеждает сильнейший, – горько резюмировал Прайс. – Даже вчетвером бессмысленно бороться с такой машиной, как шоу-бизнес. Вспомни Элвиса Пресли: каким он был десять лет назад и в кого превратился теперь. Так что этих ребят тоже купят со всеми их потрохами.

– Покупают тех, кто хочет продаться, – заметил в свою очередь Дин.

– Ты думаешь, эти не хотят? – удивился Прайс. – Не надо делать из талантливых, но вполне земных ребят каких-то сопротивленцев. Вот увидишь, их, как патроны, вставят в пулеметную обойму этого продажного бизнеса, отстреляют, а потом, как гильзы, выкинут за ненужностью.

Прайс сказал это с такой убежденностью в голосе, что Дин понял: спорить бесполезно. Единственное, на что его хватило, это сказать фразу, которая как бы устанавливала паритет в этом споре: мол, поживем – увидим.

Когда Дин и Патрисия вернулись в Аргентину, ситуация там спокойнее не стала. Более того, она заметно накалилась. **19 августа** в стране прошли массовые аресты коммунистов – были арестованы 90 человек из Коммунистической федерации молодежи. Среди арестованных оказался и Хуан, который некоторое время назад обеспечивал охрану Ридам. Дину сообщил об этом брат Хуана Антонио, который вместе с тремя другими активистами прибыл в дом певца, чтобы опять обеспечивать его безопасность, правда, только в темное время суток. Остальное время супруги были без охраны, что, впрочем, их не пугало. Во всяком случае, Дина: он был уверен, что его недруги решиться на что-то серьезное не посмеют. А провокаций он не боялся. Поэтому смело передвигался по городу в одиночку, а Патрисию оставлял дома не одну, а с оружием – он приобрел в оружейном магазине два «кольта». Однако ситуация резко изменилась, когда Патрисия сообщила мужу, что беременна. После этого Дину пришлось усилить меры безопасности жены: он попросил своих добровольных телохранителей оставаться у него дома и днем, чтобы в случае чего не только защитить Патрисию, но и вызвать врачей, если возникнет в этом необходимость.

Однажды на телевидении у Дина произошла неожиданная встреча. Он выходил из студии в длинный коридор и столкнулся с Генрихом Вайсом. Как оказалось, тот снимался на 11-м канале в какой-то передаче о профсоюзном движении, а сюда пришел специально, чтобы встретиться с Дином.

– Что, соскучились? – засмеялся Дин, польщенный таким вниманием.

– Да нет, скучать по себе вы не даете: каждую субботу появляетесь на экране, плюс к тому же о ваших приключениях теперь нет-нет да напишут в газетах, – ответил Вайс.

После чего он взял Дина за локоть и увел его на лестничную площадку, где в тот момент никого не было. Там Вайс продолжил:

– У меня к вам более серьезное дело, о котором я хотел бы поговорить с вами обстоятельно. Но только не здесь, где наше общение мгновенно станет достоянием СИДЕ. Вы, надеюсь, в курсе, что в вашем учреждении полно ее шпииков?

– Да, это для меня не секрет, – ответил Дин.

– Тогда давайте встретимся в городе. Завтра в пять вечера вас устроит?

– Вполне. Но где?

Вместо ответа Вайс внезапно спросил:

– Вы какое мясо предпочитаете: свежее или замороженное?

– Свежее, – ответил Дин, не скрывая своего удивления странным вопросом.

– Вот и отлично. Приезжайте на рынок скота в Матадеросе. Там рядом с автостоянкой есть уютное кафе, где я вас буду ждать.

Сказав это, Вайс хлопнул Дина по плечу и скрылся так же быстро, как появился.

Сказать, что Дин был заинтригован этой встречей, значит ничего не сказать. Он хоть и знал Вайса шапочно, однако относился к нему весьма дружелюбно – этот человек ему нравился. В нем он находил умного и очень интересного собеседника, с которым можно было поговорить на самые разные темы. Правда, Вайс был немец, а к людям этой национальности здесь, в Аргентине, было особенное отношение. Немецкая колония в Буэнос-Айресе была мощным образованием, во многом получившим свое могущество благодаря нацистскому рейху. Достаточно сказать, что накануне Второй мировой войны германские капиталовложения в Аргентину превышали и американские, и английские инвестиции. Поэтому Аргентина держалась до последнего в своих связях с фашизмом и объявила войну Гитлеру только накануне его краха – в **марте 1945 года**. Но это объявление можно было назвать формальным, поскольку именно

Аргентина стала надежным прибежищем для тысяч нацистов, бежавших из Германии после ее поражения. Поэтому, когда однажды Дин проговорился Вареле о Вайсе, тот его предупредил: мол, будь с ним осторожен. Но Дин пропустил это замечание мимо ушей. И теперь даже ни секунды не сомневался в том, что завтра он отправится в указанное Вайсом место.

К месту назначенной встречи Дин приехал на десять минут раньше. Как ни странно, но Вайс был уже там – он сидел в самом углу кафе и читал газету. Однако, увидев Дина, он отложил ее, после чего сделал заказ на две чашки кофе. Как только официант удалился, Вайс произнес:

– У нас с вами не так много времени, поэтому я начну с главного. Как вам известно, я имею непосредственное отношение к профсоюзному движению, и у меня есть очень осведомленные источники во Всеобщей конфедерации труда. Так вот, эти источники утверждают, что этой осенью военные готовятся сместить президента Ильяа.

– Этой информации можно доверять? – спросил Дин.

– Абсолютно, поскольку она исходит от руководства Перонистской партии.

– И вы хотите передать эту информацию мне?

– Именно, поскольку из всех здешних партий и движений я симпатизирую той, что и вы, – коммунистической.

Здесь Вайс замолчал, поскольку к ним подошел официант и поставил на стол заказанный кофе. Когда он удалился, Вайс продолжил:

– Вы ведь знаете, что перонисты до сих пор не потеряли надежды на то, чтобы вернуть Перона к власти. После декабрьских событий прошлого года, когда Перон летел в Аргентину, но его заставили сесть в Бразилии и потом обратно отправили в Испанию, они надеются, что на этот раз у них все получится. Но теперь они хотят заключить соглашение с военными. Догадываетесь, для чего?

– Чтобы сместить Ильяа и возвести на престол Перона? – предположил Дин.

– Правильно мыслите. Однако у военных свои планы на этот счет: они видят в президентском кресле своего человека – генерала Онгания.

– Неужели перонисты этого не понимают? – удивился Дин.

– Все они понимают. Но они надеются, что сильнее военных. Ведь за ВКТ стоит много-миллионный пролетариат.

– Забастовками военных не испугаешь, – сказал Дин, помешивая сахар в чашке с кофе. – Когда перонисты подняли на 48-часовую забастовку пролетариат, чтобы заставить правительство изменить свое решение о высылке Перона, у них ничего не получилось. А военные и вовсе церемониться не станут – просто начнут стрелять.

– В том-то и дело, – согласился с Дином его собеседник. – Однако, к счастью, среди перонистов не все поддерживают курс на союз с военными. Поэтому шансы на успех в грядущем перевороте у военных примерно пятьдесят на пятьдесят.

– Вы хотите, чтобы я довел эту информацию до своих друзей? – после короткой паузы спросил Дин.

– То, что я вам сейчас сообщил, для ваших друзей далеко не секрет. Я хочу информировать их обо всех других подробностях контактов перонистов с военными. А эти контакты, поверьте мне, идут уже полным ходом.

– Я думаю, что мои друзья согласятся с вашим предложением. Но вы, наверное, что-то потребуете за эту информацию?

– Ни-че-го, – по слогам произнес Вайс. – Передайте вашим друзьям, что я делаю это по сугубо альтруистическим соображениям. Я хоть и немец, но не милитарист. И демократ Ильяа мне, как и вам, гораздо ближе, чем генерал Онгания.

– Как вы предполагаете передавать мне информацию? – поинтересовался Дин.

– Я не хотел бы передавать ее лично вам, поскольку вы человек достаточно известный и вас легко вычислить, – ответил Вайс. – Поэтому найдите надежного человека, который мог бы забирать у меня эту информацию при наших коротких встречах в разных частях города. Я надеюсь, найти такого человека для вас не проблема?

– Угадали, – засмеялся в ответ Дин.

Когда на следующий день Дин рассказал Вареле о своей встрече с Вайсом, тот сильно удивился:

– Я же тебя предупреждал, чтобы ты был осторожен в своих контактах с этим человеком.

– Но почему? – удивился Дин. – Ведь он предлагает себя только исключительно в роли информатора. И если он задумал что-то опасное для нас, мы легко можем проверить это по тем сведениям, которые он нам передаст.

– Это все так, но этому немцу я не доверяю, – продолжал упорствовать Варела. – Хотя и в твоих словах есть свой резон. Мы действительно ничем не рискуем, используя его в качестве информатора. Ладно, уговорил: мы найдем человека для контактов с твоим Вайсом. Сегодня же поговорю об этом с Исидоро.

Дин знал, о ком говорил Варела: человек по имени Исидоро возглавлял разведывательную службу компартии Аргентины и слыл большим специалистом в своем деле. Именно при нем компартия достигла больших успехов в своей конспиративной, а также шпионской деятельности, имея своих агентов и информаторов даже в правительстве и военной среде.

Уже спустя три недели после этого разговора Варела сообщил Дину, что та информация, которой снабжает их Вайс, действительно представляет огромную важность.

– То, что мы имеем от него, не сообщает нам ни один наш источник, – сказал Варела. – Кажется, я был не прав в отношении этого немца.

Дина это сообщение обрадовало. После него он лишний раз убедился, что интуиция и в том случае его не подвела.

Тем временем политическая осень в Аргентине выдалась жаркая. В сентябре в Тукумане был проведен конгресс сторонников мира, на котором была принята резолюция против интервенции США во Вьетнаме. В том же месяце Белому дому был нанесен еще более чувствительный удар: Национальный конгресс Аргентины выступил против резолюции палаты представителей США, одобряющей военную и экономическую интервенции США в Латинской Америке. Все эти события активизировали действия противников Ильиа, которые через правую прессу стали нападать на президента и его политику. Ожили и разного рода радикальные группировки, которые взяли на вооружение провокации. Одной из их жертв вновь стал Дин Рид, дом которого снова подвергся атаке радикалов.

На этот раз до стрельбы не дошло, однако дом разукрасили сильно – опять намалевали на стенах коммунистические символы в виде серпа и молота. Дин воспринял это спокойно, а вот Патрисию испугалась. Она всерьез решила, что это только начало, что в складывающейся обстановке этим людям ничего не стоит повторить вооруженное нападение на них. И Патрисию стала умолять Дина покинуть Аргентину. Но тот и слушать об этом не хотел. Но, поскольку состояние жены вызывало у него тревогу, он сделал шаг, на который раньше никогда бы не решился: 4 ноября выступил в печати со статьей «Я не коммунист!», где заявил, что никогда не принадлежал к коммунистической партии и вступать в нее не собирается. О своей поездке в СССР Дин заявил, что ездил туда не как политик, а всего лишь как артист, который имеет право выступать в странах с любой политической системой. «Я не политик, – писал Дин, – но я всегда поддерживал политику покойного президента Джона Кеннеди, который пытался освободить мир от угрозы ядерной войны».

Как ни странно, но эта статья возымела действие: провокации против Дина прекратились. А уже вскоре, в середине ноября, чаша весов в противостоянии «президент – оппозиция» склонилась в пользу первого. Кульминацией этого стало смещение с поста главнокомандую-

шего сухопутными войсками генерала Хуана Онгания – главного претендента на президентский пост в стане оппозиции.

В феврале 1966 года Дин отправился с концертами в Венесуэлу. Поселился он в гостинице в центре Каракаса, причем окна его номера выходили аккуратно на ультрасовременный небоскреб англо-голландской нефтяной компании «Шелл». Эта компания стояла на втором месте по добыче в Венесуэле «черного золота» – нефти. На первом, само собой разумеется, были американцы – компания «Креол», являвшаяся филиалом «Стандард ойл» (на третьем месте тоже были американцы из «Мене Гранде» – филиала «Галф ойл»). Вообще по добыче нефти Венесуэла тогда стояла на третьем месте в мире, после США и СССР, и на первом по ее экспорту. Фактически весь государственный бюджет страны и ее валютные поступления (95 процентов) были отданы на милость иностранных нефтяных компаний. Вывоз «черного золота» из страны был поставлен так широко, что большинство здешних экспертов не смущаясь признавались: «Нам оставляют кости, а мясо увозят». Правда, в последние несколько лет иностранным компаниям пришлось пойти на некоторые уступки, и их отчисления и налоги в венесуэльскую казну стали составлять ежегодно около полутора миллиардов долларов. Однако львиную долю этих денег присваивала себе местная олигархия «мантильос», которая буквально утопала в роскоши. Она не была заинтересована в развитии сельского хозяйства, предпочитая зарабатывать легкие деньги от банковских и внешнеторговых операций.

Что касается подавляющего числа венесуэльцев, то они жили куда более скромно. Причем если городские жители худо-бедно сводили концы с концами, то вот большая часть крестьян откровенно нищенствовала. Дин собственными глазами видел их убогие хибары «ранчитос», когда проезжал по окраинам Каракаса. И сердце Дина обливалось кровью от подобной несправедливости. Ведь Венесуэла была самой богатой страной Латинской Америки (в пропорции к численности населения, которое составляло свыше 8 миллионов человек), но не могла обеспечить подавляющему числу своих жителей достойной жизни. «Разве это справедливо? – мысленно задавал себе вопросы Дин. – Недра этой замечательной страны безжалостно эксплуатируются иностранными компаниями, в подавляющем большинстве американскими, причем эти деньги идут не на благие дела, а на ту же войну во Вьетнаме».

Итогом этих размышлений стало стихотворение, которое Дин написал сразу по возвращении в Аргентину. Он назвал его «Я видел сто миров...»

Я много повидал миров в подлунном мире,
Они меня без лишних слов ошеломили...
Здесь голодают бедняки за то лишь, боже,
Что цвета черного у них оттенки кожи.

Здесь есть миры, где целят в лоб из револьвера
За то лишь, что в душе твоей – иная вера.
А есть миры, где ребятня, копаясь в глине,
От века видит башмаки – на господине.
Есть странные миры, где врач сулит спасенье
Не раньше, чем узнав у вас про сбереженья.
Не счесть таких миров, увы, смотря на Землю,
Но мир корысти и оков я не приемлю!

В это же время у Дина случилась знаменательная встреча, которая сильно повлияла в дальнейшем на его мировоззрение. Стоял обычный мартовский день, когда поздно вечером в квартире супругов зазвонил телефон. Поскольку Патрисия уже собиралась ложиться спать,

а Дин смотрел телевизор, к аппарату подошел именно он. Подняв трубку, он услышал голос своего агента на телевидении журналиста Хавьера. Тот спросил:

– Вы одни дома?

– Одни, – ответил Дин. – А в чем дело?

– Можно, я приведу к вам на ночь одного человека? Ему негде остановиться.

– Конечно, можно, – не раздумывая ответил Дин, который давно был знаком с Хавьером и полностью ему доверял.

Известие о том, что сейчас к ним в дом придет неизвестный мужчина, Патрисия встретила без особого энтузиазма. Но Дин ее успокоил: мол, ты можешь не выходить к нему и спокойно спать. Но Патрисия, секунду помедлив, все же поднялась с постели.

– Это неприлично, когда хозяйка в доме, а гостя встречает один хозяин, – сказала она.

Дин ничего не сказал жене, но мысленно поблагодарил ее за благородство.

Гости пришли примерно через час. Первым в дом вошел Хавьер, а следом за ним и гость – мужчина с седыми волосами и в очках. Протягивая хозяевам руку, мужчина представился:

– Рамон Бенитес, уругвайский коммерсант.

Сказав это, мужчина внезапно закашлялся и тут же поспешил достать из кармана своего пиджака носовой платок. По этому сильному кашлю Патрисия сразу определила, что у гостя астма.

– Одним платком здесь не поможешь, – сказала Патрисия и ушла в комнату.

Она вернулась спустя минуту и протянула гостю лекарство, снимающее приступы астмы.

Принимая его, гость спросил:

– Вы доктор?

– Домашний, – улыбнулась Патрисия.

– Спасибо, сеньора, – поблагодарил хозяйку гость, после чего предложил: – В знак благодарности я готов разделить с вами ваши хлопоты и помочь вам приготовить ужин. Что вы стряпаете?

– Пиццу.

– Прекрасно. Я знаю рецепт неаполитанских спагетти, которые, уверен, вам понравятся.

Куда идти?

Вместо ответа Патрисия развернулась и первой отправилась на кухню. Гость прошел следом. Когда они скрылись, Хавьер засобирався в обратный путь. Но прежде чем уйти, он решил открыться Дину. Когда они вышли на улицу и Дин прикрыл за собой дверь, Хавьер сказал:

– Я знаю, Дин, что ты надежный человек, иначе не привел бы к тебе этого человека. Ты его прекрасно знаешь, но тебя ввела в заблуждение его внешность. Но это обычные чудеса гримерного искусства.

– Ты меня заинтриговал, – честно признался Дин.

– Я сам был заинтригован, когда узнал, кого мне предстоит сопровождать. Этот человек – Че Гевара.

– Эрнесто? – вскрикнул от удивления Дин.

– Тише! – воскликнул в ответ Хавьер и даже непроизвольно прикрыл рот друга ладонью. Я сообщил это тебе не для того, чтобы ты разбудил пол-улицы. Просто с моей стороны было бы не по-дружески оставлять тебя в неведении. Повторяю, мы верим тебе и надеемся, что ты сделаешь все возможное, чтобы команданте было у тебя уютно и спокойно. А завтра утром я заберу его.

Дин был потрясен этим сообщением. Шутка ли: в его доме остановился сам Эрнесто Че Гевара – легендарный команданте, соратник самого Фиделя Кастро! Как и большинство латиноамериканцев, Дин преклонялся перед этими людьми, не только не побоявшимся бросить вызов Америке, но и претворившими свои революционные идеи в жизнь.

Из различных источников Дин хорошо знал биографию Гевары. И эта биография его пленила. Гевара был на десять лет старше Дина и по профессии был врачом – он окончил медицинский факультет Национального университета. Еще в ранней молодости увлекся левыми идеями и вместе со своим отцом состоял в подпольной организации, а потом принял участие в гватемальской революции. Летом **1955 года**, когда Гевара с женой жил в Мексике, судьба свела его с Раулем Кастро – младшим братом Фиделя Кастро (в Мехико и находился штаб фиделистов). Чуть позже Рауль сообщил брату о знакомстве с молодым аргентинским врачом, защищавшим гватемальскую революцию, и посоветовал с ним встретиться. Эта встреча произошла в Мехико, в доме 49 по улице Эмпаран. Во время той встречи Гевара произвел на Фиделя прекрасное впечатление. Чуть позднее лидер кубинской революции скажет, что в тот период Гевара «имел более зрелые по сравнению со мной революционные идеи. В идеологическом, теоретическом плане он был более подкован. По сравнению со мной он был более передовым революционером».

Спустя год – в **декабре 1956 года** – Гевара и Фидель с группой бойцов предприняли попытку вооруженного проникновения на Кубу, высадившись на шхуне «Гранма». Однако спецслужбы диктатора Батисты разгромили повстанцев: из 80 человек погибла половина, 20 человек были арестованы. Геваре и Фиделю удалось спастись с небольшой группой бойцов.

Эта неудача не испугала революционеров, и они, собравшись с силами, продолжили свою борьбу. Гевара участвовал в нескольких сражениях в кубинской провинции Сьерра-Маэстра и дважды был ранен: в шею и ногу. В конце концов усилия повстанцев не прошли даром: **1 января 1959 года** режим Батисты был свергнут. Премьер-министром страны стал Фидель Кастро, его брат Рауль возглавил Повстанческую армию, а Гевара сел в кресло президента Национального банка. Назначая его на эту должность, Фидель заметил: «Я тебе доверяю ключевую должность в кубинской экономике, потому что неограниченно верю тебе, Че...»

Между тем на Геваре была не только экономика – он продолжал оставаться одним из главных идеологов нового режима (в свое время он руководил идейно-воспитательной работой в среде повстанцев). Правда, на некоторые вещи их взгляды с Фиделем расходились. Например, Гевара считал, что нельзя безрассудно бросаться в объятия коммунистической Москвы, а нужно уметь отстаивать собственное мнение, даже если оно не нравится русским. По словам Гевары: «Нет, я не ортодоксальный марксист: предпочитаю определять себя как революционного прагматика. Мне нравится анализировать факты по мере их появления. Я не сторонник жестких схем...» Фидель же считал, что Москва – единственный союзник Кубы на данном этапе, поэтому критиковать какие-то ее неверные методы неразумно. «Можно и промолчать», – говорил Фидель. Но Гевара всегда говорил то, что думал. Однако в спорах с Фиделем ему не всегда удавалось отстоять свою точку зрения. Так, в ноябре 1960 года он участвовал в совещании 81 компартии в Москве и позволил себе заявить, что к Заявлению, принятому там (в нем шла речь и о поддержке кубинской революции), их делегация отношения не имеет, но всем сердцем его поддерживает. Фиделю это высказывание крайне не понравилось, и он потребовал от Гевары его дезавуировать. Что Гевара и сделал, публично заявив, что переводчик неправильно перевел его слова: мол, он имел в виду не все Заявление, а только то место, где речь шла о кубинской революции.

Гевара несколько раз был в Москве, и увиденное там ему не очень понравилось. Особенно в части того, как живет тамошняя партийная и хозяйственная элита. Все эти представительские лимузины «Чайка», спецраспределители для номенклатуры, дачи за высокими заборами шли вразрез с его понятиями о справедливом обществе. Он считал, что элита не должна жить лучше своего народа. Тем более элита первой в мире страны, где победил социализм. Вот почему на Кубе он проводил совсем другую политику. Именно Гевара был инициатором того, что вся революционная элита Кубы не только декларировала свою близость с народом, но и на деле доказывала это.

На острове в те годы не было никаких специальных распределителей для номенклатуры, и она испытывала те же тяготы, что и простой народ (например, отоваривалась в обычных магазинах). А по выходным все кубинские руководители в качестве добровольцев шли на плантации сахарного тростника или в порт, где вкалывали наравне со всеми: рубили мачете тростник или разгружали сухогрузы. Причем Гевара не делал для себя никаких скидок, хотя с детства страдал приступами астмы. А когда Гевару наградили профсоюзной медалью «Ударник добровольного труда», он смущенно сказал журналистам: «Это недоразумение, так как руководители должны без всяких поощрений показывать пример во всем» (эту медаль он потом подарил своей старшей дочери за отличную учебу). В своих публичных выступлениях Гевара призывал руководителей проявлять «скромность, простоту и правдолюбие; не считать себя единственными обладателями истины; постоянно учиться и правильно воспринимать критику: правда не бывает плохой. Не соблюдающего всего этого руководителя надо просто прогонять».

На посту президента Национального банка Гевара пробыл всего четыре месяца, после чего занял кресло министра промышленности. На новое место работы он пришел с тем же энтузиазмом, что и на предыдущее. Но этот энтузиазм постепенно улетучился. И хотя уже в первый год работы Гевары на этом посту промышленное производство на Кубе выросло в сравнении с предыдущим годом на 6 процентов, однако полного удовлетворения от этого Гевара не испытывал. Как скажет чуть позже Ф. Кастро: «Порою Че чувствовал себя неудачником в этот период, полный неопределенности и ошибок, когда в стране возобладали некоторые критерии, подходы и пороки в социалистическом строительстве. Все это стало причиной глубоких и ужасных огорчений для Че, так как являлось отрицанием идей, революционного мышления, стиля, духа и примера Че».

Чем больше Гевара занимал руководящее кресло, тем отчетливее он понимал, что многие его порывы не находят должного воплощения. Взять ту же идею о воспитании руководителя нового типа. На Кубе происходило то же самое, что и у «старшего брата», в СССР: создание номенклатурной касты, которая все сильнее и сильнее дистанцируется от народа. Как заметит один кубинский поэт: «Этот Человек с большой буквы (Гевара. – Ф. Р.) является нашей гордостью, но и нашим стыдом, так как каждое мгновение он напоминает, каким может быть человек и какими мы все являемся».

Поскольку Гевара продолжал открыто говорить то, что он думает, отношение к нему советских руководителей окончательно испортилось. Но Гевара уже мало обращал на это внимание. В **феврале 1965 года** на совещании в Алжире он заявил следующее: «Не может быть социализма без такого изменения в сознании, которое бы привело к новому, братскому отношению к человечеству, как, например, в отношении всех народов мира, страдающих от империалистического гнета, а не к разглагольствованиям о взаимовыгодной торговле. Если дело ограничится последними, то можно будет утверждать, в известном смысле, что соцстраны – соучастники империалистической эксплуатации».

Еще больше обострила неприязнь Москвы к команданте Че его поездка в Китай, который Советский Союз считал своим врагом № 2 (после США). Гевара отправился туда просить китайское руководство помочь ему оружием, чтобы разжечь пожар партизанской войны в одной из латиноамериканских стран. Но китайцы ему отказали.

Определив местом своей партизанской войны Боливию, Гевара написал своему другу Фиделю прощальное письмо. В нем он так объяснил свое решение покинуть остров Свободы: «Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставанья...»

Кубу Гевара покинул в начале 1966 года. Он собирался под разными именами и с измененной внешностью посетить несколько латиноамериканских стран. И первой в этом списке стояла его родная Аргентина. Гевара приехал туда в начале марта и должен был пробыть около

двадцати дней. Большую часть времени он собирался провести в провинции Кордоба, но обошлось и без посещения столицы. Именно во время этого краткосрочного визита Гевара и заехал к Дину Риду. Этого человека команданте знал исключительно заочно – по его пластинкам и телевизионной передаче. И был сильно удивлен, когда аргентинские товарищи сообщили ему, что Рид – их активный помощник. Узнав об этом, Гевара решил навестить Рида в его доме.

Проводив Хавьера, Дин вернулся в дом и заглянул на кухню. Увиденная им там картина его умилила: Патрисия скромно стояла в сторонке, а почетный гость показывал ей, как надо делать неаполитанскую пиццу. Процесс к тому времени двигался к своему завершению, поэтому спустя несколько минут все трое уже сидели за столом в большой комнате. К пицце хозяйка хотела подать мексиканскую водку мецкаль, но гость внезапно отказался от спиртного и попросил поставить на стол более простой напиток – зеленый чай матэ, сказав, что он помогает ему перенести приступы удушья. Услышав это, Патрисия поинтересовалась:

– Давно у вас эта болезнь?

– Мне было всего два года, когда родители взяли меня купаться в открытом бассейне, – отпивая из чашки горячий чай, начал свой рассказ гость. – Я хорошо запомнил этот день – **2 мая 1930 года**. День выдался холодным, но родителей это не испугало. Буквально на следующий день я стал сильно кашлять. Мать тут же повела меня к врачу, который определил астму. Вскоре по его же совету мы переехали поближе к горам – в Кордобу.

– Но как же вы можете ходить без ингалятора? – вновь спросила Патрисия.

– А я и не хожу, – засмеялся гость. – Просто я забыл его у друзей, когда собирался к вам. Со мной это иногда случается. Однажды я чуть не умер из-за этого. Мы путешествовали с моим другом по Аргентине, и у меня начался приступ на теплоходе во время прогулки по палубе. А ингалятор был в сумке. По счастью, мой друг оказался расторопным малым и сумел не только найти ингалятор, но и быстро принести его мне.

Все это время Дин молчал, потягивая свой чай и внимательно разглядывая гостя. И постоянно ловил себя на мысли, что сидящий перед ним человек ни одной черточкой своего лица не похож на того Че Гевару, которого Дин неоднократно видел по телевизору и знал по фотографиям в газетах. Видно, человек, который колдовал над обликом команданте, был настоящим виртуозом своего дела. «Да, сильно бы удивилась Пэтси, если бы внезапно узнала, кто сидит перед ней и выдает себя за уругвайского коммерсанта», – думал Дин, слушая, как Патрисия мучает гостя очередным своим вопросом.

Посидев еще какое-то время с мужчинами, Патрисия затем засобиралась спать. Едва она удалилась, гость спросил у собеседника начистоту, как привык это делать всегда:

– Судя по тому, как вы внимательно меня разглядывали, Хавьер сообщил вам мое настоящее имя?

– Да, команданте, – честно ответил Дин.

– Ну что ж, это к лучшему – не надо будет юлить. – Сказав это, Гевара допил свой чай и отставил чашку в сторону. После чего продолжил: – Я много слышал о вас, компаньеро, потому и решил посетить ваш дом. Хотя были люди, которые отговаривали меня от этого.

– Почему? – удивился Дин.

– А разве вам неизвестно отношение здешних коммунистов к Фиделю Кастро и его соратникам?

Действительно, Дин знал, что аргентинская компартия скептически относилась к революционной Кубе, считая ее путь вооруженного противостояния Америке не самым лучшим. Но он знал также, что в отличие от своих старших товарищей Коммунистическая федерация молодежи считала иначе и для нее кубинские революционеры были настоящими кумирами. Очевидно, кто-то из них и организовал приезд Гевары в Аргентину.

– Но вы ведь знали, что я тесно общаюсь с местными коммунистами? – после короткой паузы спросил Дин.

– Конечно, знал. Но ведь у вас иное отношение к кубинским событиям. Разве не так?

– Так, – подтвердил Дин.

– Значит, в вашем пацифистском мировоззрении что-то произошло? Значит, вы поняли, что справедливые освободительные войны все-таки существуют?

– Выходит, что так, – улыбнулся Дин.

– Вот этим, компаньеро, вы мне и интересны. Мы ведь с вами чем-то похожи. Вы тоже вышли из благополучной семьи, но не испугались поставить на кон свое сытое будущее и хороший достаток. В вас так же, как и в меня, уже стреляли и так же, как меня, избивали в тюрьме. К тому же у вас такая звонкая и ко многому обязывающая фамилия – Рид.

Последняя фраза гостя заставила Дина вновь улыбнуться.

– Да, в последнее время меня все чаще сравнивают с Джоном, хотя мне до него еще далеко, – сказал Дин.

– Это не главное, – возразил Гевара. – Мне тоже далеко до моих кумиров – Симона Боливара, Хосе Марти или Хосе Карлоса Мариатеги, но я выбрал их дорогу и буду идти по ней до конца. Моя мечта – сделать не только мою родину, но и всю Латинскую Америку национально независимой. Сколько можно гнуть спину на чужого дядю? Ведь тот уровень благосостояния, который имеет та же Америка, стал возможен именно потому, что она нещадно эксплуатирует другие народы. Вспомните, когда в прошлом веке в Америке возникла нехватка рабочей силы для возделывания земель, откуда была завезена рабочая сила? Из Африки! Миллионы молодых африканцев были обращены в рабство и привезены в Америку, чтобы своим потом и кровью создать величие этой страны. И что получили взамен эти люди? Пули и плети надсмотрщиков. Поэтому я полностью согласен с тем историком, который писал, что «капитализм является порождением неравенства в мире и он не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда».

– Как зовут этого историка? – поинтересовался Дин.

– Бродель. Запомните это имя и обязательно почитайте его труды. Впрочем, читать надо не только его, но и Маркса, Ленина, Леви-Стросса, которые тоже писали, что Запад построил себя из материала колоний. Вот сейчас Америка озабочена созданием «межамериканских вооруженных сил». Вот скажите мне, компаньеро, для чего нужны такие силы?

– Я думаю, это то же НАТО, только для Латинской Америки, – ответил Дин.

– Правильно мыслите. Они создали Организацию американских государств со штаб-квартирой в Вашингтоне, теперь собираются создать здешнее НАТО. Они не смогли в одиночку справиться с Кубой и теперь вынашивают планы задушить ее руками латиноамериканцев. Но по какому праву Америка вообще претендует на господство над этим континентом? Вы задумывались над этим?

– Наверное, это ближе, – предположил Дин, который до этого ни разу об этом не думал.

– Ерунда, – отмахнулся Гевара. – Огромная часть Латинской Америки расположена в южном полушарии, и расстояние по прямой от Нью-Йорка до Буэнос-Айреса такое же, как, к примеру, от Осло до Дели, а путь из Сан-Франциско до чилийского Пунта-Аренаса в полтора раза длиннее, чем в Иокोगаму. Да что там говорить: Бразилия значительно ближе к побережью Африки, чем к побережью США. Так что дело здесь не в расстоянии.

Вот вы, компаньеро, учились в американской школе. Как характеризовалась в ваших учебниках политика Америки в отношении европейских и других стран?

– Политика изоляционизма, – практически с ходу ответил Дин, который всегда имел по этому предмету хорошие оценки.

– А в чем заключалась эта политика? – продолжал допытываться Гевара.

Дин на несколько секунд задумался, после чего ответил:

– Америка до Первой мировой войны не участвовала в европейских войнах и до Второй мировой войны не вступала в союз с какой-либо европейской державой.

– Я вижу, компаньеро, что вы хорошо учились в школе, – похвалил собеседника Гевара. – Но как тогда объяснить, что в эти же годы Америка только в одну Латинскую Америку вторглась порядка шестидесяти раз? Это что, изоляционизм? Вспомните Мексику, от которой Америка отторгла почти половину территории, оккупировала ее столицу, однако поставить ее на колени так и не смогла, о чем хорошо написал ваш тезка и земляк Джон Рид. Но почему мексиканцы так упорно сопротивлялись? Потому что понимали, что Америка несет им отнюдь не свободу, а кабалу. Это было понятно тогда, понятно и сейчас.

Почему, например, сегодняшний латиноамериканец имеет доход в девять раз меньше, чем гражданин США? А ведь здешний житель работает не меньше американского, да еще поставляет Штатам сырье: нефть, медь, золото, руду, никель и так далее. Вот вы, я слышал, недавно были в Венесуэле и наверняка обратили внимание на то, что нефть оттуда вывозят в основном американцы и англичане. А вы знаете, что в этой самой богатой по части нефти стране всего лишь одна, подчеркиваю, одна венесуэльская нефтяная компания. Причем она появилась каких-нибудь пять лет назад, то есть через сорок лет после того, как нефть Венесуэлы заняла такое важное место в мировой добыче. Это компания «Венесуэла петролеум корпорейшн». Так вот, из всей добываемой нефти в Венесуэле лишь пять процентов потребляется внутри страны, и на долю этой компании приходится ничтожные семь сотых процента. И эта цифра вполне устраивает иностранных хозяев.

К этому моменту Гевара так распалился, что его голос буквально звенел под сводами жилища Рида. А поскольку Дин был целиком и полностью согласен с выводами гостя, он сделал пусть робкую, но все же попытку объяснить ему это.

– Вы зря пытаетесь убедить меня, компаньеро, что Америка играет в мире роль мирового жандарма и эксплуататора, – сказал Дин. – Я и сам это давно понял.

Гевара в ответ улыбнулся и похлопал Дина по плечу:

– Действительно, я несколько увлекся. Это во мне проснулся пропагандист: я ведь в отрядах барбудос отвечал за идеологию.

Сказав это, Гевара отрезал от уже остывшей пиццы маленький кусок и отправил его себе в рот. Затем, прожевав пиццу, продолжил:

– Вы ведь, компаньеро, и в Москве тоже успели побывать?

– Да, в прошлом году.

– Ну, и каковы впечатления?

– Они не слишком глубокие, поскольку я пробыл там всего лишь пару дней. Но мне там понравилось. Я почувствовал, что люди там очень доброжелательные и совсем не агрессивные. И то, что пишут про них в американских газетах, – по большей части вранье.

– Да, русские – хорошие люди, – согласился с Дином гость. – Но они, мне кажется, самоуспокоились. А это опасно.

Дин бросил удивленный взгляд на гостя. Поймав этот взгляд, Гевара пояснил:

– В этом году они отмечают двадцать лет своей победы над фашизмом, и у этого поколения еще есть запас прочности. Но у следующего поколения его уже может не быть. В этом отношении Кубе легче: враг всего в 90 милях от нее, что не позволяет расслабляться.

– А я однажды слышал мнение, что Кубу может погубить другое чувство: разочарование, – сказал Дин. – Что построить справедливое общество им не удастся, и это приведет к катастрофе.

– Кто это вам сказал? – поинтересовался Гевара.

– Кстати, ваш знакомый – Рикардо Мартин. Он учился с вами в Национальном университете и даже входил в какую-то подпольную группу.

Гевара на несколько секунд ушел в себя, однако вспомнить упомянутого человека так и не сумел.

– Это имя мне ни о чем не говорит, – пожал плечами Гевара. – Хотя я не исключаю того, что этот человек находился где-то поблизости со мной и помнит меня молодым. А где вы с ним познакомились?

– В тюрьме. Он сейчас работает начальником «Вила Давото».

Гевара в ответ присвистнул от удивления:

– Ну что же, если грешным делом угожу в эту тюрьму, буду требовать себе поблажек. А по поводу его заявления скажу так: я верю Фиделю и даже мысли не допускаю, что он оторвется от своего народа. Не скрою, когда мы только замыслили революцию, я ему не сильно доверял. Но прожив и проработав с ним несколько лет, понял – это настоящий революционер. И пока жив он и его соратники, кубинцев разочарование не постигнет.

Сказав это, Гевара замолчал, пытаясь совладать с одышкой. Пауза длилась около минуты, после чего гость заговорил снова:

– По вашему смущенному взгляду, компаньеро, я догадался о ваших мыслях. Вам наверняка интересно, почему это я, так восторженно говоря о Кубе, уехал оттуда и не хочу возвращаться. Я ведь угадал?

Дин не стал ничего отвечать, только кивнул в знак согласия.

– Этот вопрос мне мало кто задает, но я чувствую, что все об этом думают. А отвечать каждому я не хочу, да и не имею права. И вам, компаньеро, я отвечу коротко: я не хочу подставлять Фиделя в его отношениях с Москвой. Я хорошо отношусь к советским людям, но люди в Кремле мне несимпатичны. Они превратились в этаких всезнающих снобов, которые думают, что только им одним известна истина. Они твердят о победе коммунизма, а сами закупают зерно у американцев, своих злейших врагов. И страны с нарождающейся демократией для них такое же пушечное мясо, как и для американцев. Карибский кризис это хорошо высветил: там Куба стала для Советов всего лишь разменной монетой в их противостоянии с Америкой. Свои отношения со многими слаборазвитыми странами Кремль не увязывает с революционными целями и думает только о своей выгоде. А Советский Союз и его союзники обязаны идти на убытки и не рассчитывать на возврат своих вложений. Они не понимают, что освобождение от империализма должно чего-то стоить социалистическому лагерю. В противном случае они в определенном смысле становятся соучастниками империалистической эксплуатации.

Так за разговорами мужчины не заметили, как наступило утро. А едва взошло солнце, как в дверь тихонько постучали. Это был Хавьер. Патрисиа еще спала, но Гевара попросил Дина не будить ее и на словах передать его искреннюю благодарность за гостеприимство.

– А вам, компаньеро, я желаю никогда не сгибаться под напором обстоятельств, – сказал Гевара, пожимая на прощание руку Дину. – Имейте в виду, дальше будет еще труднее. Если выдержите – значит, это наше рукопожатие не последнее.

Гевара и Хавьер уже давно скрылись в предрассветной дымке, а Дин все еще стоял у раскрытой двери и размышлял о событиях минувшей ночи. Несмотря на то что его рука все еще хранила силу рукопожатия Че Гевары, разум никак не мог свыкнуться с мыслью, что этот легендарный человек был в его доме, сидел с ним за одним столом и разговаривал как с равным. И даже напутствовал его на будущее. Каким будет это будущее, Дин, естественно, не знал. Как не знал его и Че Гевара, которого впереди ждала партизанская борьба в Боливии и гибель от пуль местных командос.

Тем временем к лету **1966 года** обстановка в Аргентине становилась все более тревожной. В воздухе вновь запахло военным переворотом, причем теперь ситуация выглядела гораздо серьезнее, чем это было в конце прошлого года. Тогда военным так и не удалось перетянуть на свою сторону большинство перонистских лидеров, поскольку те продолжали доверять правительству. Однако теперь от этого доверия уже не осталось и следа. Перонисты, обиженные тем, что их так и не допустили до командных высот в руководстве страной и продолжают

игнорировать их призывы вернуть в страну Перона, готовы были пойти на соглашение с кем угодно, хоть с чертом, хоть с дьяволом. И было бы большой глупостью со стороны военных не воспользоваться этой ситуацией.

За всеми этими перипетиями политической жизни страны Дин следил с неослабным вниманием, черпая информацию из самых различных источников: от гостей своего телевизионного шоу, от друзей, наконец, из газет. Однако главные события он узнавал от Варелы, с которым встречался в свободное время в его офисе в Аргентинском совете мира. В один из таких приходов Варела обескуражил Дина неожиданным сообщением о том, что генерал Онгания как частное лицо посетил Бразилию.

– Догадываешься, зачем он туда ездил? – спросил Варела Дина, когда тот сел на свое привычное место – в кресло, напротив его стола.

– Наверное, за опытом, – предположил Дин, который хорошо знал историю недавнего военного переворота в Бразилии.

В сентябре 1961 года к власти в этой стране пришел президент Жоао Гуларт. Он выступил в защиту национальной экономики, за ограничение позиций иностранных компаний и за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. Все эти шаги здорово напугали правые силы и, главное, вашингтонских стратегов из Белого дома. Началась широкая пропагандистская кампания против Гуларта, которого стали обвинять ни много ни мало в коммунистическом заговоре и установлении синдикалистского социалистического режима. А Гуларт, вместо того чтобы спокойно оценить ситуацию и приступить к осуществлению своих реформ постепенно, запаниковал и наделал массу ошибок. Например, не смог договориться с коммунистами, и те стали форсировать развитие событий: объявили стачечную борьбу, стали перетягивать на свою сторону военных. Растерянность президента народу не понравилась, и когда в конце **марта 1964 года** в стране грянул военный мятеж, подавляющая часть населения встретила его с восторгом, увидев в нем единственную возможность предотвратить надвигающийся хаос в стране. Гуларт бежал в Уругвай, а к власти в Бразилии пришел маршал У. Кастело Бранко. Именно к нему и летал Онгания, явно надеясь набраться опыта в предстоящей ему в ближайшее время борьбе за власть.

– Я надеюсь, вы не станете повторять ошибки своих бразильских товарищей и рыть яму президенту Ильиа, – сказал Дин, глядя на то, как Варела заботливо поливает цветок на своем подоконнике.

– Если бы дело было только в нас, – усмехнулся в ответ Варела. – Перонисты назначили 7 июня всеобщую забастовку, и я боюсь, что это может окончательно взорвать обстановку.

– Значит, все уже предрешено? – спросил Дин.

– Думаю, что да. Ильиа может спасти только чудо.

Сказав это, Варела отставил в сторону лейку и вернулся в свое кресло. После чего сказал:

– В середине июня я вылетаю в Женеву на сессию Всемирного совета мира и предлагаю тебе лететь со мной. Там будет принято важное решение – изберут нового генерального секретаря ВСМ.

– И кто же это? – поинтересовался Дин.

– Ромеш Чандра. Помнишь, он подходил к нам в Хельсинки, когда мы разговаривали с Сикейросом?

Дин на несколько секунд ушел в себя, вспоминая события прошлогодней давности. И тут же перед его глазами всплыл образ чернявого индуса в строгом темном костюме со значком ВСМ на лацкане. Он подошел к ним в холле Дворца культуры, чтобы поблагодарить Сикейроса за его творчество и пригласить на какую-то выставку, проводимую в рамках сессии ВСМ.

– Кажется, он индеец? – вновь заговорил Дин после некоторой паузы.

– Да, родом из Лахора, – кивнул Варела. – Окончил Кембриджский университет, в 39-м вступил в ряды компартии. Долгое время работал в ведущих коммунистических газетах

страны, а в начале 50-х вошел в Центральный комитет индийской компартии. В 52-м его избрали генеральным секретарем Всеиндийского совета мира. Два года назад ВСМ наградил его золотой медалью имени Жолио-Кюри. Я думаю, что избрание Чандры главой Совета мира разумный шаг: на повестке дня реально встает вопрос о включении в сферу нашей деятельности стран третьего мира. Тем более что Москва после разрыва с Китаем именно Индию рассматривает как своего главного партнера в Южной Азии.

– Так бы сразу и сказал, что Чандру выдвигает Москва, – улыбнулся Дин.

– А ты как будто сам не догадался, – съязвил в ответ Варела. – Ну так что, согласен слетать в Женеву? Можешь и Патрисию с собой прихватить.

– Она не сможет.

– Почему? – удивился Варела. – Не хочет полюбоваться красотами Женевского озера?

– Нет, она не против красот, но... – Тут Дин на секунду запнулся, после чего закончил фразу: – Она беременна.

– И давно?

– Всего несколько недель, но это роли не играет: она плохо переносит авиаперелеты.

– В таком случае полетишь без нее. Тем более что поездка непродолжительная – всего три-четыре дня.

Когда Патрисию узнала о том, что Дин собирается съездить в Женеву, она, конечно, расстроилась. Однако переубедить мужа не стала: знала, что это бесполезно. Но одно ее беспокоило несомненно: что политика все сильнее и сильнее затягивала Дина в свои объятия. Иной раз с ним и поговорить было не о чем, кроме как о ней. Когда Дин вечером возвращался с работы, он вываливал на жену такой поток информации о политических событиях в стране и мире, что у нее от этого в ушах звенело. А в голове потом была такая мешанина из имен и фамилий разных политических деятелей, что она невольно думала: еще немного, и она свихнется. А Дина, наоборот, вся эта информация возбуждала, приводила в состояние эйфории. Однажды Патрисию обронила:

– Твои речи о политике могут плохо сказаться на нашем будущем ребенке. Ты бы лучше взял гитару и спел: все-таки для девочки полезнее слушать хорошую музыку, чем речи про дебаты в парламенте и возможность военного переворота.

– А кто тебе сказал, что у нас будет девочка? – искренне удивился Дин. – У нас будет мальчик и только мальчик. Мне нужен наследник, который станет мне другом и помощником в поисках справедливости. И понять он это должен, находясь еще в утробе своей матери. Ведь правда, сын, ты будешь мне помощником?

Сказав это, Дин припал к еще не округлившемуся животу жены и приложил к нему ухо. Патрисию в ответ засмеялась и, сжав голову мужа в своих ладонях, долго не отпускала его от себя. В такие мгновения она испытывала к Дину сильнейший прилив нежности и с болью в душе думала, что таких приливов в их отношениях становится все меньше и меньше.

До отъезда Дина в Женеву оставалось несколько дней, когда ситуация в стране стала стремительно накаляться. **7 июня** ВКТ провела очередную всеобщую забастовку, в которой приняло участие более 4 миллионов человек. Однако президент и правительство не собирались идти ни на какие серьезные уступки. Более того, президент Ильиа даже делал демонстративные шаги, которые должны были показать его недоброжелателям, что он их не боится и не собирается сворачивать с избранного пути. Так, **8 июня** новый посол Советского Союза в Аргентине Юрий Вольский вручил верительные грамоты и личное послание председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина президенту Аргентины, и два дня спустя текст этого послания был опубликован на страницах газеты «Пренса». В документе указывалось, что хотя системы у двух стран разные, но интересы общие: упрочение всеобщего мира, обеспечение невмешательства во внутренние дела государств, прекращение гонки вооружений, оконча-

тельная ликвидация колониальной системы. Когда Дин читал текст послания в своем кабинете в телецентре, он был готов подписаться под каждым из этих пунктов. Однако в то же время он понимал, что этот документ становится главным аргументом в борьбе оппозиции с действующим президентом: после него никаких попыток примирения между враждующими сторонами уже быть не могло. Как говорится, ставки сделаны, господа!

12 июня, в тревожное для Аргентины время, Дин в компании Варелы и еще нескольких человек из Аргентинского совета мира улетел в Женеву. На следующий день там открылась сессия ВСМ, которая стала эпохальной: на ней был избран новый генеральный секретарь этой организации – 47-летний Ромеш Чандра. Кроме этого был расширен Президиум ВСМ: вместо прежних 6 человек в нем теперь стало заседать 13.

Вечером **16 июня** Дин с товарищами вернулись в Аргентину, а два дня спустя там произошли события, которые стали катализатором всего, что случится вскоре. В тот день **18 июня** командующий сухопутными войсками генерал Паскуаль Пистарини направил государственному секретарю по армии генералу Рамону Кастро Санчесу список из 10 требований, выдвинутых оппозицией. В число этих требований входили: проведение радикальных экономических реформ, усиление репрессий против врагов режима – коммунистов и перонистов.

В тот же день был нанесен сильный удар по коммунистам: судья избирательного трибунала Аргентины, ссылаясь на статус политических партий, отказал компартии в праве юридического лица для осуществления нормальной деятельности как в Буэнос-Айресе, так и по всей стране под предлогом, что она «не уважает демократические постулаты».

Как и следовало ожидать, президент Илья проигнорировал требования военных, более того – решил дать им бой. В ночь на **28 июня** президент объявил об отставке Пистарини. Тот в ответ поднял мятеж, который поддержала значительная часть вооруженных сил страны. В течение последующих нескольких часов войска мятежников захватили все ключевые объекты: почтамт, здание телефонной станции, правительственные теле- и радиостанцию, здание Национального конгресса. Была взята в кольцо резиденция президента – Каса Росада (Розовый дворец) на площади Пласа-де-Майо. Илья приказал верным ему частям гренадеров защищать дворец, однако силы были неравны. Да и сам президент остался в одиночестве – вице-президент Карлос Перетте той же ночью сбежал в Уругвай. В такой ситуации, понимая, что сопротивление может привести только к лишнему кровопролитию, Илья сложил с себя полномочия президента. Спустя несколько часов мятежники объявили имя нового руководителя страны, которое, впрочем, ни для кого не было секретом – генерал Хуан Карлос Онгания. Он объявил о планах нового руководства на ближайшее время, среди которых значились: запрет на забастовки, роспуск партий, Национального конгресса, Верховного суда. Все то же самое, что было в Бразилии после свержения там президента Жоао Гуларта. Так что получалось, что Онгания съездил в Бразилию не без пользы.

После переворота Дин прекрасно понимал, что дни его в Аргентине сочтены. Нет, они с Патрисией, конечно, могли остаться жить здесь и дальше, однако полноценной эту жизнь уже назвать было бы нельзя. Если год назад, еще при Илье, их едва не убили в собственном доме, то теперь за их жизнь никто бы не дал и ломаного гроша. Может быть, будь он один, Дин и принял бы брошенный ему вызов, уйдя вместе с коммунистами в глухое подполье, однако ему надлежало теперь думать не о себе, а о Патрисии и их будущем ребенке. Поэтому, когда сразу после переворота Дин получил приглашение прибыть в американское посольство, он прекрасно знал, о чем с ним там будут говорить и какой ответ он им даст.

Помощник посла принял его вежливо, но это была деланая вежливость – посла выдавали его холодные глаза и еле уловимая усмешка в уголках губ. Он даже не пригласил Дина сесть, а прямо с порога объявил ему, что им с женой лучше покинуть страну.

– Американское правительство снимает с себя всякую ответственность за вашу дальнейшую судьбу, мистер Рид, – сказал посол, восседая в кресле. – Если с вами что-то случится, это будет ваша собственная вина.

– Это все, что вы хотели мне сказать? – спросил Дин.

– Да, не более того, – развел руками посол. – Разве что могу дать еще один совет: на родину вам тоже лучше не возвращаться. Ваша карьера там вряд ли продолжится.

– Ваш совет лишний: я привык устраивать свою судьбу без чьих-либо советов, – ответил Дин, после чего поспешил покинуть негостеприимный кабинет.

В тот же день они с Патрисией стали думать, куда им лучше всего уехать. Пэтси хотела вернуться на родину, к маме, но Дин сумел убедить ее, что это не лучший вариант, рассказав о разговоре с послом.

– В Америке наша жизнь обещает быть не лучше, чем здесь, при теперешнем режиме, – сказал Дин.

– Но это только в том случае, если ты не бросишь заниматься политикой, – попробовала уговорить мужа Патрисия. – Подумай о нашем ребенке, Дин.

– Пэтси, мы уже с тобой об этом неоднократно говорили, но ты снова и снова заводишь этот разговор, – в порыве раздражения Дин вскочил из-за стола. – И прошу тебя, не надо каждый раз поминать нашего ребенка! Я хочу его рождения не меньше, чем ты, и люблю его так же сильно, как и ты. Но если я соглашусь с твоим условием, будет еще хуже. Как ты себе представляешь мою жизнь без политики? Я стану добропорядочным фермером или буду брэнчать на гитаре в каком-нибудь захолустном городишке? Меня уже не изменить, понимаешь? Если я изменюсь, то наши хорошие отношения тоже мгновенно закончатся.

– Мне кажется, они и без этого уже заканчиваются, – ответила Патрисия, еле сдерживая себя, чтобы не разрыдаться.

Увидев в глазах жены слезы, Дин прекратил нервно ходить по комнате и бросился к Патрисии. Заключив ее в свои объятия, он стал осыпать ее лицо поцелуями.

– Ну, успокойся, милая, – шептал Дин в паузах между ласками. – Политика – это такая же работа, как и любая другая. Не спорю, работа опасная, но не более, чем те же съемки в кино. Вспомни нашего знакомого – актера Вернона. Он снимался в вестерне, упал с лошади и сломал себе позвоночник. А я до сих пор жив и здоров. И даже сделал тебе ребенка.

Своего Дин добился: после этих слов Патрисия улыбнулась.

– Ты опять сводишь наш разговор к шутке, – сказала она, когда Дин прекратил ее целовать и вернулся за стол.

– Потому что я знаю, что только так тебя можно отвлечь от дурных мыслей, – ответил Дин. – А пока ты плачешь, нам ни за что не сдвинуться с места и не решить, куда нам лучше уехать. Я предлагаю Испанию. Во-первых, это Европа, во-вторых – мы оба знаем испанский язык и, наконец, в-третьих – у меня там есть друзья.

– Но там же у власти Франко, – попробовала возразить Патрисия.

– Да, Франко, но он уже старик и, говорят, сильно болен. Так что его нам бояться не стоит. К тому же сейчас там начинаются демократические реформы. В апреле даже приняли новый закон о печати, который отменяет цензуру, существующую еще с конца 30-х годов.

Сказав это, Дин многозначительно взглянул на жену. Та же, встретившись с ним взглядом, вновь улыбнулась. Слезы на ее глазах уже просохли, и эта улыбка стала лучшим подтверждением того, что недавняя ссора уже забыта и аргументы мужа оказались сильнее ее аргументов.

Дин и Патрисия уезжали из Буэнос-Айреса в один из жарких **июльских** дней 66-го. Новые власти сделали все возможное, чтобы этот отъезд не вызвал массового ажиотажа среди портьенос – в большинстве газет об этом не было сказано ни слова. Однако скрыть это событие

все равно не удалось, поскольку и сам Дин не молчал, да и его друзья с телевидения постарались, чтобы люди не остались в неведении. В результате уже за несколько часов до отъезда Дина и Патрисии в местном порту собралась многотысячная толпа людей (в газетах позже напишут, что пришло 22 тысячи человек), которые хотели, во-первых, достойно проводить своего кумира, во-вторых – показать новым властям, что не все жители столицы боятся выражать свою солидарность с американским певцом-бунтарем. Дин, конечно, был тронут таким искренним выражением любви к своей персоне, однако поблагодарить собравшихся по-человечески не смог – в порт нагнали тучу полицейских, чтобы те не позволили провести стихийный митинг, который грозил перерасти в политическую манифестацию.

Практически сразу, как только Дин и Патрисия приехали в порт, полицейские взяли их в плотное кольцо и повели напрямик к теплоходу. И единственное, что мог сделать Дин в такой ситуации, это выкрикивать слова благодарности людям, которые стояли на значительном отдалении от него. Те в ответ дружно скандировали: «Дин Рид, мы с тобой!»

После того как Дин и Патрисия поднялись на борт и вышли на палубу, чтобы оттуда приветствовать толпу, капитан судна получил команду немедленно отдать швартовы. Спорить с руководством порта капитан не решился, и спустя несколько минут теплоход отчалил от берега. Так завершилась аргентинская эпопея Дина Рида.

Дин и Патрисия приехали в Испанию в самый разгар скандала, который едва не испортил отношения Испании и США. История началась **17 января 1966 года**, когда самолет «В-52» стратегической авиации США с ядерным оружием на борту из-за пожара в одном из моторов взорвался прямо в воздухе над деревней Паломарес. Учитывая, что на борту самолета было четыре бомбы с ядерными зарядами, каждая из которых была в 1250 раз мощнее той, что в 1945 году упала на японский город Хиросиму (погибло свыше 140 тысяч человек), эта ситуация грозила катастрофой мирового масштаба. Спасло чудо: бомбы не были на боевом взводе. Три из них упали на землю, и у двух сработали тротильные заряды, инициирующие при боевой атаке подрыв ядерного материала, но не синхронно, поэтому взрывов не произошло, просто уран и плутоний разметало по окрестностям деревушки. Третья бомба спустилась на землю на парашюте, а четвертую отнесло в море.

Операция по поиску четвертой бомбы длилась три месяца. Все это время испанское правительство и американские военные делали все возможное, чтобы успокоить общественное мнение. Говорилось, что бомбы не представляют собой ничего опасного, что ситуация под контролем. По приказу диктатора Франко министр информации и туризма Испании Мануэль Фрага даже искупался перед телекамерами в море, чтобы на собственном примере показать всем, что все в порядке. Однако многие испанцы не верили в эти заявления.

Тем временем операция по поиску четвертой бомбы продолжалась. Это была самая дорогостоящая операция в истории: США затратили на нее 84 миллиона долларов. Она увенчалась успехом: **7 апреля** руководитель операции контр-адмирал Уильям Гэст объявил, что бомба найдена и обезврежена. На следующий день ее предъявили журналистам. Общественное мнение вроде бы успокоилось. Как выяснится позже, показанная бомба была липовой. На самом деле настоящую бомбу хоть и нашли, но не смогли ее достать – она лежала на самом краю донной расщелины. И только спустя несколько лет, когда был создан специальный аппарат, бомбу удалось наконец поднять на поверхность. Но сделано это было в полной тайне от общественности.

Между тем Дин и Патрисия поселились в Мадриде на квартире, которую для них сняли испанские друзья Дина. Эти же друзья помогли Дину устроиться работать на местное телевидение. Правда, стать автором собственной программы ему не удалось, но он на это, откровенно говоря, и не рассчитывал – здесь он не был в таком фаворе, как в Аргентине. Дин стал трудиться на ниве телевизионного кино и вполне был доволен своим положением – у него и гоно-

рар был нормальный, и отношения с коллегами вполне доброжелательные. Единственное, что настораживало – слежка, которую он заметил практически с первого же дня своего приезда. В какое бы время дня или ночи он ни передвигался по городу, за ним обязательно следовал темно-синий «Фиат». Этому факту Дин нисколько не удивился, однако все равно счел за благо предупредить своих друзей об этом. Те тоже не удивились, сообщив, что эта слежка – дело рук местной спецслужбы «Секуридад».

Некоторое время спустя Дина застал дома звонок из советского посольства. Помощник посла по культуре приглашал его на следующий день в посольство для важного разговора. Тему предстоящего разговора посол разглашать не стал, видимо, догадываясь, что телефон Дина может прослушиваться.

Когда в назначенный час Дин приехал в посольство, у входа его встретил сам атташе по культуре, и вместе они поднялись в его кабинет. Там гостя ждало неожиданное предложение.

– В прошлом году, когда вы, мистер Рид, были в Москве, вам было сделано предложение о гастролях в Советском Союзе, – начал свою речь атташе, когда Дин уселся в кресло напротив него. – Насколько я знаю, вы тогда заявили, что согласны принять такое предложение. Это правда?

– Совершенно верно, – кивнул Дин.

– В таком случае я уполномочен повторить это предложение, но уже более конкретно: мы приглашаем вас с гастролями в нашу страну уже этой осенью. Как вы на это смотрите?

Несмотря на то что предложение было неожиданным, Дин ответил практически сразу:

– Я согласен.

По тому, как засветились от радости глаза атташе, Дин понял, что именно такого ответа от него и ждали. Однако уже через секунду глаза хозяина кабинета перестали лучиться, и он сказал:

– Не торопитесь с ответом, мистер Рид. Дело в том, что мы предлагаем вам не короткие гастроли, а длительные – с посещением сразу нескольких наших республик. А это значит, что вы пробудете у нас гораздо дольше.

– Сколько? – напрямик спросил Дин.

– Месяца два-три.

Дин на секунду задумался, после чего спросил:

– В таком случае мое согласие целиком зависит от вашего ответа по поводу моей жены: я могу взять ее с собой?

– Безусловно, – твердым тоном произнес атташе. – Более того, мы гарантируем, что вам будут созданы самые благоприятные условия. Ведь ваша супруга, кажется, ждет ребенка?

– Вы и про это знаете? – удивился Дин.

– Наивный вопрос, мистер Рид: вы же публичный человек, – рассмеялся атташе. – Значит, мы договорились? Тогда готовьтесь к отъезду: гастроли планируются на начало октября. Сначала в Москве, потом по республикам и завершение гастролей – снова в Москве. Вас устраивает такой график?

– Вполне.

– В таком случае ждите моего звонка с уточнением всех остальных деталей, – сказал атташе и первым поднялся со своего места, тем самым показывая, что разговор окончен.

После крепкого рукопожатия хозяин кабинета проводил Дина до дверей, но, прежде чем гость удалился, обратился к нему с просьбой:

– Поскольку ваше пребывание здесь, мистер Рид, сопряжено с определенными трудностями, мы бы советовали вам никому пока не сообщать о нашем разговоре. Это в ваших же интересах.

– Просьба понятная, но не думаю, что мое появление у вас останется незамеченным со стороны определенных людей, – ответил Дин.

– За вами следят? – насторожился атташе.

– С самого первого дня моего пребывания здесь.

– Ну и бог с ними, – улыбнулся хозяин кабинета. – Они зафиксируют факт вашего приезда сюда, и не более. А про гастроль вы пока никому не говорите. Разумеется, это не относится к вашей супруге.

Когда спустя час Дин вернулся домой и сообщил об этом разговоре Патрисии, та не на шутку разволновалась.

– Господи, ты опять, Дин, лезешь на рожон, – запрочитала она. – Мы только стали обживаться на новом месте, ты стал работать. И что – теперь все полетит к черту?

– Почему полетит? – спросил Дин.

– Не строй из себя дурака, Дин! Потому что поездка в коммунистическую страну здесь никому не понравится.

– Если не понравится, то нам ничего не стоит уехать и отсюда.

– Как уехать, куда? – схватилась за голову Патрисия. – Уж не в Москву ли ты собираешься переезжать?

– А хоть бы и в Москву, – сказав это, Дин засмеялся. – Это, конечно, не Мадрид или Буйнос-Айрес, но там во всяком случае нас оставят в покое. И ребенка ты сможешь родить в приличных условиях.

– Я и здесь его могла бы прекрасно родить, если бы ты вел себя нормально. Ты что, не мог затеять эти гастроли после моих родов?

– Не мог, поскольку время их проведения определял не я. И вообще ты зря волнуешься: эта поездка – прекрасная возможность для нас увидеть незнакомую страну. Ты же сама говорила мне как-то, что мечтаешь побывать в Советском Союзе.

– Я уже передумала, – резко ответила Патрисия. – Местные газеты пишут, что там не на что смотреть: кругом одна серость и уныние.

– Опять ты за старое, – теперь уже настало время Дина хвататься за голову. – Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не верила всяким небылицам, которые появляются в газетах. Это типичная пропаганда.

– А твои коммунистические газеты – это не пропаганда?

– Вот потому я и хочу, чтобы ты поехала со мной и сама убедилась в том, где правда, а где ложь. Так что ответь мне начистоту: ты едешь или нет?

– Еду, – практически без всякой паузы ответила Патрисия, после чего добавила: – Я же не настолько глупая, чтобы отпускать тебя одного на целых два, а то и три месяца.

Те два месяца, оставшиеся до гастроль в Советском Союзе, Дин провел в нервном возбуждении. Отныне все его мысли были подчинены именно этому событию, а все остальное отступило на второй план. Чуть ли не каждый день после работы он садился за письменный стол и выписывал на листок бумаги песни, которые могли бы прозвучать в его будущем турне. На первый взгляд работа казалась несложной, но это только на первый – на самом деле на тот момент в творческом багаже Дина значилось более сотни самых разных песен в различных стилях, но в Советском Союзе он мог исполнять не все из них. Например, во время их следующей встречи с советским атташе по культуре последний попросил Дина исключить из репертуара песни в стиле рок-н-ролл. Дин в ответ очень удивился такой просьбе.

– Но эти песни очень популярны во всем мире, – заметил он собеседнику.

– А я разве с этим спорю? – засмеялся атташе. – Мне и самому они очень нравятся, особенно Элвис Пресли и «Битлз».

Сказав это, атташе даже достал с полки один из дисков и торжественно сообщил:

– Вот мне прислали альбом «битлов» под названием «Револьвер». Он буквально на днях вышел (диск появился в Англии **8 августа**. – Ф. Р.), а я его уже затер чуть ли не до дыр. Однако

наши минкультовские чиновники считают эти песни буржуазной пропагандой и не хотят, чтобы они звучали на московской эстраде. Но мы с вами можем поступить хитро. Во время ваших гастролей в Москве вы эти песни не пойте, а во время концертов в республиках это табу можно снять. К тому же, как я заметил, в вашем репертуаре подобных песен не так уж и много.

Это было правдой: в последние годы Дин сократил число композиций в стиле рок-н-ролл в своем репертуаре, заменив их более серьезными песнями. Именно их он и включил в свой репертуарный список, подготовленный для гастролей в СССР. Среди этих песен значились: «Война продолжается» (песня посвящалась сражающемуся Вьетнаму), «Моя еврейская мама», «Мы победим!», «Хава нагила» и др. Особое место в репертуаре Дина занимала песня, которую он написал совсем недавно, – «Песня будущему сыну». Но она тоже относилась к серьезным произведениям, в ней речь шла о борьбе за мир. В ее припеве были такие строчки: «Хочу, чтоб узнал ты, как войны страшны, как матери плачут, когда погибают сыны...»

Когда атташе увидел название этой песни в репертуарном списке, он улыбнулся и сказал: – Как и всякий мужчина, вы мечтаете о сыне. Я, кстати, тоже мечтал, а у меня родилась девочка. И знаете, что произошло: я люблю ее так сильно, что жена меня даже ревнует. Кто знает, может быть, и вас ждет нечто подобное.

Дин ничего не стал отвечать, только пожал в ответ плечами. После чего спросил:

– А какая песня сейчас самая популярная в Советском Союзе?

– А что, вы хотите включить ее в свой репертуар?

– Да, я всегда так делаю, когда приезжаю в другую страну. Только мне нужна такая песня, которую с удовольствием подпевал бы со мной весь зал, включая и детей.

Атташе на несколько секунд задумался, после чего сказал:

– В таком случае вам годится только одна песня: «Пусть всегда будет солнце!» Этой песне всего три года, и ее у нас знают все – и взрослые, и дети. И тема ее вполне вписывается в ваш репертуар: она против войны. Если хотите, я сделаю для вас ее подстрочный перевод, чтобы вы смогли выучить ее еще до приезда в Москву. О'кей?

– О'кей, – улыбнулся Дин и протянул руку для прощального рукопожатия.

Дин и Патрисия улетели в Москву в середине **сентября**. И уже спустя несколько часов они ступили на землю первого в мире государства рабочих и крестьян. Столица встретила гостей ясной и солнечной погодой. А в здании аэропорта супругов уже поджидали официальные лица: представитель Госконцерта по имени Михаил и молодой переводчик из фирмы «Интурист» Андрей. Они усадили гостей в новенькую «Волгу» и повезли их в гостиницу «Украина».

Всю дорогу Дин только и делал, что расспрашивал своих попутчиков о предстоящих концертах в Москве (где будут проходить, какова вместительность зала, все ли билеты проданы, какой оркестр будет ему подыгрывать), а вот Патрисия весь путь промолчала, с интересом наблюдая пейзаж за окном. Особенно она оживилась, когда «Волга» ворвалась в пределы Москвы и за окном замелькали столичные улицы. Увиденное Патрисию откровенно удивило: это, конечно, был не Буэнос-Айрес или Мадрид, однако «серым и унылым» этот пейзаж тоже назвать было нельзя. Вполне добротные кирпичные дома, скверы и палисадники во дворах, толпы спешащих по своим делам людей в самых разнообразных одеждах ясно указывали на то, что жизнь в этом городе вполне налажена и мерно течет изо дня в день. Но особенно Патрисию поразило то, что на улицах города нет нищих и того обилия машин, которое присуще любому западному городу с его бешеными скоростями и автомобильными пробками.

Из состояния глубокой задумчивости Патрисию вывел голос переводчика, который внезапно обратился к ней с вопросом:

– Вам нравится наш город?

Патрисия не успела ничего ответить, поскольку ее опередил Дин:

– Разве вы не видите по ее лицу, что она буквально ошеломлена увиденным? Дело в том, что перед поездкой сюда она начиталась правых испанских газет, где Москва описана как средневековый мрачный город. Даже мои открытки с видами Москвы, которые я привез ей в прошлом году, не смогли убедить ее в обратном. И вот теперь она увидела все собственными глазами. Что, Пэтси, похоже это на средневековье?

Та в ответ только смущенно улыбнулась, что было воспринято окружающими как согласие с мнением мужа. Однако переводчика такой ответ не удовлетворил, и он предложил, не заезжая в гостиницу, отправиться на Красную площадь, чтобы у Патрисии не осталось никаких сомнений в правдивости слов ее супруга. Дин с удовольствием поддержал это предложение, а вот Михаил предпочел промолчать, в душе, видимо, не слишком одобряя эту экскурсию: в его планы входило только встретить гостей и привезти их в гостиницу, а не мотаться с ними по городу и разглядывать его красоты. Здесь он с переводчиком был не согласен, но счел за благо промолчать, вполне резонно предположив, что этот парень вполне может иметь отношение к грозному ведомству на Лубянке. Михаил был недалеко от истины: его попутчик хоть и числился в штате «Интуриста», но сотрудничал с КГБ, с отделом контрразведки. И задание у него было конкретное: помогать Дину Риду в его поездке по Советскому Союзу и попутно за ним наблюдать.

Когда они приехали на Красную площадь, Андрей первым выскочил из автомобиля и галантно распахнул перед Патрисией дверцу. Потом взял ее под руку и повел показывать красоты главной площади страны. Дин и Михаил шли следом, внимательно прислушиваясь к тому, что переводчик рассказывает своей спутнице. Правда, поначалу понимал он мало, поскольку Андрей говорил на английском. Но когда переводчик заметил, что к его рассказу внимательно прислушивается также его земляк, он стал чередовать английскую речь с русской. В итоге Михаил узнал много интересного. Ведь он был коренной сибиряк, приехавший в Москву несколько лет назад, и о культурных памятниках столицы знал мало, а ходить на экскурсии у него до этого не было ни времени, ни желания. А здесь все так удачно совпало. Поэтому из рассказа Андрея он узнал для себя массу интересных подробностей: что кремлевские стены раньше были из белого камня, что памятник Минину и Пожарскому располагался в другом месте, что на Лобном месте практически никого не казнили и многое, многое другое.

В конце экскурсии Андрей повел гостей в ГУМ, где провел их по всем этажам, а на выходе купил Патрисии мороженое в вафельном стаканчике, не преминув при этом сообщить:

– Уверен, что такого вкусного мороженого, Патрисия, вы нигде еще не пробовали.

Когда та надкусила холодную мякоть и почувствовала во рту необыкновенно приятный вкус, Андрей спросил:

– Ну как ощущения? Вкусно? Это потому, что в нашем мороженом присутствуют настоящие сливки. А ваш брат-капиталист норовит сэкономить каждый цент и использует разного рода химические заменители. Поэтому ваше мороженое на цвет красивое, а внутри... – Тут Андрей запнулся, видимо, пытаясь подыскать подходящее слово. Но в итоге ничего не стал говорить, а только махнул рукой, что вызвало у Патрисии приступ дикого смеха. Она даже чуть мороженым не подавилась. Этот эпизод окончательно разрядил обстановку, и весь остаток пути до гостиницы, который они проехали на автомобиле, Патрисия уже не сидела как бука, а вертела головой в разные стороны и с удовольствием слушала рассказ Андрея о достопримечательностях города, мелькавших за окнами их «Волги».

Жить гостей определили в гостинице «Украина», в двухместном номере «люкс». И первое, что сделала Патрисия, когда они вошли в него, – отправилась в ванную, чтобы убедиться, на месте ли пробка, отсутствие которой в прошлый приезд ее супруга в Москву испортило ему настроение. На этот раз все было на месте. Удовлетворенная этим фактом, Патрисия включила воду, чтобы хорошенько помыться с дороги. И ночь они провели восхитительную: любили друг друга так, как будто это было в первый раз. И даже беременность Патрисии не смогла

им помешать: любящая женщина всегда найдет способ удовлетворить себя и своего возлюбленного даже в такой ситуации. А Патрисия этого очень хотела – начать свое путешествие в Москве именно с ночи любви.

На следующее утро супруги поднялись с постели выспавшиеся и полные сил и энергии. В десять утра за ними зашел Андрей, с которым они спустились в ресторан, чтобы позавтракать. После чего их путь лежал на Берсеневскую набережную, в Театр эстрады, где Дина поджидал для первой репетиции оркестр под управлением Олега Шимановского.

Когда они подъехали к театру, от внимания Дина не укрылась впечатляющая картина: огромный плакат с его изображением на фронтоне здания и толпа людей возле касс.

– Эти люди хотят попасть на ваши концерты, – подтвердил догадку Дина Андрей. – Но, увы, им ничего не светит: все билеты уже давно распроданы.

– Тогда зачем же они здесь стоят? – удивилась Патрисия.

– Они надеются на чудо и еще на спекулянтов, которые продают билеты втридорога.

Эти слова пролились на душу Дина настоящим бальзамом. И то волнение, которое он испытывал, подъезжая к театру, мгновенно улетучилось. Поэтому на сцену театра, где его поджидали оркестранты, он не вошел, а буквально влетел и тут же бросился здороваться за руку с каждым из музыкантов. Их оживленное общение длилось в течение нескольких минут, после чего Дин повесил на спинку стула свой пиджак и первым предложил начать работу. Музыканты согласились, поскольку присланные им за несколько дней до этого партитуры они уже успели хорошо выучить и могли исполнить любую из песен Дина чуть ли не с закрытыми глазами. Что, впрочем, неудивительно: оркестр Театра эстрады под управлением Олега Шимановского считался одним из лучших в стране.

Репетиции продолжались в течение нескольких дней, и Дин был вполне доволен результатом: музыканты схватывали все на лету и понимали его с полуслова. И каждый раз, когда Дин потом возвращался в гостиницу к Патрисии, он не переставал восхищаться тем, что такого единения с оркестром давно не испытывал.

– Понимаешь, это было бы невозможно, если бы этим музыкантам не нравились мои песни, – говорил Дин жене. – Мы репетируем по два-три часа, но это время пролетает как одна минута. Со мной такого давно не было.

Патрисия в ответ радовалась вместе с мужем, хотя ее чувства не были столь бурными. Ей казалось, что он находится в плену эйфории, которая охватила его на фоне того фантастического приема, который ему здесь оказывается. Однако прием приемом, но зрителей не проведешь – если им не понравятся песни Дина, их ни за что не заставишь слушать. А Патрисии многие песни Дина не то чтобы не нравились, но она была к ним равнодушна. Ей нравился рок-н-ролл, вещи молодежные, заводные, а как раз их в репертуаре мужа практически не было. Зато было много песен серьезных, протестных. И они даже однажды с Дином немного поспорили на эту тему. Но Дин быстро ее переубедил.

– Рок-н-ролл в Москве любят не меньше, чем в Америке, – заявил он тогда жене. – Во всяком случае молодежь. Но власти считают эту музыку идеологически вредной, полагая, что она прививает советской молодежи дурные вкусы. И в этом есть своя доля истины. Вспомни, как относились к рок-н-роллу в той же Америке десять лет назад. Его тоже считали аморальным и вредным. Другое дело, что в этом стиле есть свои шедевры, которые исполнять не зазорно.

– Почему же ты их не исполняешь?

– Как не исполняю? А «Hippy shake», а песни братьев Эверли? В Москве я тоже буду их петь, но очень мало. Нельзя с первых же гастролей настраивать против себя организаторов турне. К тому же ты прекрасно знаешь, в каком качестве меня хотят здесь видеть: в качестве певца песен протеста. И я не могу не оправдать их доверия. Так что, Пэтси, не торопи события: придет время и для твоего любимого рок-н-ролла. Обещаю тебе, что я даже песни «Битлз» здесь когда-нибудь спою.

В воскресенье **2 октября** в Театре эстрады прошла последняя репетиция Дина Рида. Длилась она меньше обычного, поскольку к тому моменту слаженность певца и оркестра достигла своего апогея. И Дин не хотел перегружать музыкантов перед завтрашним концертом, да и сам хотел отдохнуть – он намеревался прогуляться пешком по Москве. А в качестве гида привлек все того же Андрея.

Андрей с удовольствием взялся сопроводить Дина в его пешей прогулке и маршрут выбрал следующий: по Кропоткинской набережной они вышли на Садовое кольцо и поднялись по нему до площади Маяковского. Последняя возникла в их планах не случайно: Дин хотел возложить цветы к памятнику поэта-трибуна, про которого успел здесь достаточно слышаться. Однако судьбе было угодно сделать так, что одним возложением цветов дело не ограничилось.

Когда Дин и его спутник переходили дорогу от памятника к входу станции метро «Маяковская», прямо перед ними затормозил автобус «ЛиАЗ», из которого внезапно выскочил мужчина в синем спортивном костюме и бросился к Дину. Подбежав к нему, он заключил его в свои объятия, да такие крепкие, что ноги Дина на какое-то время даже оторвались от земли. Андрей, который стоял тут же, сначала хотел было броситься на помощь своему спутнику, но потом, взглядевшись в лицо незнакомца, ахнул:

– Бог мой, да это же Лев Яшин!

Да, это был прославленный футбольный вратарь Лев Яшин, с которым Дин имел счастье познакомиться четыре года назад во время чемпионата мира в Чили. С тех пор они больше не виделись, и эта неожиданная встреча была для обоих как гром среди ясного неба. Во всяком случае Яшин, увидев Дина в окно автобуса, закричал на весь салон водителю «Тормози!», чем изрядно перепугал товарищей. Водитель поначалу не хотел выполнять эту команду, так как дело происходило на оживленной трассе, но Яшин чуть ли не силой заставил его подчиниться. Когда его товарищи по команде увидели, какая причина заставила их вратаря выскочить из автобуса, они тоже повскакивали со своих мест и бросились следом за своим вратарем.

Дело в том, что многие игроки советской сборной, которые в тот день возвращались с тренировки перед товарищеским матчем со сборной Турции (игра была запланирована на **18 октября**), тоже хорошо знали Дина Рида и были не прочь теперь снова пообщаться с ним. Все они обступили американского певца со всех сторон и стали наперебой протягивать руки для рукопожатия. И счастливый Дин только и успевал, что пожимать ладони, тянущиеся к нему со всех сторон. А Андрею, оттесненному этой толпой, пришлось взирать на происходящее со стороны. Но затем, когда рукопожатия закончились и пришла пора объясняться, Андрей решительно шагнул вперед, чтобы выступить в своем привычном качестве – переводчика. Однако он успел перевести только первую фразу Яшина, в которой он интересовался причиной появления Дина в Москве, как тут к ним подошел постовой милиционер, которого, естественно, не могло не привлечь неожиданное столпотворение на оживленном участке Садового кольца. Тем более что автомобили, которые следовали за автобусом футбольной сборной, теперь отчаянно гудели своими клаксонами.

– В чем дело, товарищи? – успел только спросить милиционер у виновников происшествия, после чего от удивления застыл на месте.

Его замешательство было понятно: прямо перед собой он увидел целое скопище национальных кумиров – знаменитых футболистов Льва Яшина, Игоря Численко, Эдуарда Стрельцова, Альберта Шестернева, Анзора Кавазашвили, Валерия Поркуяна, Йожефа Сабо и других. А поскольку милиционер был заядлым болельщиком и своих кумиров живьем видел только издали – сидя на трибуне стадиона, – теперь он здорово растерялся и в течение нескольких секунд только и делал, что хлопал глазами и нервно теребил шнурок от свистка, который держал в правой руке. Из состояния прострации стража порядка вывел Яшин, который сказал:

– Товарищ старшина, вы извините нас за невольное нарушение правил дорожного движения, но у нас уважительная причина – встретили своего старого друга и не смогли проехать мимо. Ведь друг-то особенный – американский.

– Американский? – только и смог выдавить из себя старшина.

Тут в дело вмешался Андрей, который указал милиционеру на Дина и пояснил:

– Это наш гость – американский певец Дин Рид. Он приехал в нашу страну со своими первыми гастролями, а сегодня совершает пешую прогулку по столице.

– Ах, вот в чем дело, – заулыбался милиционер и протянул свою руку Дину для рукопожатия. – Рады приветствовать вас в Москве.

После чего, возвращая своему лицу серьезное выражение, старшина произнес:

– Однако порядок есть порядок: вы уж либо куда-то в сторону отъезжайте, либо расходитесь. А то вон уже сколько машин позади вас скопилось. Да и народ начинает собираться.

Понимая, что пришло время расставаться, Дин через Андрея передал Яшину и его товарищам устное приглашение на свои концерты в Театре эстрады. Но Яшин в ответ только пожал плечами:

– Ничего не можем обещать, Дин, – усиленно готовимся к игре. Но если вырвемся, то обязательно тебе об этом сообщим.

На этой неопределенной ноте их неожиданная встреча завершилась, и уже спустя минуту движение на Садовом кольце возобновилось.

Свой первый концерт в Театре эстрады Дин давал **3 октября** в семь вечера. Зал был переполнен до отказа, и публика туда пришла особенная: сплошь одна элита, включая партийных и государственных функционеров, звезд эстрады, кино, а также их друзей и родственников. Простых москвичей в зале не было, поскольку им билетов просто не досталось. Кстати, Дин это сразу почувствовал: он отыграл первое отделение, а публика сидела в зале будто мертвая, аплодируя ему лишь в паузах между песнями. Никаких криков «браво!», «бис!», а тем более танцев между рядами, которые частенько устраивала публика на его латиноамериканских концертах, здесь не было. Даже знаменитый рок-н-рольный шлягер «Тутти-фрутти», который Дин специально включил в свою программу, чтобы расшевелить публику, был встречен более чем спокойно. Когда в перерыве между отделениями Дин спросил у Шимановского, что происходит, тот улыбнулся и сказал:

– Все нормально. Во-первых, у нас не принято, чтобы зрители вскакивали со своих мест и подпевали певцу, во-вторых – публика сегодня уж больно солидная: сплошь одни звезды и начальники.

Услышанное Дина, конечно, расстроило, но не настолько, чтобы впасть в уныние. На следующем концерте, **4 октября**, он решил повести себя иначе: сам спустился со сцены в зал и, двигаясь по проходу между рядами, стал подзадоривать зрителей, призывая их активно хлопать в ладоши в такт песням. И те зашевелились: стали дружно хлопать, смеяться. С этого момента концерты Дина стали проходить уже более энергично и от бывшего напряжения не осталось и следа.

Дин дал в Театре эстрады шесть концертов с **3 по 9 октября**. Все они прошли при полных аншлагах и оставили у Дина самые приятные впечатления. Он увидел, что публика принимает его на ура, что его творчество здесь востребовано не менее сильно, чем в Латинской Америке. И пусть по части внешних проявлений здешняя публика выглядела на концертах менее активной, однако после представлений все было, как и везде: Дина поджидали толпы поклонниц, которые требовали автографов и забрасывали его цветами. Кроме того, к Дину проявляли внимание и официальные лица. Так, днем **8 октября** его пригласили выступить на пресс-конференции в Советском комитете защиты мира. Представлял Дина публике писатель

Борис Полевой, который назвал Дина «удивительным певцом современности, человеком из народа, умеющим понимать сердце и душу людей, особенно молодежи».

В тот же день в газете «Известия» была помещена первая заметка, посвященная гастролям Дина Рида в Москве. Она называлась «Парень из Колорадо». Однако самому Дину больше понравилась другая публикация – в «Вечерней Москве», которая была датирована тем же днем **8 октября**. Почему она? Дело в том, что она принадлежала перу человека, с которым Дин познакомился несколько дней назад после одного из своих концертов. Дин сидел в своей гримерке, когда к нему зашел Андрей в сопровождении представительного мужчины в темном костюме. Андрей представил его как популярного советского певца Марка Бернеса.

– Он, как и ты, совмещает эстраду с кинематографом, – сообщил Андрей.

Дин пожал руку гостю, после чего они проговорили почти час. Причем говорил по большей части Дин, а Бернес внимательно его слушал и в паузах задавал вопросы: о родителях Дина, о его творчестве, о сегодняшнем житье-бытье. А спустя пару дней, перед очередным концертом, когда Дин также сидел в гримерке, туда вошел Андрей с газетой в руке.

– Помнишь, я приводил к тебе человека – Марка Бернеса? Ну того, что, как и ты, совмещает кино и эстраду? – спросил Андрей. – Так вот, сегодня «Вечерняя Москва» опубликовала его заметку о тебе.

И Андрей стал читать заметку, тут же переводя ее на английский:

«Дин в белой рубашке, темной жилетке. Подростком он ушел из дома, не поладив с отцом, ненавидевшим коммунистов. Чтобы получить образование, юноше пришлось браться за любую работу.

Главная задача исполнителя сейчас, по его собственным словам, – содействовать своим творчеством борьбе против американской агрессии во Вьетнаме. Поэтому так гневны и горячи его песни на эту тему:

Что ж, опять барабаны
бьют!
А солдаты? Опять
поют?
И опять на земле она?
Да! Опять ты идешь
умирать,

И опять причитает мать,
И опять на земле
война!
И политики врут опять,
Чтоб оружие ловчей
скупать...

Я уверен, что замечательного революционного певца Дина Рида полюбят советские слушатели и он станет нашим другом на долгие годы. И это потому, что его сердце так же искренне и чисто, как выразителен и задушевен его артистический голос. Я с удовольствием пойду еще раз слушать Рида».

Когда спустя несколько минут Андрей ушел, оставив газету на столике, Патрисия, сидевшая тут же, грустно заметила:

– Ну что же, Дин, ты можешь быть доволен: тебя назвали революционным певцом. Значит, твои песни здешним властям понравились. Только зачем ты сказал, что сбежал из дома подростком, когда этого не было?

– Я действительно убежал из дома, когда отец меня поколачивал, но всегда возвращался, – ответил Дин. – Именно так я и рассказал автору заметки. Но он то ли не понял, то ли ему так перевели. Вообще так часто случается, когда общаешься с людьми через переводчика. И ты это прекрасно знаешь.

– Я-то знаю, – кивнула Патрисия. – Просто я боюсь, что если в интервью здесь про тебя будут писать разные несуразицы, тебя сочтут за вруна. А мне бы этого очень не хотелось. Кстати, за дверью сейчас находится журналист, который собирается взять у тебя очередное интервью. И ты уж постарайся, чтобы твои слова он понял правильно.

Журналистом, о котором шла речь, был сотрудник газеты «Московская правда» В. Дранников. Это будет его первая встреча с Дином Ридом, после которой они подружатся. И с тех пор, практически в каждый приезд Дина в Москву, Дранников будет писать о нем заметки. Но та, первая, станет своего рода эпохальной – именно в ней советские читатели впервые подробно познакомятся с биографией Дина Рида (другой журналист – Дмитрий Костин – в «Труде» от **9 октября** расскажет только о некоторых фактах биографии Дина). «Московская правда» опубликует заметку Дранникова **12 октября** под заголовком «С гитарой наперевес». В ней приводились следующие слова Дина:

«Когда я приехал в Южную Америку, я впервые для себя увидел бедность. Не подумайте, пожалуйста, будто мне не попадались бедные люди дома. Я видел их, но старался не замечать. Здесь же бедность, нищета, отчаяние людей бросались в глаза. И впервые в жизни я задумался: почему одни имеют все, а другие ничего? И впервые в жизни я понял, что именно мы, американцы, а вернее – наши монополии безжалостно грабят народы Южной Америки...»

Некоторое время я находился под влиянием пацифистов. Но мой пацифизм продолжался недолго. Разве можно отказываться от борьбы, если в твой дом врывается грабитель? Разве можно быть пацифистом, когда видишь, что творит твоя страна во Вьетнаме, в Доминиканской Республике, в Южной Америке? Я стал на путь борьбы.

Я бросил дом, потому что мой отец придерживался крайне противоположных взглядов, я покинул свою страну и уехал на передний край борьбы с американским империализмом – в Южную Америку. Вечером я выступал в концертах, а днем разъезжал на джипе и вместе с друзьями устраивал митинги...»

Когда номер газеты с этой заметкой вышел в свет, Дина уже не было в Москве – он находился в Ленинграде, где продолжил свои гастроли. Его концерты в городе на Неве длились пять дней – **12–16 октября**. Свой первый концерт он дал в Доме культуры имени Дзержинского в восемь вечера. На следующий день, 13-го, Дин встретился с питерской общественностью в Доме прессы. На другой день его концерт прошел во Дворце культуры имени Кирова, а 15-го он выступил в другом ДК – имени Первой пятилетки. Краткий отчет о пребывании Дина в «колыбели революции» опубликует газета «Смена» в номере от **14 октября**. Там будет написано, что на одном из концертов Дин лихо отплясывал твист с одной из зрительниц. Видно, ленинградская публика оказалась более раскрепощенной, чем столичная.

Вообще Ленинград произвел на Дина яркое впечатление. Во время многочасовой экскурсии по городу они с Патрисией не переставали восхищаться красотами Северной столицы. Они побывали в Эрмитаже, в Кронштадте, посетили легендарный крейсер «Аврору».

После Ленинграда Дин отправился в столицу Армении город Ереван. Его выступления прошли в Большом зале Армфилармонии **18–20 октября**. Отчет об этом был напечатан в газете «Коммунист» **22 октября**, когда Дин был уже в Тбилиси.

Свой первый концерт в столице Грузии Дин дал **24 октября** в Театре имени Руставели. Аккомпанировал ему все тот же оркестр Олега Шимановского. Два следующих дня Дин посвящал знакомству с городом и его окрестностями. И здесь ему огромную услугу оказал его новый знакомый, с которым он познакомился в первый же день визита в Грузию. Это был секретарь ЦК ВЛКСМ Грузии Юрий Купцов. Одногодок певца, этот светловолосый и жизнерадостный

молодой человек сразу понравился Дину. Их сближению во многом способствовало еще и то, что Юрий прекрасно говорил по-английски. Как он сам объяснил Дину, его мать была преподавательницей английского языка в МГУ, а сам он несколько лет назад окончил Институт международных отношений и должен был стать дипломатом в одной из англоязычных стран. Но в итоге предпочел уйти на комсомольскую работу и был отправлен в Тбилиси (это была обычная советская практика: разбавлять национальные кадры русскими). Купцов был чрезвычайно образованным человеком, любил современную музыку и поразил Дина широтой своих познаний в данной области. Практически с первых же дней пребывания певца в Тбилиси Купцов не только присутствовал на его репетициях и концертах, но и везде сопровождал его. И когда у Дина выдалось два свободных дня, Купцов вызвался быть гидом Дина и Патрисии в их экскурсии по Тбилиси.

Как и во многих других городах, куда его до этого заносила гастрольная судьба, Дин не избежал искушения посетить главный музей республики – Государственный музей изобразительных искусств. И там впервые для себя услышал о судьбе художника Нико Пиросмани. До этого он ничего о нем не знал, даже не видел ни одну из его картин, но с удовольствием откликнулся на предложение экскурсовода послушать рассказ о полной драматизма судьбе этого живописца. Дин обожал такого рода истории – знакомясь с ними, он всегда проецировал их на свою собственную судьбу, размышляя о том, что ее перипетии когда-нибудь тоже будут интересовать потомков. Что касается истории о Пиросмани, то там было что послушать.

Бедный крестьянский мальчик из кахетинского села приехал в город на заработки, даже не подозревая, какая судьба его здесь ждет. Почувствовав тягу к рисованию, он решил заняться малярным ремеслом. И вот днями Пиросмани бродил в поисках работы – писал вывески для духанов, лавочек и мастерских. Потом, увлекшись живописью, начал писать картины – пейзажи ночного Тифлиса, фигуры животных. Продавал эти произведения за гроши, на которые и жил. Умер он в абсолютной нищете, под лестницей какого-то дома, забытый всеми. До сих пор никто точно не знает, где его могила. Но вот минули десятилетия, и картины, которые Пиросмани рисовал за краюху хлеба или миску похлебки, стали стоить миллионы долларов и висят на стенах музея в Тбилиси и многих других городов мира.

– Парадоксальная судьба! – шепнул Дин на ухо Патрисии, когда экскурсовод закончил свой рассказ о судьбе великого художника.

На что Патрисия откликнулась весьма неожиданно:

– Когда-нибудь и про тебя будут рассказывать подобные истории.

Не меньшее впечатление произвела на Дина и экскурсия по самому Тбилиси, особенно путешествие по канатной дороге к горе Мтацминда, откуда с 400-метровой высоты перед ним открылся восхитительный вид на город и его окрестности. Он увидел поразивший его воображение пейзаж, когда сразу два города, старый и новый, как бы слились воедино. Старый город представляли маленькие домики, словно ласточкины гнезда облепившие окрестные скалы, а новый – бетонные и кирпичные дома, светлые улицы и широкие проспекты.

В те самые дни в Грузии в самом разгаре был сбор винограда – так называемый праздник труда ртвели. И Купцов предложил Дину съездить за город, чтобы воочию увидеть этот праздник. Дин с удовольствием согласился, а вот Патрисия ехать отказалась, так как из-за беременности долгие прогулки были ей противопоказаны. Поэтому Дин и Купцов отправились за город одни, а Патрисия осталась в гостинице.

В деревне Дин и Купцов провели почти весь день. Они побывали на винограднике и даже поучаствовали в сборе винограда, складывая его в специальные корзины – «годори». А вечером жители деревни накрыли под виноградником большой стол, и первый же тост седовласый тамада провозгласил за заморского гостя. Потом началось застолье – шумное и веселое. Тост следовал за тостом, а в промежутках между ними собравшиеся дружно пели грузинские песни

и танцевали. Дин был в полном восторге. Нечто подобное он видел в Латинской Америке – такой же разгул веселья, песен, зажигательных танцев.

Когда веселье было в самом разгаре, Юрий внезапно предложил Дину развеяться. Они тихонько поднялись со своих мест и спустились к реке. Стояла тихая безветренная ночь, а огромное небо было усыпано звездами.

– Я уже два года живу и работаю в Грузии и не перестаю восхищаться здешними людьми, – первым нарушил тишину Юрий, когда они уселись на берегу. – Вообще кавказцы – чрезвычайно гостеприимные люди.

– Разве только кавказцы? – удивился Дин. – Я несколько лет жил в Латинской Америке и могу засвидетельствовать, что тамошние жители не менее радушные хозяева. Особенно это касается деревенских жителей. Горожане в этом отношении более закрытые и холодные люди.

– А как тебе понравилась Москва? – поинтересовался Купцов. – Только честно.

– Честно? – переспросил Дин и рассмеялся. – К сожалению, я видел только центр города, поэтому объективно судить не могу. Но Красная площадь и Кремль меня потрясли: ничего подобного я нигде не видел. Однако я взял себе за правило: везде, куда меня забрасывает гастрольная судьба, я прежде всего смотрю не на дома, которые меня окружают, а на людей. Вот главная достопримечательность любого места на земле. Я почти месяц нахожусь в вашей стране и могу честно заявить: люди у вас живут прекрасные. И очень жаль, что мои соплеменники в Америке почти ничего о вас не знают.

– Так расскажи им о нас.

– Я всегда это делаю при любой возможности, – честно признался Дин. – Правда, с каждым разом таких возможностей у меня становится все меньше.

– Да, я слышал, что у себя на родине ты давно персона нон-грата, – с явным сочувствием в голосе произнес Купцов. – Но, может быть, в скором времени все изменится в лучшую сторону, ведь Джонсон не вечен. Я слышал, что на недавних промежуточных выборах в Конгресс демократы потерпели поражение.

– Ты думаешь, что уход Джонсона что-то изменит? – улыбнулся Дин. – По мне все едино: что демократы, что республиканцы. Хотя последние все-таки могут покончить с войной во Вьетнаме.

– Покончить с ней они, конечно, могут, но им будут всячески мешать. Причем не только в Америке.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Дин.

– Я имею в виду, что политика – грязная штука, – после некоторой паузы ответил Купцов. – Или ты с этим не согласен?

Дин предпочел промолчать, чтобы не сбивать собеседника с его мысли. Поэтому спустя несколько секунд Купцов продолжил свой монолог.

– наших руководителей терзают противоречивые чувства: с одной стороны, они сочувствуют вьетнамцам, а с другой – молятся на то, чтобы эта война шла и дальше, поскольку дает огромные козыри в идеологической войне.

– А как считаешь ты сам? – поинтересовался Дин.

– Я похож на наших руководителей, – практически без паузы ответил Купцов. После чего добавил: – Но это то небольшое, что меня с ними объединяет.

– То есть? – удивился Дин.

– В остальном я думаю иначе, чем они. Например, они твердят о скорой победе коммунизма, а я в него не верю. Впрочем, в этом чувстве я не одинок: так считают миллионы моих соотечественников. Но наши руководители предпочитают этого не замечать, поскольку им так удобно: сами-то они давно живут при коммунизме. Они же находятся на полном государственном обеспечении и ни о чем не беспокоятся – чем не коммунизм? А все их слова о скором

всеобщем равенстве всего лишь пустой звук. Они понимают, что это равенство невозможно, но продолжают о нем твердить, чтобы самим жить припеваючи.

– Ты так говоришь, будто сам к руководителям не относишься.

– Во-первых, я не самая большая «шишка», как называют у нас руководителей. Во-вторых, среди руководящих деятелей разные люди встречаются. Есть и такие, кто пошел во власть не ради того, чтобы присосаться к сладкой кормушке. Ты ведь не будешь спорить с тем, что такие люди есть.

– Не буду, поскольку я таких людей встречал. – Поймав вопросительный взгляд собеседника, Дин уточнил: – Например, Че Гевара. Его бескорыстие буквально вошло в легенду.

– Ну, я не стану сравнивать себя с Че Геварой, однако к привилегиям отношусь столь же негативно, как и он, – улыбнулся Юрий. – И таких, как я, в нашем руководстве немало. Когда два года назад сняли Хрущева, многие надеялись, что к руководству страной придут именно такие: бескорыстные и более молодые. Ведь сегодняшний мир стремительно меняется, и, чтобы успеть за его процессами, нужно иметь прочный запас физических сил и значительный интеллектуальный багаж. Увы, эти надежды не оправдались.

– Под достойными людьми ты кого имел в виду? – поинтересовался Дин.

– Например, Шелепина или Семичастного. Слышал про таких?

– Семичастный, кажется, возглавляет КГБ, – обнаружил Дин свою осведомленность. – А вот про Шелепина я ничего не слышал, – честно признался Рид.

– Шелепин перед Семичастным тоже возглавлял КГБ, и оба они пришли туда из комсомола. Теперь Шелепин является секретарем ЦК КПСС, и многие хотят, чтобы он сменил Брежнева.

– Ты тоже так считаешь?

– Конечно! – почти без паузы сказал Купцов. – Шелепин на 12 лет моложе Брежнева и гораздо образованнее его. Мой отец еще в начале сороковых работал с ним в московском горкоме комсомола и всегда отзывался о нем самым лучшим образом.

– Извини, Юрий, но где работает твой отец? – перебил собеседника Дин.

– В МИДе, – коротко ответил Юрий, после чего пояснил: – В Министерстве иностранных дел. Но речь не о моем отце, а о Шелепине. На мой взгляд, он именно тот человек, который сегодня просто необходим у руля государства. Это жесткий, принципиальный и честный руководитель. Приди он сейчас к власти и приведи с собой своих соратников, я уверен, что после этого никто не будет называть наших вождей зазнавшимися снобами. И пусть к коммунизму это нас не приблизит, зато вера в него у людей значительно возрастет. А это уже немало.

– Откуда такой оптимизм, Юрий? – улыбнулся Дин.

– Из поступков Шелепина, о которых сегодня в партии многие знают. Он, например, открыто выступает против тех же привилегий. Насколько я знаю, Че Гевара тоже разошелся по этому вопросу с Фиделем Кастро. Вот и выходит, что даже кубинцы наследуют пороки нашей системы. А знаешь почему? Они, как и мы, строят закрытое общество с однопартийной системой. В таком обществе у руководителей всегда возникает соблазн жить лучше, чем все остальные граждане.

– Моя родина Америка живет при двухпартийной системе, однако среди руководителей страны бедных людей нет, – напомнил Дин собеседнику широко известный факт.

– Так ведь там строят капитализм! А у нас страна коммунистическая, где декларируется равенство. Однако наша руководящая элита на это равенство наплевала. Знаешь, например, как живет хозяин здешних мест товарищ Мжаванадзе? Даже лучше, чем жил до революции какой-нибудь грузинский князь! А ведь Мжаванадзе не князь вовсе, а коммунист!

– Неужели Шелепин хочет запретить привилегии? – перебил пылкую речь своего собеседника Дин.

– Нет, это было бы слишком смело, – усмехнулся Купцов. – Но у него есть желание значительно сократить их количество. Причем начинает он с себя. Так, во время переезда на новую квартиру он полностью оплатил ремонт, хотя мог легко избежать этого – как-никак на госбеспечении. А когда на Политбюро многие возмутились этим фактом, он поднял вопрос о том, чтобы пересмотреть всю систему привилегий для высшей партийной номенклатуры: лишить большую ее часть спецпайков, дач и даже охраны. И он же выступил против того, чтобы на праздниках люди носили портреты членов Политбюро. Все эти поступки ясно указывают на то, что Шелепин не ортодокс и смог бы повернуть вектор развития нашей страны в иное, более позитивное русло. Но я боюсь, что именно его к власти и не допустят.

– Эти опасения имеют под собой основания? – поинтересовался Дин.

– Имеют. В декабре прошлого года Шелепина лишили поста председателя Комитета партийного контроля, значительно сузив его деятельность. Теперь ходят усиленные слухи, что его вот-вот могут снять и с поста секретаря ЦК. Говорят, Брежнева напугали слухи о некоем «теневом кабинете», который формируется вокруг Шелепина.

– То есть Шелепин готовит заговор?

– Нет никакого заговора, – отмахнулся Купцов. – Просто кому-то очень хочется сделать из Шелепина заговорщика и тем самым отправить его в отставку. У нас в Кремле интриги бушуют не хуже, чем когда-то при мадридском дворе. Вашим президентам подобное даже и не снилось. Так что ты, Дин, мотай себе на ус: тебя тоже могут использовать в разного рода интригах, если ты и дальше будешь приезжать к нам в страну.

Сказав это, Купцов внезапно обнял Дина за плечи и, придвинув к себе, спросил:

– Кстати, ты знаешь, что твой переводчик Андрей работает на КГБ?

– Не знаю, но догадываюсь, – кивнул Дин. – Только мне бояться нечего, ведь я ничего предосудительного не делаю.

– Это правильно – бояться не надо. Но иметь в виду стоит. Я с тобой столь откровенен, потому что ты мне очень симпатичен, Дин. Я здесь уже два года, но настоящих друзей так и не приобрел. Кругом одни комсомольские соратники. А вот тебя знаю всего-то три дня, а говорить могу с тобой о чем угодно. И дело здесь вовсе не в вине, а в тебе самом: ты хороший мужик, Дин, как у нас говорят – не говнистый.

Последнее слово Купцов произнес по-русски, не найдя подходящего аналога в английском языке. Но Дину это слово понравилось, и он даже записал его в свою записную книжку с тем, чтобы потом выучить и использовать при случае. Когда он это сделал и захлопнул книжку, Купцов пошутил:

– Я надеюсь, весь остальной наш разговор ты записывать не будешь.

Дин ответил такой же шуткой:

– Нет, я перескажу все Андрею на словах.

После чего оба собеседника громко рассмеялись.

Гастроли Дина в Тбилиси продолжались. **27–28 октября** он дал еще два концерта, но уже на другой площадке – во Дворце спорта. На следующий день он покинул город, однако Купцов проводить его не смог. В тот день он был весь поглощен другим визитом – в Тбилиси приезжал Леонид Брежнев. **1 ноября** тот присутствовал в том же Дворце спорта, где сутки назад выступал Дин Рид, на торжественном концерте.

Во время пребывания в Тбилиси Дин дал очередное свое интервью – на этот раз журналисту «Комсомольской правды» В. Байбурту (материал будет опубликован **28 октября**). В нем Дин рассказал о некоторых фактах своей биографии, причем в одном месте выступил в роли барона Мюнхгаузена. Речь шла о том, как Дин заключил контракт с фирмой «Кэпитол». По словам Дина, это выглядело следующим образом. Он стоял на автостраде неподалеку от Голливуда, и возле него остановилась машина. Ее владелец любезно предложил его подвезти. В машине Дин запел, и хозяин авто, который сам когда-то был певцом, привез его напрямик

к фирме «Кэпитол». «Так я стал певцом», – этими словами Дин заключил свой рассказ. И все бы ничего, если бы двумя неделями ранее Дин не поведал журналисту Дранникову из «Московской правды» совсем другую историю. Из нее выходило, что в Голливуд его привез Патон Прайс и именно благодаря ему он и заключил свой контракт с «Кэпитол».

Чуть позже Дин родит на свет и третий вариант этой истории: как он ехал на своем автомобиле в Голливуд, захватил по дороге попутчика, и тот привез его на фирму «Кэпитол». Чем вызван такой набор версий относительно одного и того же события, сказать трудно: то ли провалами в памяти самого рассказчика, то ли его желанием что-то приукрасить, то ли неправильным переводом (последнее вероятнее всего). Поэтому читатель пусть сам выбирает, какая из этих историй ему нравится больше всех. Я лично выбрал последнюю.

Из Тбилиси путь Дина Рида пролег в столицу Азербайджана Баку. Там он пробыл три дня – с **30 октября по 1 ноября**. Выступал в Клубе имени Дзержинского, в котором его сменил другой гастролер – Муслим Магомаев.

Несмотря на то что график гастролей был жестким, Дин ни разу не высказал каких-нибудь претензий ни организаторам, ни музыкантам. Его практически все устраивало, и единственное, о чем он волновался, – это о здоровье Патрисии. Она была на седьмом месяце беременности, порой неважно себя чувствовала, однако, когда ей предложили остаться в Москве и дожидаться мужа там, категорически отказалась. Даже Дин не сумел ее уговорить. Теперь же, переезжая из города в город, она здорово уставала и все чаще раздражалась. То ей не нравились условия проживания в гостинице, то не устраивала еда, то еще что-то. Даже в мелочах она находила разного рода недостатки. Например, никак не могла привыкнуть к тому, что вечером по телевизору даже нечего посмотреть. Еще в Москве, в гостинице, она была крайне удивлена, что в Советском Союзе черно-белое телевидение и всего три программы.

– Как они здесь живут? – удивилась она как-то вечером, пощелкав ручкой телевизионного переключателя и не найдя ничего интересного.

– Нормально живут, – ответил Дин.

– Что значит нормально, если у них всего три канала, да и по тем идет непонятно что.

– А что ты хотела здесь увидеть? Твои любимые «мыльные оперы» или глупые шоу? Зря надеешься: здешнее телевидение не развлекает людей, а просвещает. Уверен, если бы ты знала русский язык, ты бы наверняка нашла в их передачах много для себя полезного.

Патрисия тогда не стала спорить с мужем, однако когда и в других городах, куда забрасывала их гастрольная судьба, в телевизионных программах она не нашла ничего интересного для себя, ее уныние только усугубилось. И вечером, когда Дин обычно выступал с концертами, а она сидела в гостинице, тоска на нее накатывала невыносимая. Какое-то время она еще терпела, заставляя себя пораньше ложиться спать. Но потом ей это надоело, и она стала буквально изводить Дина своими претензиями. Поэтому, когда в начале **ноября** они вернулись в Москву, Дин был вымотан больше не гастролями, а присутствием рядом с собой супруги. Впрочем, и злиться на нее он не мог – понимал, что ее раздражение во многом обоснованно и вызвано беременностью.

В Москве супруги пробыли неделю и неплохо отдохнули. Побывали в Большом театре, в Третьяковской галерее, а **5 ноября** Дин был приглашен в Театр на Таганке на спектакль «10 дней, которые потрясли мир». Приглашение было не случайным. Во-первых, этот спектакль был поставлен по одноименной книге однофамильца Дина Джона Рида, во-вторых – Дину было интересно посетить театр, где многие актеры, как и он, пели.

Когда спектакль закончился, актер Готлиб Ронинсон под гром аплодисментов вызвал на сцену Дина и представил его зрителям: «Сегодня у нас в гостях исполнитель песен протеста Дин Рид». Кто-то из зрителей закричал: «Гитару Дину!», что было немедленно исполнено – гитара лежала тут же, за кулисами. И Дин спел несколько своих песен. Ему аплодировали, но ровно до тех пор, пока на сцену не поднялся актер Таганки Владимир Высоцкий. Он уже был

дико популярен в Москве, а два месяца назад вернулся со съемок фильма «Вертикаль», который прославит его на весь Советский Союз. Именно несколько песен из этого фильма Высоцкий и спел, чем привел публику в еще больший восторг: ему аплодировали гораздо энергичнее, чем Дину. Но последний не обиделся и, когда оказался в кабинете главного режиссера театра Юрия Любимова, даже произнес фразу: «Режиссер и артисты, совершенно очевидно, люди гениальные».

7 ноября Дин и Патрисия пришли на Красную площадь, на военный парад. Увиденное их по-настоящему потрясло, поскольку ничего подобного в своей жизни они еще не видели. В те дни американские войска совершили очередные злодеяния во Вьетнаме, подвергнув варварской бомбардировке густонаселенные пригороды Ханоя и порт Хайфон. Поэтому советское правительство выступило с официальным осуждением этих актов. И парад на Красной площади должен был продемонстрировать всему миру мощь и силу советских вооруженных сил, готовых отразить любую агрессию извне.

10 ноября Дин и Патрисия были уже в Ростове-на-Дону, чтобы продолжить гастроль. Два дня спустя Дин дал первый концерт в тамошнем концертном зале при полном аншлаге. Та же ситуация была и на втором концерте, который состоялся на следующий день, **13 ноября**. Дин пел по большей части все те же протестные песни, но во втором отделении спел несколько рок-н-роллов, чем здорово завел публику, которая в подавляющем большинстве впервые видела живого американского певца.

Следующим пунктом гастрольного маршрута стал курортный город Кисловодск. В графике поездки этот город возник не случайно: организаторы турне хотели дать Дину и его супруге полюбоваться красотами курорта, который считался элитарным (на нем в основном отдыхали и лечились передовики производства и номенклатурные работники), и заодно отдохнуть там. Однако все бы хорошо, если бы к тому моменту у Дина не обострилась его давняя болячка – болезнь горла. Поэтому в местную филармонию для переговоров он приехал не в лучшем расположении духа. И пока шли переговоры (их вели администратор Рида и переводчик Андрей), Дин сидел в сторонке. Это не укрылось от глаз одной из работниц филармонии Тамары Толчановой. И она тихонько поинтересовалась у Андрея, в чем дело.

– У Дина разболелось горло, – ответил переводчик.

– Что же вы мне раньше не сказали! – всплеснула руками женщина. – У меня в знакомых ходит ведущий отоларинголог Кисловодска Дора Исидоровна Лернер. Несмотря на то что работы у нее всегда выше крыши, такому гостю она не откажет. Сейчас я ей позвоню.

И Толчанова тут же набрала на телефоне, стоявшем на столе, номер врача. А через минуту уже радостно сообщала Дину о том, что врач согласилась его принять немедленно. Услышав это, Дин достал из кармана кожаное портмоне.

– Сколько стоит консультация? – перевел Андрей его вопрос.

– Вы нас обижаете, – покачала головой Толчанова. – Дин Рид наш гость, и ему эта услуга обойдется бесплатно.

И Дину не оставалось ничего иного, как спрятать свое портмоне обратно в карман.

Спустя полчаса они уже были в клинике. Осмотрев пациента, Дора Лернер поставила неутешительный диагноз:

– Сильное воспаление голосовых связок, на гортани большое количество гнойничков. Так что вам, голубчик, петь никак нельзя.

– Как нельзя?! – встрепенулся Дин, когда Андрей перевел ему слова врача. – У меня контракт, я обязан дать еще несколько концертов. Иначе я буду вынужден платить неустойку, а это очень большие деньги.

– А вам что дороже: деньги или ваше здоровье? – поинтересовалась в ответ Лернер.

– Здоровье, конечно, дороже, но и денег для штрафов у меня тоже нет. К тому же моя жена вот-вот родит.

Услышав слова о беременной супруге, доктор смягчилась.

– Хорошо, я сделаю вам необходимую процедуру, но вам придется потерпеть – будет больно.

– Боли я не боюсь, – расплылся в счастливой улыбке Дин. – Куда садиться?

И доктор указала ему рукой на кресло. Процедура заняла несколько минут, и во время нее Дин даже ни разу не застонал, хотя ему и было больно. Однако он не хотел показаться слабаком в присутствии сразу двух женщин. После процедуры Лернер сказала:

– Теперь вам будет полегче, но мне все равно придется быть рядом с вами, чтобы делать ингаляцию.

– Но это же несколько концертов в разных городах! – удивился Дин.

– Значит, придется ездить во все эти города, – развела руками Дора Лернер.

Когда Андрей перевел Дину эти слова доктора, тот сначала остолбенел, а потом бросился к врачу и стал прилюдно целовать ей руки. После чего сказал:

– Я многих врачей повидал, но такого, как вы, вижу впервые в жизни! У вас в Советском Союзе все такие?

– Все, – хором ответили обе женщины, после чего дружно рассмеялись своему одинаковому ответу.

Дин пробыл в Кисловодске несколько дней и дал два концерта. И на каждом за кулисами дежурила Дора Лернер с ингалятором. Она обрабатывала певцу горло несколько раз: перед началом концерта и во время перерыва между отделениями, а также иногда в паузах между песнями. Кроме этого Дин в эти же дни проходил специальные процедуры в санатории «Орджоникидзе». Особенно он полюбил принимать горячую доломитную ванну, а также сульфатную.

Однажды, когда они с Андреем возвращались после ванн в гостиницу, у выхода из санатория они столкнулись с группой мужчин, один из которых, узнав Дина, первым шагнул к нему и протянул руку для приветствия. Затем мужчина сказал несколько слов, которые Андрей перевел следующим образом:

– Он говорит, что рад познакомиться с американцем, который не видит в Советском Союзе врага. И еще хвалит тебя за вчерашний концерт, на котором он побывал вместе со своими товарищами.

– Поблагодари его за добрые слова и спроси, как его зовут, – попросил Дин.

Однако Андрей, переведя первую часть просьбы Дина, вторую проигнорировал. И только когда мужчина ушел, сообщил:

– Этого мужчину зовут Юрий Владимирович Андропов. Он секретарь ЦК КПСС, а здесь находится на отдыхе – лечит больные почки. Советую тебе запомнить это имя: глядишь, когда-нибудь пригодится.

Дин так и делает: запомнит Андропова и, когда весной следующего года того назначат председателем КГБ, восхитится: надо же, совсем недавно этот человек жал мне руку и благодарил за мое творчество.

В последний вечер перед отъездом из Кисловодска Дин, Патрисия и Андрей заглянули на полчаса в филармонию к Тамаре Толчановой. Дин поблагодарил ее за помощь в деле его лечения, после чего вышел на несколько минут из кабинета – отправился в администрацию, чтобы еще раз уточнить дальнейший график гастролей. Когда дверь за ним закрылась, Тамара через Андрея задала Патрисии вопрос, который давно вертелся у нее на языке:

– Я заметила, что у вас все время грустные глаза. Не потому ли, что трудно быть женою человека, которого все так любят?

– Да, Дина многие любят, – кивнула Патрисия. – Но у него достаточно и врагов. В Аргентине нам устраивают всяческие провокации: обстреливают наш дом, пишут на нем краской разные оскорбления, угрожают по телефону. Поэтому в последнее время жить там стало просто невыносимо. И я совсем не уверена, что смогу выдержать такую жизнь. А Дину она почему-то

нравится. Именно это меня и угнетает: при всей любви к Дину я чувствую, что мы все дальше и дальше отдаляемся друг от друга.

– Но ведь вы же ждете ребенка? – удивилась Толчанова.

– И от этого мне еще более грустно. Раньше я думала, что рождение ребенка заставит Дина изменить свой образ жизни. Но теперь поняла, что эти мечты наивны: Дина уже ничто не может изменить. Политика – вот единственное, что теперь его волнует и влечет сильнее всего на свете.

Поняв, что дальнейшие разговоры на эту тему могут причинить Патрисии только боль, ее собеседница замолчала. Да и Андрей был потрясен услышанным не меньше нее и теперь смущенно отводил глаза в сторону, как человек, который стал невольным свидетелем чужой тайны.

Между тем гастрольный тур Дина Рида подходил к концу. **20–23 ноября** они с Патрисией приехали в Ригу, где Дин дал еще несколько концертов во Дворце спорта «Даугава». Везде были аншлаги и отличный прием. Газета «Советская Латвия» напечатала интервью Дина (**23 ноября**), озаглавив его весьма просто – «Песни Дина Рида».

Из Прибалтики супруги вернулись в Москву. И практически сразу Патрисия почувствовала себя плохо: видимо, напряженный гастрольный график мужа все-таки сделал свое дело. Ее немедленно госпитализировали в кремлевскую больницу, что в Кунцеве. Дин стал допытываться у врачей о диагнозе, но те предпочли не беспокоить его раньше времени и отвечали уклончиво: мол, надо сделать анализы, надо немного подождать. Но Дина мучали страшные предчувствия. Вот уже более двух лет они жили в законном браке, однако все их попытки завести ребенка заканчивались ничем. Что-то подсказывало ему, что и в этом случае их ждет очередная неудача. К тому же сама Патрисия в последнее время выглядела подавленной и все чаще укоряла мужа в том, что политика ему стала дороже семьи. С такими настроениями было гораздо легче потерять ребенка, чем сохранить его. Так оно и вышло. Когда в очередной раз Дин приехал в больницу, чтобы навестить жену, ему сообщили, что ребенка спасти не удалось. Дин бросился в палату, чтобы успокоить Патрисию. О себе в те мгновения он не думал.

В палате с Патрисией лежала еще одна пациентка, которая специально вышла в коридор, чтобы не мешать супругам общаться. Патрисия лежала в кровати, накрытая одеялом, и выглядела подавленной. И хотя при виде мужа по ее лицу пробежало подобие улыбки, однако глаза, полные скорби, выдавали подлинные чувства, которые владели Патрисией в эти минуты. Дин присел на краешек кровати и поцеловал жену в лоб. На глазах Патрисии появились слезы, и она произнесла:

– Прости, Дин, я опять тебя подвела.

– Что за чушь ты несешь, – ответил Дин, поглаживая жену по голове. – Это я виноват в том, что у нас ничего не получается. Не надо было тебя слушать и брать с собой в гастрольное турне. Тогда бы все было нормально.

– Ты думаешь, все случилось из-за этого?

– А из-за чего же? – удивился Дин.

Патрисия ничего не ответила мужу, лишь отвела глаза в сторону. Дин догадался, о чем она думает, и, стараясь сохранять прежнее спокойствие, сказал:

– Пэтси, давай хотя бы сегодня не будем выяснять отношения. Тебе надо поправляться, а своими переживаниями ты только усугубляешь ситуацию. Обещаю, когда мы вернемся в Испанию, мы обо всем с тобой поговорим.

– Ты считаешь, это поможет? – спросила Патрисия, по-прежнему глядя в стену.

– Я в этом уверен, – твердо сказал Дин. – А пока ты должна успокоиться и завершить курс лечения. Я договорился с врачами, что тебя продержат здесь еще несколько дней. А к Рождеству мы уже будем в Мадриде. Кстати, может быть, поговорить с врачами, чтобы тебя перевели в отдельную палату? Я думаю, мне не откажут.

– Нет, нет, – Патрисия вновь повернула голову к мужу. – Одна я точно сойду с ума. К тому же моя соседка – хорошая женщина. Ее муж видный мозамбикский коммунист, и благодаря ей я, кажется, стала лучше понимать людей, так горячо исповедующих коммунизм.

– Вы что, ведете здесь жаркие политические дискуссии? – удивился Дин.

– Это не дискуссии, а скорее разговоры по душам, – улыбнулась Патрисия. – Муж этой женщины был соратником одного из основателей Фронта освобождения Мозамбика Магайи, которого убили в бою месяц назад, и она много рассказывает мне о том, что творится у них в стране.

– Я просто ушам своим не верю, – продолжал удивляться Дин. – Ты вечно затыкаешь мне рот, когда я начинаю говорить о политике, а здесь во все уши слушаешь разговоры жены мозамбикского коммуниста. Если так пойдет и дальше, то ты станешь левее, чем я.

– Не беспокойся, не стану, – успокоила мужа Патрисия. – Я сказала, что стала лучше понимать людей с коммунистическими взглядами, но сама таковой не стала, да и не стану никогда. Двух «красных» наша семья точно не потянет.

Пока его жена лежала в больнице, Дин без дела не сидел – **27–29 ноября** он дал несколько концертов в Театре эстрады. А также принял участие в съемках телевизионного новогоднего «Голубого огонька», которые проходили в телестудии на Шаболовке. Поскольку Дин был хорошо знаком с западным телевидением (с американским и латиноамериканским), ему было интересно присовокупить к этому и впечатления о советском телевидении. Они оказались двоякими.

С одной стороны, он увидел, что технически советские телевизионщики оснащены не самым лучшим образом. Да и сама Шаболовка не являла собой средоточие суперсовременного дизайна и ультрамодных новшеств (Дину объяснили, что через год в Москве откроется новый телецентр, в Останкине, который обещает стать одним из самых современных в Европе). У советских светотехников не было мощной аппаратуры, как у их западных коллег, поэтому они работали с советскими ламповыми кинопрожекторами, которые расставлялись по балконам в студии, которую они ласково называли «Аннушкой» (студия «А», где снимались «Голубые огоньки»). Этими же приборами освещалась заставка к передаче – Шуховская башня, которая была нарисована на куске старого холста. В самой студии рядом с каждым телеоператором всегда находился мастер по свету. В одной руке он держал зеркальную лампу, а другой возил штатив на колесиках, на котором крепился еще один осветительный агрегат.

Однако все эти детали померкли на фоне того, когда Дину объяснили, что такое «Голубой огонек». Это было своего рода телевизионное кафе, куда приглашались самые известные люди страны: передовики производства, популярные спортсмены, деятели литературы и искусства. Они делились с телезрителями своими планами на будущее, рассказывали какие-то необычные истории из жизни. В паузах между этими рассказами выступали известные артисты. Эта передача считалась в Советском Союзе самой популярной – у нее были самые высокие рейтинги. И Дин понял почему: у передачи был очень большой положительный заряд. Ни один западный аналог такого заряда не нес, поскольку ставил перед собой исключительно одну цель – развлечь зрителя. Там главными героями становились артисты, для которых главным было «засветиться» на голубом экране. А зрители, которые находились в студии, служили только статистами – им вменялось в обязанность улыбаться и громко хлопать.

Вообще в тот свой приход на Шаболовку Дин узнал много интересного из жизни советского телевидения. Например, он еще год назад был потрясен тем, что на нем начисто отсутствует коммерческая реклама. То есть ни одна советская телепередача, ни один фильм не прерывались каждые 7–8 минут на рекламный блок, без которого западный телезритель своего телевидения не представлял. Причем у подавляющего числа телезрителей эта реклама вызывала стойкую аллергию, однако поделаться с ней он ничего не мог – это было обязательным атри-

бутом телевидения по-западному. Дин хорошо знал эту ситуацию, поскольку в его передаче на аргентинском ТВ без рекламы тоже нельзя было ступить ни шагу. Как было известно Дину из официальных источников, только зарегистрированные доходы телевидения в США от продажи эфирного времени для коммерческой рекламы составили в предыдущем году гигантскую сумму в 4 миллиарда долларов, что равнялось национальному доходу какой-нибудь средней латиноамериканской страны.

Когда Дин поинтересовался у обитателей Шаболовки, на какие же деньги существует телевидение в СССР, ему ответили коротко: на государственные.

– А как насчет цензуры? – задал Дин вопрос, который для советских телевизионщиков был притчей во языцех – иностранцы его часто задавали.

– У нас существует так называемая внутренняя цензура, которая не позволяет нам снимать всяческие непотребности: порнографию, насилие, ужасы и т. д.

Дин был поражен и этим фактом, поскольку хорошо знал ситуацию на своем родном, американском телевидении. В прошлом году одна тамошняя газета провела анализ программ, пользующихся успехом у американских детей, и выяснила, что за 80 часов детям было показано 81 убийство и 372 акта насилия.

Но вернемся к «Голубому огоньку», в котором участвовал Дин. Он исполнил одну из своих самых на тот момент популярных песен: «Элизабет» Пола Анки. Именно эта запись, которую покажут в новогоднюю ночь, позволит миллионам советских людей впервые воочию увидеть популярного американского артиста, которого советские газеты уже успели окрестить «революционным певцом» и «другом Советского Союза».

Свободное от концертов и съемок время Дин посвящал встречам с разными людьми. В один из тех дней ему в гостиницу позвонила актриса Татьяна Лаврова, с которой он познакомился пару лет назад на кинофестивале в Мар-дель-Плата, и пригласила его вечером на свой спектакль «Двое на качелях» в театр «Современник». Дин отправился туда не один: с ним был Андрей и его коллега, девушка-переводчик Елена, которая только начала постигать азы переводческой деятельности и очень хотела, чтобы в качестве ее дебюта на этом поприще был знаменитый американский певец.

После спектакля было решено отправиться в ресторан «Арагви», чтобы достойно отпраздновать встречу. Лаврову вызвались сопровождать двое ее коллег по театру: ее тогдашний муж Олег Даль, который полтора месяца назад вернулся из Калининграда со съемок фильма «Женя, Женечка и „катюша“», и Михаил Козаков. В ресторане им выделили отдельный кабинет для важных персон, где они могли не опасаться любопытных взоров. Они просидели там вплоть до закрытия ресторана, а затем отправились догуливать вечер, а вернее ночь, в номер Дина в гостинице «Украина». Все уже были изрядно навеселе, и, когда ввалились шумной гурьбой в гостиничный коридор, дежурная по этажу попросила их не шуметь, поскольку все постояльцы уже легли спать. Однако едва веселая компания оказалась в номере, как Дин первым нарушил данное им дежурной обещание. Он взял в руки гитару и спел гостям несколько песен из своего кантри-репертуара. Девушки тут же стали кричать «Браво!» и рукоплескать Дину. Столь бурное проявление чувств к заморскому гостю со стороны его жены задело Олега Даля, и он решил доказать, что тоже кое-что умеет. В трезвом состоянии он бы вряд ли стал бросать вызов Дину, но после сегодняшнего обильного возлияния желание взять реванш буквально распирало его. И он обратился к хозяйке номера:

– Дин, гив ми инструмент, плиз...

И хотя сказано это было на вполне сносном английском, Дин сначала не понял, чего от него хотят, и продолжал сжимать гитару в руках. Тогда Даль привстал со своего места и протянул руку к гитаре:

– Ну дай мне гитару, не бойся, я ее не съем.

Как ни странно, но эти слова Дин понял и с улыбкой протянул инструмент Далу. Тот возвратился на свое место, подтянул колки на гитаре, после чего провел пальцами по струнам и запел очень популярную в те годы во время застолий песню «Там вдали, за рекой зажигались огни». Дин не понял ни единого слова, однако то, как душевно пел эту песню Даль, произвело на него сильное впечатление. И когда отзвучал последний аккорд и в номере повисла тишина, Дин первым захлопал в ладоши. Затем стали аплодировать и все остальные. Но Даль даже бровью не повел и без всякого объявления запел следующую песню – «Клен ты мой опавший» на слова Сергея Есенина. И снова первым выразил свой восторг после окончания песни Дин. Плеснув в рюмку водки, он предложил всем присутствующим выпить за исполнителя песен. А когда все осушили свои рюмки, попросил Елену перевести Далу свой вопрос:

– Олег, ваши песни издаются на пластинках?

– Ни на чем они не издаются, – отмахнулся от Дина Даль, закусывая водку бутербродом с сыром. – Я из тех исполнителей, которые дарят людям свое искусство исключительно во время застолий. И таких, как я, у нас большинство. Вот Татьяна мне говорила, что вы недавно были в Театре на Таганке и слушали там Высоцкого. Вам понравилось?

– Очень, – кивнул Дин.

– А ведь у Высоцкого тоже нет ни одной пластинки со своими песнями. Он известен исключительно по магнитофонным записям.

Когда Елена перевела эти слова Дину, он спросил ее:

– Эти записи распространяет государство вместо пластинок?

Елена в ответ рассмеялась, после чего стала объяснять Дину ситуацию с «магнитоиздатом» в Советском Союзе:

– Эти записи государство не поощряет. Этим занимаются сами поклонники певца, принося магнитофоны либо на его концерты, либо делая записи во время таких вот застолий. Потом эти записи передаются из рук в руки и расходятся по всей стране.

– У нас в Америке ничего подобного нет, – развел руками Дин.

– Это потому, что вы строите гнивающий капитализм, а мы скоро будем жить при коммунизме, – сострил Даль, после чего отправил в рот очередную рюмку водки.

Когда Дину перевели эту фразу, он громко засмеялся и похлопал Дала по плечу. Ему нравился этот худющий парень с грустными, как у побитой собаки, глазами. Впрочем, ему нравились все люди, с кем в тот вечер свела его судьба в гостиничном номере.

В Мадрид Дин и Патрисия вернулись незадолго до наступления нового **1967 года**. Однако столица Испании встретила их неласково. Еще в аэропорту приятель Дина журналист Хуан, который должен был отвезти их на машине домой, сообщил им, что за их домом явно установлена слежка. Более того, сказал Хуан, за ними и сейчас следят.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Дин.

– Всю дорогу до аэропорта за мной следовал белый «Фиат». Причем он явно не таился: притормозил неподалеку от заправочной станции, где я остановился, и стоял там до тех пор, пока я не тронулся. «Сукиридад» так топорно никогда не работали. Кстати, этот же «Фиат» сейчас опять следует за нами.

Дин и Патрисия одновременно повернулись к заднему окошку и действительно заметили в нескольких десятках метров от своего автомобиля белый «Фиат-1300». Он двигался за ними, строго соблюдая одну и ту же дистанцию.

– Может быть, это не «Сукиридад»? – предположил Дин.

– Тогда это агенты КГБ прибыли из Москвы, чтобы специально охранять вас в логове Франко, – пошутил Хуан. – Нет, это именно агенты Службы безопасности, а не прячутся они, видимо, потому, что хотят, чтобы ты, Дин, их заметил и знал: они не спускают с тебя глаз.

Это своего рода шантаж. Или предупреждение, что впереди тебя ждут серьезные испытания. Впрочем, посещая Москву, ты и сам должен был предполагать нечто подобное.

– Ты думаешь, нам не дадут здесь житья? – после некоторой паузы спросил Дин.

– Не дадут, – покачал головой Хуан. – Пока вас не было, здесь кое-что произошло. После отмены цензуры многим показалось, что режим смягчился и готов пойти на новые уступки. Но этого не произошло. Когда тридцать видных представителей интеллигенции направили правительству петицию с требованием политических свобод, им ответили отказом. Им ясно дали понять, что режим будет смягчаться ровно настолько, насколько того хочет правительство. А общественность должна заткнуться. Так что делай выводы, Дин.

На какое-то время в автомобиле повисла тишина. Дин смотрел на проплывающие за окном пейзажи Мадрида и напряженно размышлял о том, что сказал Хуан. Патрисия тоже молчала, не решаясь отвлекать мужа от его мыслей. Так в полной тишине они доехали до своего дома в старой части города. Хуан вызвался помочь супругам донести до квартиры их вещи и взял в руки кожаный чемодан Патрисии, в котором были не только вещи из ее гардероба, но и сувениры, которые они в последние дни пребывания в Москве приобрели в ГУМе на Красной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.